

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Э. С. ЛЬВОВА

ИСТОРИЯ АФРИКИ В ЛИЦАХ

Биографические очерки

Выпуск 1
АФРИКА В ДОКОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Москва
«Муравей»
2002

Рецензенты: проф. РГГУ Д. М. Бондаренко
проф. ИСАА при МГУ Ф. М. Ацамба

Львова Э. С.

ИСТОРИЯ АФРИКИ В ЛИЦАХ. Биографические очерки. Выпуск 1: Африка в доколониальную эпоху. М.: Муравей, 2002. — 256 с.

Книга посвящена малоизвестным страницам истории Черного континента. Первый выпуск охватывает период до второй половины XIX века, когда началась активная колонизация Африки.

Издание может быть использовано в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля.

© Э. С. Львова, 2002
© «Муравей», 2002

Содержание

К читателю	5
Введение	7
АБДАЛЛАХ ИБН-ЯСИН	31
АБИОДУН	35
АКИЛ.....	40
АЛЬБЕКРИ	49
АМО.....	56
АНДРИАНАИПУНИМЕРНА И РАДАМА	64
АННА НЗИНГА МБАНДИ НГОЛА	69
АХМЕД ГРАНЬ	77
БЕАТРИЧЕ	83
ГАННОН	87
ГЕДЕОН.....	89
ГЕЗО.....	96
ГЕНРИХ-МОРЕПЛАВАТЕЛЬ.....	101
ЕЛЕНА (ЫЛЕНИ).....	107
ИДРИС АЛУМА	114
ЙЕКУНО-АМЛАК	120
КАЛАЛА ИЛУНГА	125
ЛЕБНА ДЕНГЕЛЬ.....	129
ЛЕВ АФРИКАНСКИЙ	137
ЛИВИНГСТОН, ДЭВИД	145
ЛЮСИ.....	149
МАНСУ МИ ШЬЯАНГ	153
МВААНТ ЯАВ НАВЕДЖИ (МУАТА ЯМВО НАВЕДЖИ).....	153
МУТЕСА ПЕРВЫЙ (А. С. Балезин).....	161
МУХАМЕД ТУРЕ	169
МУХАММАДУ РУМФА.....	175
ОСЕЙ ТУТУ.....	179
ОСМАН ДАН ФОДИО	185
НДЖОЙЯ	190
НЗИНГА А НКУВУ	194
РУГАНЗУ I.....	200
СУНДИАТА	205
«ТАРИХ АЛЬ-ФАТТАШ»	209
ТИППУ-ТИП	214
ЧАНГАМИРЕ ДОМБО.....	220
ЧЖЕН ХЭ	226
ШВЕЙНФУРТ, ГЕОРГ	230
ШЕЙХ АНТА ДИОП	234
ЭВЕКА.....	240
ЭЗАНА	245
ЮСУФ БИН ХАСАН	249

К читателю

История Африки южнее Сахары мало известна широкому читателю. Слоны и другие экзотические животные («изысканный жираф» Н. Гумилева) джунгли, затем путешествия отважных европейцев, а следом колониальные захваты — вот, пожалуй, и весь набор знаний, долгое время доступный любознательному россиянину. Пожалуй, на слуху была еще англо-бурская война, да и в этом случае африканцев как бы не существовало на полях военных действий. С детства многим запомнились рассказы о путешествиях Ливингстона, романы Хаггарда и Буссенара, а затем и произведения Э. Хемингуэя. Позднее узнали о жестокой работорговле, колониальном разделе, тяжелой судьбе и нещадной эксплуатации народов зависимых стран. В 60-е годы прогремели имена героев национально-освободительной борьбы, среди которых был и Патрис Лумумба, именем которого назвали Университет Дружбы народов в Москве. После «года Африки» (1960) мы слышим об экономических трудностях, бедности масс и сказочном богатстве единиц, болезнях и вооруженных столкновениях. Но это очень поверхностные знания. А ведь история этого континента насчитывает не одну тысячу лет. Здесь были древние государства, сохранились интересные памятники искусства. История континента складывалась неравномерно. Северная Африка издревле была связана со Средиземноморьем, а с VII в. вошла в круг культуры арабо-Мусульманского мира. К югу же от Сахары простирались земли, до Недавних столетий почти изолированные от остального мира. Предлагаемая книга и расскажет о людях, создававших историю континента, об основных исторических событиях, связанных с их деятельностью. Первый выпуск посвящен самому малоизвестному периоду — до второй половины XIX в., когда началось активное географическое изучение материка и последующий колониальный раздел его. Из последующих выпусков читатель узнает о появлении европейцев и создании колониальных держав, серьезных изменениях, происходивших в местных обществах, упорной многолетней борьбе за независимость, сложностях постколониального периода через биографии людей, участвовавших в этих процессах. Книга написана проф. Э. С. Львовой с участием проф. А. С. Балезина, много лет читающих курсы по истории Африки южнее Сахары в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и опубликовавших немало работ по этой проблематике.

Введение

Тропическая и Южная Африка (часто ее называют Черной Африкой или Африкой южнее Сахары) отделена от Северной целым поясом пустынь — Сахарой, Ливийской пустыней, Данакиль, и развитие ее в течение длительного времени шло иным путем, нежели на севере континента. Те области были тесно связаны с культурами Средиземноморья, Ближним Востоком, Грецией и Римской империей. С середины VII в. они вошли в зону влияния исламского мира, были составной частью Арабского халифата, а затем Османской империи.

Африка южнее Сахары, хотя и имела некоторые контакты с севером континента, развивалась более изолированно. Несмотря на значительное различие языков, культуры, расовых признаков, здесь сложилась особая историко-культурная зона. Живущие в схожих природных условиях, народы континента выработали во многом сопоставимые культурные черты, что позволяет выделить общие параметры и даже особый тип цивилизации, не схожей ни с европейско-христианской, ни с буддийской, ни с мусульманской.

Современные границы государств Африки были созданы в годы европейской колонизации (только два государства — Эфиопия и Либерия не были колониями), и они не совпадают ни с этническими территориями, ни с традиционными границами доколониальных политических объединений ранних государств, конфедераций племен

или вожеств. Поэтому в доколониальный период нельзя говорить, например, об истории Танзании или Нигерии. Ведь суахлийские города вошли и в Танзанию, и в Кению, земли хауса разделены между Нигером и Нигерией, территория средневекового Конго включена в Анголу, Народную Республику Конго и Демократическую республику Конго — примеры эти можно продолжать бесконечно.

История народов Африки развивалась неравномерно, как, впрочем, и на других континентах. Отдельные народы подошли к рубежу XIX—XX вв., практически сохранив родо-племенной строй, другие издавна имели политические объединения разного уровня. Успехи исторической науки, усилия историков как Европы и Америки, так и самой Африки на основании изучения самых разнообразных источников позволяют нам воссоздать историческую картину континента. Еще в древности, а затем и средневековые отдельные сведения о народах Африки южнее Сахары попадали за пределы континента. Однако знали тогда главным образом Египет и самые северные районы. Представления о землях в глубине континента, его размерах, очертаниях, а тем более культуре населяющих его людей были более чем смутные (даже в более позднее время на картах и в книгах, рассказывающих об Африке, попадались изображения циклопов, людей «с песьими головами», одноногих, а то и ходящих на голове). Древние греки и римляне полагали, что южная оконечность Африки находится где-то вблизи экватора. Некоторые считали, что она простирается далеко на запад, другие — на восток. Рассказывали об истоках Нила в таинственных Лунных горах, покрытых снегами, и думали, что эта река пересекает весь материк. Традиции картографии, заложенные еще Птолемеем, сохранялись фактически до конца XIX в. Лишь тогда многочисленные экспедиции создали точную географическую карту Африку, но ее история оставалась по-прежнему неизвестной.

Серьезно изучать историю Африки начали лишь несколько десятков лет назад. До этого считалось, что африканцы не имеют истории, и в книгах по истории континента все время до появления европейцев называли предысторией. Более того, полагали, что и нельзя воссоздать историю этого континента. Основным аргументом для такого утверждения было отсутствие письменных источников — ведь большинство народов континента были бесписьменными. Это мнение ошибочно. Конечно, их меньше, чем, например, по истории средневековой Европы или Индии, однако они все-таки есть. Имеются и другие виды исторических источников. Попробуем хотя бы вкратце их представить.

Прежде всего это данные археологии. Археологически Африка южнее Сахары изучена пока недостаточно. Не во всех гранах проводились серьезные работы, во многих, как в Нигерии или Эфиопии, были приняты государственные планы по археологическому изучению страны, но трудности экономического и политического характера помешали их выполнению. Однако там, где они проводились, они велись на уровне самых юследних достижений науки. Благодаря раскопкам прошлого столетия стало возможным представить себе разные периоды истории континента — и самые древние, когда только формировался биологический вид «хомо сапиенс» (а Африка входила в зону антропогенеза), и каменный и железный века, и средневековые государства и города в сахельской зоне (между полосами пустынь на севере и экваториальных лесов на юге) Западной Африки, и на территории современных Эфиопии, Эритреи, Зимбабве, Танзании, Кении, Мадагаскара. Это развалины храмов и целых городов, и костные останки древнего человека и орудий труда, и ремесленные изделия, найденные как в погребениях, так и в городских кварталах, и древние рудники, и террасы средневековых земледельцев в горах, и произведения искусства и культа. Большие надежды историки возлагают на будущие археологические работы в зоне саванн. В областях с влажным климатом, в зоне экваториального леса, материалы сохраняются очень плохо — дерево гниет, металлы ржавеют и рассыпаются, заброшенные поселения быстро скрываются под тропической растительностью. Английские археологи, много лет проработавшие в Нигерии, писали, что изменения, па которые и Англии уйдет 100—300 лет, в Нигерии происходят за 30.

Письменные источники справедливо считаются важнейшими для историка. Долгое время бытовало мнение, что все народы Африки были бесписьменными. Действительно, многие из них получили письменность лишь несколько десятилетий назад (их называют «младописьменными»). Однако другие использовали разные системы письма — собственные или заимствованные. Так, оригинальным древним письмом слогового типа до сего времени пользуются народы Эфиопии. Самые древние надписи, сделанные этой системой письма, на языке гыз относятся ко II в. н. э. — это надписи на топорике царя Гедары, на камнях храмов, на каменных тропах. В IV—VI вв. н. э. правители Аксума писали о своих победах на каменных стелах. В средневековой Эфиопии записывали хроники. Свои системы письма (пиктографического и слогового типа) имели народы Гвинейского побережья — ваи, менде и другие, бамум в современном Камеруне. На них записаны фольклорные произведения, история народов, торговые документы. Однако ни то, ни другое письмо не сохранилось. Изучение глиняных барельефов дворца правителя Дагомеи и бронзовых — Бенина, рельефов на слоновых бивнях на алтарях Бенина показало, что и в этих странах зарождалось пиктографическое письмо, не развившееся, однако, в устойчивую систему.

В средневековье в Африке довольно широко распространились системы письма на основе арабского алфавита. Они получили название «аджами» в Западной Африке и «сурабе» на Мадагаскаре. Так были записаны хроники и другие документы на языках хауса, фульфульде, канури, суахили, малагаси... Многие из них уже вошли в научный оборот, другие еще ждут своей очереди. Африканские историки ведут большую работу по поиску и сбору средневековых письменных источников. Создан даже специальный Центр документации имени Ахмеда Баба (одного из ученых XVI в. в Сонгаи), который руководит этой работой в странах Западной Африки. Ученые надеются, что могут быть обнаружены подобные материалы и за пределами континента. Многие меч пиле авторы писали на арабском языке — так написаны Судана не и некоторые суахилийские хроники.

Существует и значительное число письменных источников по истории и культуре Африки, написанных за пределами континента, античных, древнеегипетских, арабских, средневековых и более поздних европейских. От античности остались произведения Геродота, Страбона и др. Одно из самых интересных произведений этого периода «Перипл Эритрейского моря» — своеобразная лоция, рассказывающая о землях, которые встречают путешественников по берегам Красного моря и северозападной части Индийского океана. По-гречески написана и «Христианская топография» Козьмы Индикошгова, который по пути в Индию посетил африканские берега. Она была переведена на русский язык, и, вероятно, это первая книга, из которой наши предки могли узнать что-либо об Африке. Надо заметить, что эта группа источников касается только Северо-Восточной Африки.

Очень много дают историкам средневековые арабоязычные сочинения. Это и рассказы купцов, и воспоминания путешественников, и заметки ученых или чиновников — людей разной этнической принадлежности, писавших по-арабски. Трудно перечислить их — недаром один из крупнейших русских арабистов назвал свою книгу о средневековой арабской литературе «У моря арабистики». Но некоторых, оставивших наиболее значительный след, нельзя не назвать. Это прежде всего Аль-Масуди, аль-Бекри (см.), Ибн Баттута, Хасан аль-Вазан, больше известный как Джованни Леоне или Лев Африканский (см.).

С XV в., после завершения Реконкисты на Пиренейском полуострове, начинаются плавания в Африку европейцев и появляется новый вид письменных источников — записки и отчеты европейцев, побывавших в Африке. Это разного рода материалы, написанные самыми разными людьми. Среди авторов XV—XVI вв. не было ученых или просто любознательных людей, отправлявшихся в дальние страны для их изучения. Это были в основном моряки-авантюристы, торговцы, впоследствии чиновники возникавших факторий или небольших колоний (в Луанде, Мозамбике или Капской колонии). Они либо

писали сухие отчеты, либо оставляли интересные заметки о своих впечатлениях (иногда кто-то записывал их рассказы). Интересовали их прежде всего выгодные товары, а лишь затем история и культура африканцев. Однако и они дают интересные сведения о народах, как правило, живущих на побережье или неподалеку от него. В те времена европейцы еще не проникали во внутренние области континента, а если и бывали там (как в Бенине или Дженне), не оставили записок. Из сохранившихся наиболее интересны, пожалуй, «История ангольских войн», заметки Алвариша об Эфиопии, «Удивительные приключения Э. Беттела», английского моряка, оставленного на территории современной Анголы и прожившего там более 30 лет, «Хроника открытия Гвинеи» придворного португальского хрониста Азуары и т. д. Для изучения истории отношений Европы и Африки, в частности в период работорговли, много дают отчеты капитанов и владельцев невольничьих судов, хранящиеся в архивах Португалии, Испании, Англии, Франции, США — в последние годы появились их публикации. Ведется и работа исследователей в африканских архивах. В более позднее время, с XVII по XIX в., когда началось активное географическое изучение континента, в Африку отправлялись уже ученые, миссионеры, колониальные чиновники — люди достаточно образованные, оставившие подробные описания народов, записи исторических преданий, изучавшие языки и культуру африканских народов. Их работы по сей день являются бесценным источником по широкому кругу проблем истории и культуры.

Еще один очень важный (а по мнению африканских историков, самый важный) источник — устные материалы. В этот круг включают устные хроники, поговорки и пословицы, эпические сказания, обычное право, в нормах которого консервируются социальные отношения. В Африке ведется большая работа по сбору и фиксации устных исторических хроник. Так, в 60-е годы XX в. со слов бродячих сказителей записан эпос о Сундиате (см.), первом правителе средневекового Мали, в Зимбабве до наших дней сохранилась память о Чангамире Домбо (см.), в Анголе и донныне поют исторические песни об Анне Нзинга Нгола (см.), героине антипортугальского сопротивления.

Благодаря изучению этого широкого круга источников, сопоставлению материалов самого разного характера стало возможным восстановить основные направления развития истории континента. Но оставалась еще проблема хронологии. Африканские народы, как и народы древности, не имели единого общего календаря. У каждого народа была своя система исчисления времени — по сезонам, возрастным классам, правлениям верховных вождей и т. д. Осложнял ситуацию и принцип не линейного, а циклического времени, а также использование мусульманского летосчисления. Таким образом, из записей исторических традиций становилась известной последовательность событий, но не время их на привычной нам европейской сетке григорианского календаря. Поэтому восстановление хронологии событий было одной из важнейших задач историков. В настоящее время в этом направлении сделано уже немало. Довольно часто данные устной исторической хроники можно сопоставить с записями арабов или европейцев, точные даты пребывания в Африке которых известны. Так, удалось сопоставить эпос парода мандинго с трудами арабов, а хроники народов Анголы — с португальскими документами. Иногда установить хронологию помогают сохранившиеся в памяти народа сведения о каких-либо астрономических явлениях — затмениях солнца и луны, кометах и т. п. Кроме того, разработана уже методика примерного определения продолжительности каждого правления и при наличии генеалогических списков появляется возможность выстроить привычные нам хронологические ступени. Тем не менее и сегодня во многих случаях историки вынуждены делать оговорки, когда речь идет о датах, — «около такого-то времени», «приблизительно», «вероятно» и т. п.

Глубокая древность изучена, естественно, лишь археологами. Палеолитические культуры известны практически по всему матеруку. Важной вехой был переход к цеолиту. Он связан с появлением новых типов орудий и сменой в значительной степени хозяйственной деятельности. Охотники и собиратели начинали переходить к земледелию.

Археологи отмечают прежде всего появление шлифованных орудий (топоров и тесел), двустороннюю обработку наконечников стрел, появление керамики. Полированные топоры находили и на поверхности земли. Иногда даже в XIX в. они использовались и в хозяйственной деятельности, и как предметы культа. Найдены наконечники стрел, браслеты, бусы, песты, костяные изделия, гарпуны, шила, многочисленные осколки керамики и т. п.

В неолитическую эпоху наряду с земледелием возникло скотоводство. Свидетельство тому — не только археологические находки, но и богатейшие наскальные росписи в нагорьях Сахары, в Эфиопии, Восточной и Южной Африке. По мнению многих исследователей, которое выразил, в частности, известный французский ученый Р. Мони, «высыхание Сахары, которая в начале неолита еще не была пустыней, но стала ею в конце периода, привело к изоляции Тропической Африки от Средиземноморья именно в данный решающий момент в истории человечества». Вытаптывание пастбищ ускорило вместе с потеплением климата опустынивание. Это, в свою очередь, повлекло за собой движение многих народов к югу и востоку, вытеснению земледельческого населения ближе к влажным районам, а им — охотников и собирателей пигмеев и саан (бушменов) в экваториальные леса и пустыни юга. Так началось постепенное расселение человека по всему африканскому матерiku.

Для этого процесса очень важным стимулом было появление обработки металла. Железный век Африки (которая миновала бронзовый в своем развитии) в разных районах континента наступил в разное время. В Сахаре и современном Судане это I тысячелетие до н. э., в Тропической Африке, вероятно, первая половина I тысячелетия н. э. Существует гипотеза самостоятельного возникновения железного века в Африке южнее Сахары через использование болотных руд и метеоритного железа. Одна из самых интересных культур железного века — Нок в современной Нигерии. В 1931 г., во время работ на оловянных рудниках к югу от г. Джос, была найдена терракотовая скульптура, изображающая голову человека. Изыскательские работы Б. Фэгга, начатые в 1944 г., показали, что здесь существовала самобытная цивилизация железного века. По имени близлежащей деревушки она получила название «культура Нок» и была датирована VI—II вв. до н. э. Здесь же найдены свидетельства производства железа и железные предметы. Богатые находки железного века были сделаны и в Южной Нигерии — «царское захоронение» Игбо-Укву (в IX в. н. э.); найдены древние рудники, места обработки металлов и памятники железного века в Восточной и Южной Африке.

Районом, где находилась прародина народов банту, были земли, лежащие на территории современных Южной Нигерии и Камеруна. Распространение железных орудий, облегчавших расчистку земель под посевы, способствовало освоению новых районов Африки, ранее недоступных для обитания человека, прежде всего зоны тропических лесов по обе стороны экватора. Начался процесс массовой миграции к югу и юго-востоку народов, говорящих на языках банту, в результате которого эти народы расселились по всей территории Африки южнее Сахары. В ходе этой миграции, продолжавшейся вплоть до начала II тысячелетия н.э., банту двигались в обход зоны экваториальных лесов, отдельные их группы осваивали граничащие с саванной лесные районы. Первой областью, где банту на время остановились, были скорее всего плоскогорья Шабы (к юго-западу от озера Танганьика) — плодородные земли со множеством рек и речек, с залежами медных и железных руд, доступных разработке простейшими инструментами. Второй этап экспансии банту — движение из этого «ядра» на запад и восток вплоть до Атлантического и Индийского океанов. Третий же, во второй половине I тысячелетия н. э., был связан с освоением тропических сельскохозяйственных культур, что дало возможность заселить более влажные районы — на север и юг по побережью Индийского океана.

II тысячелетие н. э. открывает четвертый этап движения банту, когда происходило широкое расселение народов по всей Африке. В это время происходили и повторные

миграции — с юга на север и с запад на восток. Банту активно смешивались с местными народами или оттесняли их в труднодоступные области девственного леса или пустынь юга. Вынужденное заселение неблагоприятных природных областей оказало тормозящее влияние на развитие хозяйства и общественной организации, и ни пигмеи, ни саан (бушмены) так и не перешли к производящему хозяйству.

Все эти миграции проходили в пределах континента. Немногочисленные переселенцы из Финикии, Римской империи, готы и вандалы, индийцы и арабы практически не оказали в древности и раннем средневековье влияния на этническую историю материка. Большее влияние на формирование населения Северо-Восточной Африки оказали древние связи с Аравией. Отдельные переселения аравийских племен на африканский континент имели место еще до нашей эры, происходила активная метисация и ассимиляция пришлого населения. Часто память об этом сохранялась в этно- и топонимике. Так, старое русское название эфиопов «хабши», как и название страны «Абиссиния», происходит от древнего аравийского племени «хабашат». Иначе сложилась история Мадагаскара и островов Индийского океана. И язык, и многие черты культуры (духовая трубка, лодки с балансиром, кузнечные мехи, планировка жилища и т. п.), как и наличие явно монголоидных черт указывают на близкое родство с народами Юго-Восточной Азии и Полинезии. Именно оттуда, вероятно, прибыли самые древние насельники (полагают, что было минимум три миграционные волны — в XVI и II вв. до и. э. и между I и X вв. н. э.).

В средневековье появились новые факторы, оказавшие немалое влияние на формирование этнической карты континента. В Африке южнее Сахары не было, как на севере материка, военных завоеваний арабов, создавших мощный Халифат. Здесь большую роль играли не прямые захваты или переселения целых племен, а торговые и культурные связи. Исключение составляют, пожалуй, Мавритания и некоторые районы северо-восточной части, где появились кочевые арабские племена. Однако и здесь пришельцы жили достаточно изолированно, не смешиваясь с местным населением, не ассимилировали его, да и само не подвергались ассимиляции.

В большинство стран Западной Африки арабы попадали как купцы или «факихи» (знатоки и проповедники ислама). Верхушка многих политических объединений приняла ислам как государственную религию, арабский язык стал языком культуры и образования. Немалым было и влияние арабской культуры, как бытовой, так и книжной, и архитектуры (такой элемент, например, как арочное перекрытие). Местные владыки, общаясь с мусульманами на родине, совершая хадж в Мекку, посещая Каир и другие арабские города, в какой-то мере копировали дворы исламских владык, носили мусульманские одежды. Это давало повод, некоторым исследователям утверждать, что вообще вся культура Западного Судана — наносное, чисто внешнее явление: арабского происхождения, не имеющее местных корней.

Однако, как и во многих других попавших под влияние арабов областях, арабский язык стал языком привилегированных слоев, играл ту же роль, что латынь в Европе или китайский язык на Дальнем Востоке. Он не получил распространения за пределами письменной культуры, даже ислам стал оболочкой более глубоких традиционных верований. В учебных заведениях Томбукту и Дженне, где сначала работали ссевероафриканские или ближневосточные богословы и грамматиканы, а потом местные уроженцы, получившие образование в Каире или Фесе, вскоре появились и собственные выпускники. Ученые Томбукту, такие, как Ахмад Каба, много и плодотворно работавшие, хотя и писали по-арабски, были плоть от плоти местных народов. За пределами образованной прослойки ни язык, ни культура арабов не получили распространения. Купеческие мусульманские кварталы в городах Западной Африки были довольно изолированы. Жители их мало смешивались с местным населением, а за пределами городов их и вовсе не было. Поэтому арабское влияние практически не изменило этнического состава этого региона.

Вторая зона значительного арабского влияния — Восточная Африка. Здесь, на побережье Индийского океана и на северо-западе Мадагаскара, возникла целая цепочка торговых городов. Основание их долю приписывали именно арабам. На самом деле здесь происходил синтез арабо-мусульманской и африканской культур. Арабы-переселенцы в Восточной Африке — это не скотоводческие племена, обосновавшиеся к северу, перебивавшиеся на новые земли со всем имуществом, стадами, чадами и домочадцами, а отдельные купцы и проповедники, как правило одинокие мужчины. Они брали жен из местных пародов, нередко воспринимали свойственные им культурные ценности. Однако за долгие годы политического подчинения этих областей арабским правителям Омана выработалось устойчивое представление об особой престижности принадлежности к арабам, и многие мусульмане-африканцы причисляли себя к этому этносу. Население средневековых городов побережья являло собой пеструю картину. Арабские авторы того времени писали об их жителях как о «зипджах разного цвета кожи». Как результат глубокого синтеза двух культур сложился язык «суахили», название которого связано с арабским словом «сахель» — берег. Однако влияние арабской культуры и языка вплоть до второй половины XIX в. ограничивалось узкой полосой побережья Индийского океана и группками прибрежных островов. В это время основные земли Центральной, Восточной и Южной Африки были освоены народами банту. Но внутри этого большого комплекса народов продолжалось миграционное движение. В Восточной Африке именно в средневековье (не ранее XIII—XIV вв. п. э.) началось активное продвижение к югу народов нило-сахарской языковой семьи (чаще их называют пилотскими народами). Они расселились по долинам современных Кении, Уганды, Северной Танзании, Руанды и Бурунди. Большинство их — скотоводы (масаи, кипсигис и др.), которые до сей поры сохраняют язык, самосознание, обособленность от банту-земледельцев (см. статью «Руганзу I»). К XV—XVI вв. относится и расселение галла (оромо), двигавшихся с юга Эфиопии и постепенно занявших значительные территории, часто чересполосно с автохтонным населением.

На формирование этнической карты Африки в это время влияли не только миграции, вызванные экологическими причинами — поисками новых пастбищ или плодородных земель либо расселением народов, численность которых возросла. Факторы «политического характера» — появление так называемых «традиционных государств», вовлечение континента в европейскую торговлю, переросшую в работоторговлю, — тоже в значительной степени перекроили этническую карту.

В Африке южнее Сахары первые крупные политические объединения появились уже в раннем средневековье. Один из арабских путешественников, Лев Африканский, писал: «Земля черных также разделяется на многие королевства. Однако некоторые из них удалены от области нашей торговли и нам неизвестны. Поэтому я расскажу о королевствах, в которых бывал и которые хорошо знал, а также о тех, из которых приезжали купцы, продававшие свои товары в странах, где я находился, и давшие мне об этих королевствах ценные известия. Я не стану умалчивать о том, что был в пятнадцати королевствах земли черных, тех же, где я не был, осталось втрое больше».

Уже с самого начала в них жили представители разных народов. Одна этническая группа составляла ядро, вокруг которого группировались другие, часто подвергавшиеся ассимиляции. Нередко имели место насильственные переселения племен, шли процессы интеграции, смешения в рамках одного политического союза. В раннее время они только намечались, интенсивнее же происходили в государствах более поздних. В больших по территории государствах с изначально очень сложным этническим составом редко формировались единые крупные этносы. Так, сонгаи, создавшие обширную «империю» Гао (Сонгаи), остались сравнительно небольшим народом. Однако политическое развитие в более компактных областях способствовало складыванию из близкородственных групп единого компактного целого. Такие процессы шли, например, у йоруба (юг современной

Нигерии), вокруг народа канембу (в Канем-Борну, в пограничных областях совр. Нигерии, Камеруна, Чада), вокруг санхаджа в государстве Альморавидов.

К этому же периоду относится и расселение на просторах саванн Западной Африки народа фульбе. Скотоводы-кочевники фульбе, по-видимому, пришли в Западную Африку через Сахару из северо-восточной части континента. В VIII в. они жили на крайнем западе региона, а с XVI по XIX в. расселились к востоку вплоть до северных районов современного Камеруна.

В Центральной Африке подобные же процессы происходили в Луба, Лунда, Конго. Их административное деление основывалось не на этнических, а территориальных принципах. А внутри провинций складывались падплеменные общности, происходил процесс складывания единого самосознания и общего языка. Сходные процессы проходили и в Межозерье, но здесь они имели свою специфику. Наряду с формированием бантуязычных общностей возникли и своеобразные этнокастовые группы, ведущие свое происхождение от переселенцев-нилотов. До наших дней сохраняется сознание разного происхождения у хуту и тутси в рамках баньяруанда и барунди.

Народы восточафриканского побережья не имели ни в средневековье, ни позже единых крупных государственных объединений. Однако их тесные торговые связи, как и более поздние союзы против португальцев, с начала XVI в. начавших колонизацию побережья Индийского океана, привели к образованию населения, смешанного по происхождению, но единого как по языку и культуре, так и по самосознанию, от Кил вы на юге до Момбасы на севере. Подобные же процессы укрупнения народа — ядра государства и ассимиляции им мелких этнических общностей проходили и в Мономотапе (на территории современного Зимбабве), и в Имерине (на Мадагаскаре). Иногда от названий государств происходили этнонимы: малинке — люди Мали, балунда — люди, живущие в государстве Лунда. В XIX в. подобные процессы проходили и в Южной Африке, где сложился народ зулу в рамках «империи» Чаки.

Четыре столетия Африка южнее Сахары была континентом, откуда в ближневосточные страны, а затем и в неизмеримо больших масштабах на плантации Америк шло «черное золото» — невольники. Спасаясь от ужаса заокеанской неволи, многие племена и народы покидали родные места и пытались найти спасение на новых землях. Другие исчезли вовсе — они были либо уничтожены физически, либо остатки их влились в другие этносы. Некоторые области оказались совершенно опустошенными. Значительную часть населения составляли в Восточной и Южной Африке индийцы. Торговлей с Африкой индийцы занимались еще с древности. Еще более широко эти связи развернулись в средневековье. Некоторые индийские ученые полагают даже, что эфиопское слоговое письмо происходит от санскрита, а найденные в руинах Большого Зимбабве скульптуры из мыльного камня птиц бога Мверу связаны с индийскими легендами о птице Гаруда. Марко Поло отмечал, что корабли из Малабара ходили в порты Мадагаскара и Занзибара. Обычными были плавания между восточафриканским побережьем и Индостаном. Известно, что корабли Васко да Гама провел в Индию местный лоцман.

В средневековье немало народов создали потестарные политические образования — вождества. В них родо-племенная верхушка выделяла особый слой, занятый контролем над общественными ресурсами и организацией общественных работ, военным предводительством и отправлением религиозного культа. Помимо рядовых общинников в них существовали и рабы, сохранялись и группы неравноправных общинников (младших членов рода и людей, не прошедших инициации и поэтому выброшенных из социальной иерархии). Во главе их стояли вожди (как правило, из рода первых поселенцев), присваивавшие труд соплеменников па общественных полях и определенную долю труда в их собственных хозяйствах, а также часть охотничьей и военной добычи и судебные штрафы. Вождям подчинялись субвожди и старосты, которые также отчуждали в свою

пользу труд подчиненного им населения; кроме того, в их пользу, а также в пользу должностных лиц управленческого аппарата шла часть доходов вождя.

У некоторых народов континента подобные вожества сохранялись вплоть до конца XIX столетия. В других случаях из них выростали ранние государства. Немалую роль в этом процессе сыграли контакты с более развитыми историческими зонами. Так, сложились три главных региона афро-средиземноморских и афро-азиатских контактов — долина Нила, Западный и Центральный Судан, прибрежные районы Восточной Африки. Связи с классовыми обществами ускорили процессы государствообразования в этих регионах и обусловили некоторые их особенности. Как показали многие исследователи (особенно много в этом направлении сделал русский ученый Л. Е. Куббель), в формировании здесь антагонистических отношений и, как следствие, ранних государств главную роль сначала играло не внутриэкономическое развитие африканских обществ, лежавших на ближней периферии классового мира, а торговля товарами, получаемыми из более слабых обществ дальней периферии, располагавшихся в глубинных районах Африки.

Сложилось несколько зон ранней государственности в Африке южнее Сахары. Самая ранняя по времени государственность возникла в Северо-Восточной Африке и была исторически связана с восточносредиземноморским миром и Аравийским полуостровом. Мероэ и Напата (I тыс. до н. э.) в долине Нила были тесно связаны с Древним Египтом, испытали значительное влияние их в развитии религии, письменности, административного устройства и т. п. Пришедшие им на смену христианские Алва, Мукурра, Марис и другие — с христианской Александрией, затем Сеннар и Донгола стали частью мусульманского мира. На территории современной Эфиопии еще до нашей эры сложилась своеобразная храмовая цивилизация. Возникший около II—III вв. н. э. Аксум был тесно связан с IV столетия с христианским миром, христианской оставалась и Эфиопия, пришедшая ему на смену. В культурном отношении она была связана с доисламской Аравией. Появление же ислама и исламизация населения на западном берегу Красного моря включили значительную часть страны в зону влияния мусульманской культуры. Торговые связи издавна существовали у этого региона со многими странами Востока, вплоть до Индии.

Вторая зона — Западная Африка. Здесь государственность более поздняя, не ранее IV столетия н. э. (именно в это время, как полагают многие исследователи, сложилась Гана). Позднее в широкой полосе Сахеля (природной зоне между Сахарой и экваториальными лесами) сложились торгово-ремесленные государства, издревле соединенные караванными путями с Северной Африкой. В средневековье многие из них приняли ислам. Южнее на Гвинейском побережье ранние государства народов бини, фон, йоруба возникли на рубеже I и II тысячелетий н. э. Они долгое время существовали в изоляции, а с XV—XVI вв. испытали значительное влияние европейской торговли.

Третья зона — Восточная Африка. Хотя, как показати в последние годы работы археологов, развитие внутренних областей (хинтерланда) этого региона давало возможность самостоятельного развития первых антагонистических обществ, все же расцвету их в немалой степени способствовали торговые и культурные связи со странами Индийского океана, насчитывающие долгую историю.

Наконец, в Центральной Африке, которая была изолирована от внешнего мира дольше, чем другие районы континента (некоторые народы ее впервые увидели неафриканцев лишь в конце XIX столетия), государственность возникла еще позднее — во многих случаях в конце XV — начале XVI в., а то и в XIX в. Развитие здесь было замедленно, и многие социально-экономические процессы лишь намечались, но не завершились.

В истории общественных отношений, административном устройстве и т. п. африканских народов можно, несмотря на естественные локальные различия, увидеть и общие черты, необычные и непонятные с точки зрения первых европейцев, описывавших

эти общества, и явно характеризовавших их как «ранние государства». Так, в первых описаниях Африки можно обнаружить прямо противоположные мнения относительно собственности на землю. Одни авторы писали, что в Африке земля не принадлежит никому, другие — что здесь нет «ничьей» земли. Права вождей и правителей распоряжаться землями народа многие авторы подобных описаний часто принимали за феодальные права. Нередко португальцы XVI—XVII вв., рассказывая об этих обществах, писали о «маркизах», «графах», «фидалгуш» и т. д., перенося на Африку привычную титулатуру европейского средневековья. На деле здесь не было феодалов-ленников, а земля в африканских обществах принадлежала общине в целом. А в такую общину, по представлениям африканцев, входили не только живущие, но и (в первую очередь) предки. Именно последние и считались подлинными хозяевами земли. Перед началом сельскохозяйственных работ или перед работами в рудниках совершались особые обряды, во время которых обращались к предкам за разрешением начать их. Связи между предками и ныне живущими членами общины осуществляли сами главы общин, а в масштабах всей страны — верховные правители. Нередко в общинах существовали два главных лица — вождь политический (или военный) и ритуальный — «хозяин земли» (или «хозяева воды» у народов-рыболовов). Лишь у немногих народов складывались земельные угодья, которые можно было бы условно назвать «собственностью короны» (йоруба, баконго, сонгаи).

В структурах ранних государств Африки сохранялись некоторые элементы общественной жизни, характерные по форме для более низких уровней развития, но по существу выполнявшие уже новые функции — сохранения привилегированного положения верхушки общества.

Так, отношения внутри государственных образований принимали форму кровнородственных отношений, существовали такие титулы, как «брат правителя», «сын», «дядя», «сестра», «жена» и т. п. На деле носители этих титулов были просто сановниками, не связанными реальным кровным родством с верховными правителями.

Нередко сохранялись следы материнского права (но не матриархата). У ряда народов Гвинейского побережья и бассейна реки Конго сохранялся (а местами существует и сегодня) материнский счет родства. Зачастую и наследование как должностей, так и имущества проходило по женской линии — от дяди (брата матери) к племяннику (сыну сестры). Большую роль играли и в этих обществах, и во многих других (главным образом в Центральной Африке и Межозерье) женщины-соправительницы (см. статью «Елена»). Даже там, где этот институт не сохранился, остались его следы, например, в именах правителя. Так, в имени правителя Мали XIV в. Канку Муса первая часть — имя его матери. Правитель Луба конца XIX века носил имя Касонго Каломбо, где вторая часть — имя матери.

Во многих раннегосударственных образованиях сохранялась армия-ополчение, характерная для доклассового общества, когда каждый взрослый мужчина в случае необходимости становился воином, сам обеспечивал себя оружием и продовольствием. Как не было регулярной армии, так не было и полиции, которая обеспечивала бы внутренний порядок в ранних государствах. Ее роль выполняли тайные общества, которые по форме сохраняли вид тайных мужских союзов, но по сути осуществляли следствие и приведение приговоров в исполнение.

Как правило, не было и писаных законов (лишь в некоторых случаях сохранились средневековые судебные постановления, как, например, в Сепнаре на землях современной Республики Судан или «Фытх Ныгэст» в Эфиопии), суды проходили по нормам обычного права, распространены были «ордалии» — «божьи суды». Только наиболее серьезные преступления против центральной власти судил верховный суд, остальные рассматривались на местах. Однако уже в этих нормах прослеживалось социальное неравенство. В одних обществах за одни и те же проступки, совершенные против рядового общинника или знатного человека, наказания были различными. В других

(например, в Куба) складывались особые сословные суды: одни рассматривали дела ремесленников, другие — общинников, третьи — придворных и т. д. Нередко сохранялись и некоторые функции народного собрания. Правда, оно уже не принимало никаких решений, однако освящало своим согласием важнейшие предприятия центральной власти.

Еще один элемент доклассового общества, надолго сохранивший свое значение и в раннегосударственных образованиях, — возрастные классы. Они формировались из молодых людей, которые одновременно проходили инициации — обряды перехода в состояние полноправных членов общества. Они были основными единицами социальной жизни — «класс пастухов», «класс молодых воинов», «класс старших воинов», «класс старейшин» и т. д. в племенных структурах. У некоторых народов Африки эти институты можно проследить и сегодня, а в Эфиопии политические деятели народа оромо даже ратуют за восстановление его как основы демократических преобразований. Сохранившись по форме, в раннегосударственных образованиях они играли уже иную роль. Так, на их основе создавались армейские подразделения, в Куба, например, они выполняли функции сохранения статус-кво в условиях господства правящей верхушки и служили интересам этого узкого слоя.

Весьма необычен был и характер власти верховного правителя, которого европейские авторы традиционно и неверно называли «король», «царь», «монарх» и даже «император». На деле скорее это были ритуальные, сакральные фигуры, по определению известного английского ученого Дж.Фрезера — «священные цари-жрецы». Они рассматривались как существа, наделенные (после совершения особых обрядов) особой чудодейственной силой, посредники между миром живых и миром предков, воплощавшие в себе идею благополучия народа (см. статью «Абиодун»). Они одновременно были и жрецами культа умерших правителей, и объектами поклонения. Внешне верховный правитель получал почести как неограниченный деспот. Реальная же власть была значительно ограничена советом знати, без согласия которого невозможно было провести никакого решения. Нередко главы таких советов проводили собственную политику, идущую вразрез с планами самого верховного правителя, или свержали неугодных «монархов».

Идеологическим обоснованием власти правителей был культ предков, в условиях более или менее централизованных обществ с сильной властью общегосударственным становился культ умерших правителей. До появления ислама и христианства это была единственная идеологическая основа центральной власти. Позднее в районах, тесно связанных торговыми и культурными связями с миром ислама, государственной религией стало мусульманство. Оно настолько роднилось с политическими системами, например, государств Западной Африки, что в период французского завоевания региона нередко становилось знаменем сопротивления.

Напротив, предпринятые португальцами в XV—XVI вв. попытки распространить католичество успеха практически не имели. Крещение правителей Бенина и Мономотапы осталось единичным актом. Большого успеха португальцы добились в Конго, где почти два столетия христианство оставалось государственной религией. По мнению крупного российского африканиста Б. И. Шаревской, причиной успеха христианства в Конго была слабость, неоформленность культа священного правителя. Бременем же широкого распространения христианства в Африке стал лишь XIX век. Однако в районах ислама, как и христианства, продолжала существовать и традиционная вера в особость, святость предков правителей и живых потомков правящих династий.

Один из самых сложных и вызывающих дискуссии и споры вопросов — определение социально-экономического уровня развития доколониальных обществ Тропической Африки. Говорили о них как об обществах рабовладельческих или феодальных или о господстве в них «азиатского способа производства», иногда предлагали даже выделить «африканский способ производства». В нашей науке неоднократно дискуссии по этому вопросу проходили в рамках общеисторических споров о природе древних

обществ. Большинство исследователей признает, что, несмотря на существование рабовладения, оно оставалось внутри местных обществ лишь укладом — использование рабского труда никогда и нигде не являлось основой производства. Вообще термин «раб» в привычном для нас понимании в применении к лично зависимому, несвободному населению доколониальных обществ Африки весьма условен. Пленники издавна были предметом выкупа или торговли за пределами тропической зоны — в Северную Африку, на Ближний Восток, позднее в Новый Свет, хотя и не занимали ведущих мест в перечне товаров. Именно продажа, а не эксплуатация внутри страны была основной целью захвата пленников. Это нашло отражение и в этимологии названий категорий несвободного населения у некоторых народов Центральной Африки. Так, например, широко распространенный термин у балуба — «муника», т. е. «человек, которого можно продать».

Внутри же самих африканских обществ труд рабов использовался минимально, что дало возможность многим исследователям считать рабство «патриархальным» или «домашним». Часто такие люди работали вместе с семьей хозяина, выполняли те же работы, что и младшие члены семьи, и в некоторых языках назывались одним и тем же термином. В некоторых регионах Западной Африки (особенно в Сонгаи) создавались особые поселения пленников. Однако по методам эксплуатации они приближались скорее к зависимому крестьянству — получали надел, имели собственную хижину и орудия труда, сохраняли право на урожай за вычетом определенной доли хозяину. Особо доверенные пленники составляли «рабскую аристократию», достигал иногда немаловажных постов. Второе и третье поколения несвободных утрачивали этот статус. Нередко исследователи включали в число рабов и особую группу зависимого населения, которую лучше было бы назвать «кабальниками» или «кабальными должниками». Это люди, попавшие в долговую зависимость. Хотя они и теряли личную свободу, их положение значительно отличалось от положения собственно рабов. Они сохраняли право защиты общиной, юрисдикцию, могли откупиться на волю, не могли быть проданы, и зависимость их была временной — до выплаты долга.

Дань и отработки в пользу верховной власти, хотя и стали обязательными, не были (в большинстве случаев) строго фиксированными. Только в ряде случаев стали выделяться, условно говоря, «королевские домены» Разнообразие мнений, своеобразный итог исследований наших ученых хорошо показал Г. С. Киселев: — «...приходится признать, что в доколониальное время африканское общество в целом так и не вышло за рамки раннеклассовой стадии развития. При этом именно становившийся, конгломератный, перасчлененный тип отношений эксплуатации, не сводимый ни к рабовладельческому, ни к раннефеодалному, и составлял специфику доколониальной Африки». Можно с большой долей вероятности считать, что постепенное развитие социально-экономических отношений шло в сторону феодализации общества. При этом наиболее далекими от последней были общества Центральной и Южной Африки. Значительно ближе — Западной и Северо-Восточной. О некоторых из них прямо говорят как о феодальных. Л. Е. Куббель, считал таким Сонгаи, С. Р. Смирнов — Дарфур и Сеннар, С. Б. Чернецов — Эфиопию с XIII в.

Значительно изменилась ситуация на континенте с эпохи так называемых Великих географических открытий. Началось постепенное проникновение европейцев сначала вдоль побережья Атлантического океана Африки к югу, затем, после плаваний Бартоломеу Диаша и Васко да Гама, — Индийского океана. В то время европейские моряки и купцы (а первыми были португальцы) не ставили задачи проникновения в глубь материка, хотя отдельные смельчаки, видимо, добивались до глубинных районов. Так, есть сведения о некоем европейце, жившем в XV в. в Томбукту. Главным же образом их интересовала возможная торговая прибыль, а основными товарами были пряности (гвинейский перец), слоновая кость, золото, пальмовое масло, необходимое для парфюмерии, машиностроения и кулинарии. Только позднее место этих товаров постепенно заняли чернокожие рабы. И отношения с местными правителями разных

рангов складывались поначалу как отношения торговых партнеров. К тому времени торговые связи с Северной Африкой были затруднены из-за незаинтересованной политики Османской империи. Произошла их переориентация. Это привело к медленно, но неуклонному упадку старых раннегосударственных объединений в сахельской полосе Западной Африки, ослаблению живших торговлей с Востоком суахильских городов в Восточной Африке, но зато к появлению новых прибрежных объединений, ориентированных на связи именно с европейцами. Не случайно именно в этот период оформляются Ойо, конфедерация Ашанти, Вида, Ардра, Калабар на Гвинейском побережье. Местные правители, получавшие долю прибыли, не видели в европейцах грядущей опасности. Они активно использовали возможности контактов для получения огнестрельного оружия, обладание которым давало им лишний шанс в борьбе с соседями-соперниками. Нередко они заключали союзы против них с португальцами либо с голландцами против португальцев и т. п. Сами португальцы не проводили политику территориальных захватов, они старались заручиться поддержкой местных правителей, зачастую становясь их советниками. Позднее давление на Африку усилилось. В торговле, особенно работорговле, начали принимать участие и представители других европейских держав — Голландии, Англии, Франции. Началось и географическое открытие континента, в Африке появились не только торговцы, но и миссионеры, воины, а вслед за ними и колониальные чиновники. Но эти процессы стали главным содержанием истории Черной Африки уже в XVIII—XIX вв.

АБДАЛЛАХ ИБН-ЯСИН

Этот основатель военно-религиозного политического объединения Альморавидов умер около 1059 года (время его рождения неизвестно). Объединение возникло на территории современной Мавритании, вокруг крепости («рибат») на берегу Атлантического океана, поблизости от нынешней столицы страны Нуакшота. Здесь, среди разводивших верблюдов кочевников-берберов из племен лемтуна и санхаджа обосновались мусульманские воины и проповедники, своеобразные рыцари-монахи. Согласно одной из легенд, ибн-Ясин был специально приглашен ими для проповеди учения Аллаха. Арабы называли их «людьми из крепости» (аль-мурабитун), а впоследствии, когда те, основав свой воинственный союз, закосвали Северо-Восточную Африку и устремились на Пиренейский полуостров, утвердилось испанское звучание этого термина — Альморавиды.

Идейным знаменем завоеваний этих суровых людей, ведших аскетический образ жизни и посвящавших свое время обучению военному искусству, было распространение ислама суннитского толка маликитского мазхаба. Земные же цели были призмленпсе — установление контроля над традиционными торговыми путями из южных областей в Северную Африку. До конца IX века лемтуна взимали плату за проход купеческих караванов через свои земли и сами осуществляли перевозки. Участок между Сиджильмасой и Ганой даже носил название «трик лемтуна». В X—XI вв. торговые пути переместились восточнее, значение этого древнего западного пути упало и кочевники лемтуна и санхаджа двинулись на завоевание восточных соседей.

Добавим, что еще одной целью был захват соляных копей, снабжавших поваренной солью всю Западную Африку. Это был особо выгодный товар — были периоды, когда за соль расплачивались по весовому эквиваленту золотым песком. Преимущества владения местами добычи каменной соли были столь явными, что тысячный отряд первых воинов-альморавидов вскоре вырос в многотысячное хорошо обученное войско.

Альморавиды были не первыми правителями берберов санхаджа и лемтуна. В течение IX, а возможно, и VIII веков у них правила собственная династия. Народная память сохранила имена ее основателя Уртенка, его сына Урекута и внука Тилагагена. Во времена правления внуков последний представитель ее был убит в ходе

непрекращающихся войн с южными и восточными соседями-негроидами. Предания гласят, что один из самых крупных торговых городов в этих краях — Аудагост, подчинившийся правителю Ганы, был когда-то берберским городом.

Появление новой сильной власти, взявшей на вооружение идеологию ислама, привело к оживлению исторической памяти. Новые походы не рассматривались как завоевательные, а вдохновлялись стремлением вернуть утерянное предками — не беда, что впоследствии оказалось, что вновь захваченные территории были намного больше когда-то утерянных.

В 1054—1055 гг. были захвачены Аудагост (почти полностью разрушенный), затем Сиджилма, установлен контроль над землями от реки Сенегал и верховьев Нигера до оазиса Тафиламта. В «государстве» существовало разделение власти — религиозно-политическое руководство осуществлял сам ибн-Ясин, а военная власть оставалась в руках местных воинов-лсмуна во главе с эмиром Яхья ибн-Омаром (ум. в 1056 г.), а после его смерти — с братом Абу Бакром ибн-Омаром. Последний после смерти ибн-Ясина объединил в своих руках всю полноту власти. Его лозунги «уничтожение неверных» и «отступников», а главное — провозглашение борьбы с «неправедными правителями» и «незаконными налогами» — привлекали все новых воинов, и в течение двух десятилетий создалось обширное государство на территории современных Мавритании, Западной Сахары и Марокко. На землях последнего, неподалеку от покоренного ими города Агмата, эмир которого погиб в бою, был в 1060—1062 гг. основан Марракеш, бывший сначала военной ставкой, а затем ставший столичным городом, в 1120 г. обнесенный стенами.

Между тем на юге, на исконных землях кочевников, вспыхнуло восстание, и Абу Бакр ушел на его подавление, оставив в Марракеше своего племянника Юсуфа ибн Ташфина. Подавив его, Абу Бакр продолжал завоевательную политику на востоке. Главным противником здесь была Гана. В 1076 г. был завоеван ее главный город — Кумби Сале. Однако после двух неудачных восстаний, в 1087 г. город все-таки снова стал свободным.

Абу Бакр умер в 1087 г. после ранения отравленной стрелой, союз кочевых племен распался. Центр государства окончательно переместился на север, в Марракеш. После смерти Абу Бакра политическим, религиозным и военным главой стхт Юсуф ибн Ташфин. Его интересы были ориентированы на север. В 1069 г. им был взят и укреплен Фес, затем разгромлены берберы зената в Тлемсене, и войска Юсуфа дошли до Кабилии.

Еще севернее, за Джебель ат-Тарик (Гибралтаром) велась борьба мусульман Испании с христианами. В 1085 г. пал Толедо, и правители аль-Андалуса обратились к южным единоверцам за помощью в борьбе с Кастилией. В 1086 г. Юсуф ибн Ташфин одержал победу при Заллаке близ Бадахоса. Он был уже к тому времени прославленным военачальником, и неудивительно, что в трудный час эмир Севильи аль-Мутамид призвал его на помощь. Юсуф ибн Ташфин сумел не только помочь братьям по вере, но и стать в 1094 г. верховным правителем всего аль-Андалуса. Унаследовавший ему Али (1106—1142) простирал свою власть на Сахару, Марокко, Балеарские острова, Пиренейский полуостров до границ Кастилии и Арагона.

Но это государство оказалось непрочным. Оно жило лишь за счет военной добычи, прочной основы не имело. Верхушка завоевателей-берберов была чужда основному населению. Утратила свою сплоченность и армия, где значительную роль начали играть наемники. XII век стал временем постепенного упадка, а затем и падения Альморавидов. В горах Марокко возникла новая религиозная община Альмохадов во главе с Ибн Тумартом. В течение 1144—1146 гг. они захватили Тлемсен, Фес, Марракеш, а после 1160 г. изгнали Альморавидов и из Испании. Под властью последних оставались только Балеарские острова.

АБИОДУН

С этим именем связан период славы и могущества Ойо, самого крупного и известного государства народа йоруба (на юге современной Нигерии). Этот народ, один из самых многочисленных в стране, создал уникальную цивилизацию городского типа — и до наших дней эти земли являются урбанизированной областью Нигерии. Самый древний центр культуры йоруба, город Иле Ифе лежит на границе гилей — экваториального леса и саванны. И сейчас он выполняет функции священного города, где сосредоточены основные святыни, и историческая память народа рассматривает его как культурно-историческое ядро. Основание города и происхождение самого народа легенды связывают с Одудуву, творцом мира, а основание Ойо — с его внуком Ораньяном. А Шанго, один из первых правителей города, был позднее включен в пантеон богов и стал воплощением молнии и грома.

Йоруба долгое время не имели единого политического организма, и почти два десятка городов-центров деревенской округи вели относительно самостоятельное существование. На первом этапе политизации (X—XII вв.) помимо Ифе важную роль играл город Иджебу, владения которого достигали побережья Гвинейского залива. Именно этот город первым встретил европейцев. По описаниям последних, это было богатое политическое объединение, жители которого были хорошими земледельцами, искусными ремесленниками, умелыми торговцами. Их ткани закупались португальцами для перепродажи на Золотом Берегу и в Бразилии. Но больше европейцев интересовали слоновая кость, пальмовое масло и невольники. Город Иджебу умело использовал выгодное географическое положение, держал в своих руках посредническую торговлю с более северными объединениями, не подпуская их к выгодам непосредственных контактов с белыми чужеземцами. А в обмен Иджебу получал огнестрельное оружие и порох, что давало и военное преимущество, и дополнительные торговые выгоды при перепродаже соседям.

Однако наибольших успехов достиг Ойо. Он расположен к северу от лесистых саванн, на землях благодатных для развития и земледелия, и скотоводства. Следует добавить, что именно здесь проходили торговые пути, связывавшие южные районы с северными. Археологи обнаружили следы поселений, существовавших в XII—XIII вв. Изучение генеалогий правителей дает XIV в. как время основания Ойо, а самые последние исследования нигерийских историков позволяют утверждать, что уже в X в. город был значительным торговым и политическим центром. Однако лишь к началу XIII столетия он стал бесспорным гегемоном в этих районах, подавив сопротивление соперников — Нуле, Боргу и ряда йорубских городов.

Именно к этому времени укрепилась власть верховного правителя и Ойо стал стольным городом и оставался им до второй половины XIX в. До этого ставка правителя неоднократно переносилась. Могущество Ойо базировалось на торговых и военных успехах. Богатство, добытое торговлей, давало возможность закупать очень дорогих лошадей (в этих широтах их нельзя разводить, они не размножаются из-за климата) и создать боеспособную конницу, устрашающую соседей. На протяжении всего XVII в. правители Ойо («алафины») боролись за выход к побережью и установление прямых контактов с европейскими купцами и работоторговцами. С конца этого столетия прибрежные работоторговые союзы (Аллада, Вида) стали данниками Ойо. А к середине XVIII столетия удалось сломить главного соперника — Дагомею и объединить все йорубские города, включая Лагос.

Этот второй период истории называют «имперским». В самом политическом объединении (или раннем государстве) Ойо усиливалась единоличная власть правителя, подкрепляемая сложной обрядностью его сакрализации, формированием аппарата насилия (армии, судов, надзора) для контроля над покоренными землями, лучшего обложения и сбора дани, торговых пошлин и т. д. Сущность власти алафина отвечала понятию «священный царь-жрец». Он выступал одновременно и как объект культа, лицо,

наделенное сверхъестественными свойствами, посредник между миром живых и предков, и в то же время как верховный жрец. В нем воплощалось представление о благополучии и здоровье народа, плодородии и т. п. Поэтому большое внимание уделялось физическому здоровью правителя. Молодые жены должны были докладывать о его состоянии совету знати и жрецов. Совет знати во главе с *башорун*ом и члены тайного общества *огбони* выслушивали их, но еще и обращались к божествам с тем, чтобы выяснить соответствие правящего алафина требованиям сакрального правителя. Если ответ был неблагоприятным, правителю посылали пустой калекас или яйцо попугая — это был знак, предписывающий необходимость покончить жизнь самоубийством. В более поздние периоды истории страны, с усилением реальной власти знати, этот обычай нередко использовался в политических целях. Нередко именно башорун осуществлял реальную власть, а алафин — лишь ритуальную. Ойо, пожалуй, единственное политическое объединение в доколониальной Африке, где этот обычай, когда-то широко распространенный, был документально зафиксирован (в других районах Африки известно об изгнании или просто смещении в таких случаях правителя, но не о его убийстве — предание же смерти сохранялось только в легендах). Около 1754 г. башорун Гаха, умелый интриган и умный придворный, захватил власть примерно на 20 лет, устранив подобным «законным» образом нескольких алафинов. Его правление вызывало недовольство широких слоев населения непомерными поборами и войнами. Но лишь около 1774 г. алафин Абиодун возглавил заговор против него, вернув себе власть и традиционную систему управления, но без ритуала смещения и убийства алафина.

Однако годы расцвета Ойо были уже позади. Начинался третий этап его истории — время распада. На юге и юго-западе усиливались тенденции сепаратизма, в Дагомее воцарились такие сильные правители, как Гезо (с 1818 г.). Правители этих областей окрепли настолько, что желали полностью получать прибыль от выгодной торговли с европейцами, не отдавая, как прежде, большую часть ее Ойо.

На севере же вспыхнуло движение Османа дан Фодио (см.), в результате которого соседями Ойо стали не разрозненные «вождества» и соперничающие друг с другом города хауса, а единый мощный султанат Сокото. Мусульмане установили контроль за торговыми путями и рынками. Основной потерей Ойо стала невозможность закупать лошадей для конницы, наличие которой давало ему преимущество над соседями-соперниками. Появились мусульманские кварталы, населенные не только йоруба, но и фульбе и хауса, и в самом Ойо, и в других городах. Это совпало с усиливавшимися сепаратистскими движениями глав подчиненных городов. Ведущее место в этом процессе заняли *оба* (правители) Илорина и Ибадана. Афонджо, правитель Илорина, опирался на поддержку горожан мусульман. Мулла Алими призвал в город мусульман, живущих за его пределами, и «все рабы хауса в соседних городах, работавшие до этого брадобреями, сучильщиками веревок и пастухами, теперь оставили своих хозяев и стали стекаться в Илорин под знамя Афонджи, который поощрял выступления рабов против их господ» (так писал об этом времени нигерийский историк С. Джонсон). Рабы убили Афонджо и поставили во главе города Абдуссалами. Его армия захватила Ойо и другие города йоруба, сделав их данниками. В 1837 г. его войска захватили и разграбили Ойо. Часть жителей бежала, а часть основала военный лагерь — Ибадан, ставший вскоре крупным городом. Требование принять ислам вызвало возмущение народа, выступившего против мусульман страны. Однако к последним вскоре присоединились внешние силы — войска северных мусульманских союзов Боргу и Никки.

В результате значительно изменилась обстановка на землях йоруба. Падение государства Ойо, которое было объединяющим центром, развязало соперничество старых и новых городов, возникших в результате расселения жителей, бежавших от войн. Осваивались новые районы, росло число новообращенных мусульман. Была осуществлена попытка возрождения государства, и Атиба, сын Абиодуна, возглавив свой отряд воинов из низших слоев общества, создал в своей ставке новый центр в 130 км к

югу от Ойо, дав ему название, которое можно найти на современных картах. Создавая собственный аппарат управления, он наряду со старой аристократией активно использовал своих неродовитых соратников. Так возник слой служилой знати. Принцип сакральности власти сохранялся, однако был отменен старый обычай умерщвления после смерти алафина его соправителя и введено правило прямого наследования. В государство были включены и новые города, в том числе Ибадан.

Оба Ибадана постепенно набирал силу. В 1838—1841 гг. войска его разгромили армию фульбе, двигавшихся с севера, а в 1850—1880 гг. провели ряд успешных операций против городов-соперников, отразили нападения Дагомеи. Ибадан достиг вершины могущества, став самым сильным городом йоруба, городом, численность жителей которого к концу XIX в. достигала 150 000 человек. Здесь сложилась уже иная организация власти. Место священного царя занял совет военных вождей, стоявших во главе своих патрилинейных кланов и собственных рабских дружин. Глава совета («бале») осуществлял гражданскую власть, а военачальник («балогун») возглавлял в военное время общее командование. Однако войны с соперниками, основным из которых был южный сосед — народ эмба, продолжались. Они настолько ослабили йоруба, что в 1893 г. Англия сравнительно легко установила здесь свое господство.

АКИЛ

В Западной Африке, в Сахаре и на границе Сахары и саванны живет народ, до сего дня привлекающий внимание своей необычностью. Это туареги, воинственные верблюдоводы-кочевники. Их называют «рыцарями пустыни», «людьми покрывала». Мужчины носят длинный синий или белый тагельмусг, своеобразный шарф, замотанный на голове и закрывавший лицо до глаз. Ни при каких обстоятельствах этот шарф не снимали с лица. Женщины пользовались большим уважением и свободой, девушки сами выбирали себе суженого. Именно женщины сохраняют еще старинную письменность *тифинаг*, наследницу древнего алфавитного ливийского письма, они же — искусные музыкантши и певицы, создательницы и хранительницы фольклора.

Племена туарегов, возглавляемые вождем (*тобол*) вели независимый образ жизни. Единого прочного политического союза не существовало. На рубеже средневековья в Аххагаре существовала культура Абалесса, имевшая связи с североафриканскими цивилизациями. Археологам известен комплекс Абалесса — храм, обрамленная колоннами дорога, ведущая в него, могильные склепы, богатая подземная гробница. В ней была погребена состоятельная женщина, носившая золотые украшения, обладавшая драгоценными камнями, сосудами с благовониями... По найденной здесь римской золотой монете Константина I находки датируются V в. Их связывают с легендарной Ти-н-Хинан, прародительницей самого благородного племени туарегов. А в XI в. южные туареги создали свое политическое объединение со столицей в оазисе Тадмакка. О ней писал знаменитый аль-Бекри (см.): «Это большой город среди гор и ущелий, с красивыми строениями. Жители Тадмакки — берберы-мусульмане. Они занавешивают себе лица, подобно тому, как занавешивают их себе берберы пустыни. Их пища состоит из мяса, молока и зерна, которые производит земля без обработки. К ним привозится дурра и другое зерно из страны черных. Надевают они выкрашенные в красное одежды из хлопка, нильской (из Тропической Африки) ткани и прочего. Их царь надевает красную головную повязку, желтую рубаху и синие штаны. Их динары... чистое золото без штампа. Их женщины превосходны красотой, по красоте им нет равных среди женщин других стран».

На средневековой карте Авраама Крескеса (1375 год), создателя первых портулаков и основателя династии картографов на острове Мальорка, появилось изображение туарега с закрытым лицом, верхом на верблюде направляющегося к «царю Мелли» — так европейцы того времени обозначили государство Мали. Туареги в то время были настоящими хозяевами пустыни. Они, занимаясь верблюдоводством, брали на себя

охрану караванных путей, идущих через Сахару от долины Нигера в Северную Африку. В то же время они не брезговали и набегами на торговые караваны, когда те покидали их родовые земли. Недаром местные хронисты, описывая владения правителей Сонгаи, добавляли: «и далее, насколько позволяла добрая воля кочевников».

В обществе туарегов существовала строгая стратификация. Оно делилось на ряд социальных страт. Высшее положение занимали «имхары», гордые воины-аристократы, собственники многочисленных стад верблюдов, «рыцари пустыни». Только из их среды выходили вожди объединений племен — «аменокалы». Женщины-имхары изысканны, поэтичны, хорошие певицы и музыкантши, пользовались большой свободой — некоторые путешественники даже говорили о «матриархате» туарегов. Еще в средневековье туареги формально приняли ислам, впитавший в себя многие черты традиционных религиозных представлений. Бывшие знахари и колдуны стали *инислименами*, составлявшими особый слой *марабутов* (образованных мусульман — знатоков Корана), отправлявших культ и занимавшихся религиозным образованием и воспитанием детей.

Вассальными отношениями с имхарами были связаны *имрады*, владевшие лишь козами и не имевшие права носить оружие и участвовать в войнах. Им нередко передавались принадлежавшие имхарам стада на выпас. Еще более низкую ступень занимали слуги «икланы», не владевшие ни верблюдами, ни козами. Земли под пастбища и оазисы, где было возможно земледелие, делились на четко определенные территории, принадлежавшие отдельным племенам. Однако обработкой земли туареги не занимались. Выращивание финиковых пальм, дающих надежную пищу (мешок сушеных фиников обеспечивал месяц пути в пустыне) и важный товар для торговли с соседями, и в меньшей степени пшеницы, а затем кукурузы было делом *харратингов* — чернокожих невольников и потомков невольников с берегов рек Сенегала и Нигера, захваченных во время набегов.

Все же главным занятием, основой хозяйства было кочевое скотоводство, имевшее престижный характер. Знатность, богатство, место в социальной иерархии в немалой степени определялись размерами стад. Главным была не товарность, а численность и красота животных. Туареги занимались и селекционной работой, и белые верблюды-мехари высоко ценились за пределами их расселения.

Взаимоотношения туарегов с земледельческими обществами складывались типичным образом — они нуждались в продуктах производства друг друга и занимались взаимовыгодным обменом. Туареги были частыми гостями на рынках торговых городов Западной Африки. Они продавали живой скот, кожи, мясо, получая взамен зерно и рыбу. Они подряжались на доставку каменной соли из копей Тауденни и Текказы к долине Нигера. Верблюд брал 2—4 большие плиты. Современные французские кинематографисты дали нам возможность увидеть и добычу, и транспортировку этого самого важного в Западной Африке товара — ведь были годы, когда за единицу его веса давали столько же золота. А технология добычи осталась неизменной до наших дней.

Это не мешало им, однако, почувствовать слабость центральной власти, совершать набеги на торговые города. Ответом на эти набеги были карательные экспедиции, сопровождавшиеся кровавыми расправами. В период упадка Мали, ослабленного войнами и с южными соседями моей, и с поднимавшимся на востоке Гао (ядро будущего государства Сонгаи), в 1433 г. туарегские воины во главе с аменокалом Акилом аг-Малвалом захватили сначала богатые оазисы Валата и Араван, а затем и важнейший экономический и культурный центр Томбукту, изгнав из него гарнизон воинов Мали. Естественно, у вождя кочевого народа не было навыков управления оседлыми горожанами и крестьянами, ремесленниками, купцами и земледельцами, и он оставил прежнего управляющего городом (*томбукту-коя*) Мухамеда Надди, который и обеспечивал сбор и регулярные поступления дани и повиновение горожан.

Отношения с ними туарегов складывались непросто. Местная купеческая верхушка то полностью поддерживала Акила, обеспечивавшего для нее безопасность торговых путей и, следовательно, постоянные прибыли, то стремилась направить его войско из

города против новой поднимающейся политической силы Гоа, правитель которого *сонни* Али начал активную территориальную экспансию. И в 1468 г. (через 25 лет правления туарегов) городская аристократия сама призвала войска *сонни* Али в Томбукту. Главной причиной возмущения было не столько желание освобождения, сколько недовольство тем, что сократились доходы городской верхушки. Хронист ас-Саади писал об этих событиях: «В конце своего правления туареги проявляли несправедливость, творили многочисленные жестокости и притеснения. Они распространяли в стране разложение, силой выгоняли людей из их домов и насиловали их жен. Акил запретил жителям выплачивать томбукту-кою обычные дары — из всего, что поступало в качестве дани, по обычаю томбукту-кою принадлежала треть. Когда султан приходил с кочевий и вступал в город, он из этих средств наделял своих людей, кормил их и оплачивал все свои щедроты. Две же трети султан распределял между своими людьми.

Однажды к султану поступили три тысячи мискалей золота, и он палкою, что была у него в руках, разделил их на три части для своих людей (обычай их — не касаться золота руками). И сказал султан: "Это — доля ваших одежд, это — доля ваших бичей, а это — вам в подарок". А те ответили ему — "Но ведь эта треть, но обычаю, принадлежит томбукту-кою..." Султан же возразил: "А кто такой томбукту-кой? Что он значит? В чем его преимущество? Заберите это — оно ваше!"».

Именно отказ в выдаче томбукту-кою дани и стал причиной того, что тот «тайно послал к *сонни* Али, дабы тот пришел, а он-де сдаст ему Томбукту, и *сонни* будет в нем править. Он описал ему слабость Акила во всем — слабость его власти и его тела. И в доказательство своей правдивости послал *сонни* сандалию Акила — ведь Акил был человек очень маленький и щуплый. И *сонни* ответил ему согласием». В январе 1469 г. *сонни* Али взял Томбукту. Туареги ушли из города, прислав к тому же верблюдов для вывоза из города семей виднейших факихов, которые выступали в свое время против Али, осуждая его за сохранение языческих ритуалов.

Столь же сложные отношения складывались у туарегов с государством Сонгаи. В конце концов они пошли на службу к сонгайским аскиям, составив особые мобильные войска. В 1546 г. в ответ на требования саадидского султана Марокко Мухамеда аш-Шейха уступить ему соляные копи Тегазза правитель Сонгаи Исхак I повелел своим туарегским вассалам отправить двухсоттысячный отряд на разграбление Дра, южного района Марокко. Набег был столь опустошителен, что только через 10 лет марокканцы смогли ответить походом на Теггазу, после которого копи на много лет оказались заброшенными. Лишь в конце существования сонгайской державы туареги вновь стали неуправляемыми, и их набеги немало способствовали гибели этого великого западноафриканского государства. Местная хроника «История искателя» рассказывает, что весь 1593 год «воинственные фульбе причиняли вред стране, опустошали города, грабили ее имущество и проливали кровь мусульман».

В конце XVI века марокканцы сместили Акила, заменив его своим более послушным ставленником.

После завоевания Сонгаи марокканцами и установления власти их пашей в Томбукту, в 1654 г. одно из племен туарегов двинулось к югу в надежде на покровительство пашей, но вызвало карательные походы и было оттеснено к северу от реки Нигер. В 1716 г. одна из соперничающих сторон в городе обратилась за помощью к туарегам, и те «раскинули палатки в городе», пока во главе его не встал их союзник, получивший титул «паша». Это, однако, не помешало им периодически совершать набеги. Горожане были вынуждены укрывать свое добро за стенами города. А в 1736 г. туареги даже перерезали дорогу из города к речному порту Кабара на реке Нигер, откуда шло и продовольствие, и товары из глубины Судана в город. В феврале 1737 г. были предприняты совместные действия против туарегов (вместе с арабами и фульбе). Предводитель туарегов Аг-Мору собрал своих союзников и на четыре месяца запер своих противников на острове посреди реки. Он сумел заручиться поддержкой улама и

торговцев Томбукту. Эта решительная победа сделала туарегов господствующей силой в средней дельте Нигера, от земель хауса до гурма. Но и теперь они довольствовались лишь взиманием дани, только изредка навещая город. Так, в 1741 году аменокал посетил Томбукту, чтобы получить разрешение на это от паши. Это был очень древний обычай, еще в середине XIV в. ибн-Баттута был свидетелем такой церемонии. В 1770—1771 гг. аменокал был убит. И в отместку туареги захватили и разграбили Томбукту, после чего голод надолго воцарился в стране. Еще одно племя туарегов, юллемидден, давних соперников тадмеккет, прежних противников земледельцев, захватило Томбукту в 1787 г. и, как прежде, оставило управление городом в руках прежнего главы. Тесное соприкосновение с жителями Томбукту, признанного центра средневековой учености, привело к исламизации туарегов. Уже со времен Акила вожди их отдавали своих сыновей на обучение уалалга, религиозные лидеры и проповедники появились и в ставках кочевников. Особым влиянием пользовался Сиди аль Муктар ал-Кабир (1729—1811), чьим советам следовали многие вожди туарегов.

Ни туареги, ни скотоводы-кочевники в других регионах Африки не создали ничего подобного обширным «кочевым империям» Центральной Азии. Хотя единой политической организации туареги так и не создали, временами возникала конфедерация племен, объединявшая по нескольку племен. Отношения их с соседями-земледельцами были нестабильными. Некоторые народы создавали свои политические объединения либо завоевывали города земледельцев. Наиболее значительное из таких объединений — союз Альморавидов во главе с ибн Ясином (см.). Однако воины, группирующиеся вокруг главы этой «империи», быстро утрачивали связь с кочевым хозяйством, образуя тонкий слой над уже давно сложившимися земледельческо-торговыми отношениями в завоеванных ими землях, и очень быстро ассимилировались. Они остались в исторической памяти не как кочевая знать, а как строители новых городов и мечетей, как создатели новых школ учености в исламе.

В Северо-Восточной Африке они, напротив, легко входили в состав государственных объединений, созданных земледельческими народами, — Эфиопию, сомалийские султанаты, древние и средневековые государства на территории современного Судана. Военные отряды кочевников зачастую становились основной ударной силой, опорой правителей. Знать кочевых народов вливалась в общую формирующуюся верхушку этих обществ через службу (военную или придворную) или матримониальные связи. На территории современной республики Судан кочевники-автохтоны вошли в состав Мероэ и Напаты (I тыс. до н. э. — IV в. н. э.), затем христианских княжеств — Алвы, Мукурры, Мариса и других (V—XIII вв.), а позднее и мусульманских Сеннара и Дарфура. В средневековье на этих землях появились и пришельцы — кочевые арабские племена, занявшие пустующие земли, непригодные для земледелия. До XIX века они сохраняли племенной строй, лишь изредка объединяясь в союзы. Как и кочевники Сахары, они помимо скотоводства, занимались караванной торговлей, охраной караванов, до второй половины этого столетия — набегами на южные области с целью захвата рабов и последующей продажей их на север. Политического противостояния кочевых и земледельческих цивилизаций здесь не было.

В Эфиопии кочевники-скотоводы, прежде всего оромо, широко расселялись начиная с XVI в. Столкновения с земледельческими народами были нечастыми, так как кочевники занимали пустующие экологические ниши, и заселение проходило мирным путем. Этот народ, а также другие кочевники по мере укрепления и укрупнения эфиопского государства входили в его состав. Первоначальные набеги оромо сменились полной покорностью. Они признавали верховную власть императора, становились сановниками, вступали на придворную службу, женились на знатных женщинах амхара. В XVII в. у правителей Эфиопии отряды оромо нередко составляли самую надежную ударную силу. И в более поздние периоды оромо составляли значительную долю в феодальной верхушке страны и ее административном аппарате.

Еще одно движение скотоводов — миграции кочевников-фульбе, имевшие место с XVI до конца XIX в. и охватившие территории от Сенегала до Северного Камеруна. Оно имело ярко выраженную религиозную окраску — распространение «истинного» ислама. Результатом было создание ряда политических объединений — Фута-Торо, Фута-Джаллон, Масина, Сокото, ламидатов Камеруна. Однако это тоже далеко не «кочевые империи». Фульбе-завоеватели оседали на земле, смешивались с завоеванными земледельческими народами, воспринимали их политические структуры и сами переходили к иным хозяйственным занятиям — земледелию в сочетании с отгонным скотоводством.

Наконец, в Восточной и Южной Африке сохранялось некое равновесие кочевых и оседлых обществ. Преобладали отношения взаимобмена. Равновесие, однако, было неустойчивым и регулярно нарушалось. Связано это с тем, что именно эти регионы сохраняли в более чистом виде (следы этого можно видеть местами и ныне) систему возрастных классов, организующую всю социальную жизнь этих народов. В этой социальной системе каждая группа молодежи, прошедшая соответствующие обряды и составлявшая класс «молодых воинов», должна была совершать регулярные набеги на соседей — угонять скот у скотоводов, захватывать добычу и пленных у земледельцев. В соответствии с функционированием системы возрастных классов подобные набеги проходили каждые пять, шесть или семь лет (в частности, это зафиксировано хрониками средневековой Эфиопии). Многие народы утратили этот обычай, но, например, масаи Кении и Танзании практиковали его еще в XX в. В некоторых случаях, как в Эфиопии, современные политические деятели ратуют за возрождение этой структуры, полагая ее самой демократичной.

В политическом отношении все эти скотоводческие народы оставались на догосударственном уровне. Даже обычно называемое «империей» и созданное Чакой военное объединение, наводившее страх на соседей и европейских колонистов и положившее начало формированию нового этноса — зулусов, было на деле большим военным племенным союзом. Лишь в районе Межозерья скотоводы приняли участие в организации новой социальной структуры Руанды, Бурунди, Нколе. Кочевые скотоводы с севера влились в эти раннегосударственные объединения земледельцев в XVI в. В результате здесь сложилась уникальная социальная структура, основанная на разделении этносоциальных групп. Владение скотом стало главной определяющей компонентой. Бывшие кочевники, скотоводы — владельцы больших стад крупного рогатого скота, стали аристократией, занимали все важнейшие административные должности, занятиями их стали война и поэзия. Эти экзогамные группы (тутси в Руанде и Бурунди, иру в Нколе) образовали своеобразный благородный «рыцарский» слой. Негроиды-земледельцы, первопоселенцы в этих землях, чьи политические объединения были завоеваны скотоводами, не имели права владеть скотом, а лишь занимались выпасом на определенных условиях, вели привычный образ жизни земледельцев, снабжая всю страну продовольствием и не имея права занимать какие бы то ни было административные должности.

АЛЬ БЕКРИ

Абу Убейд Абдаллах аль Бекри ал-Куртуби (ум. в 1094 г.), автор «Книги путей и государств», происходил из знатной арабской семьи Кордовы. Он получил прекрасное образование, служил при дворе эмира Алмерии, а остаток жизни провел в Кордове, предаваясь научным занятиям. Сам он не был в Африке. Однако ему были доступны архивы кордовских халифов, которые вели активную торговлю со «странами черных» и собирали о них сведения. Свои архивные розыски он дополнял рассказами людей, побывавших в Судане. В своей «Книге путей и государств» он много рассказывает о

хозяйстве, обычаях, поселениях «черных». В его сочинении впервые появляется описание африканского города — столицы государства Гана.

Он так писал о столице этой страны: «Город Гана — это два города на равнине. Один из них — город, который населяют мусульмане, это большой город, в нем двенадцать квартальных мечетей. Одну из них они сделали соборной, и в ней есть имамы, муэдзины и чтецы Корана, есть в ней и законоведы, и люди науки. Вокруг города располагаются пресные колодцы, из них пьют жители и над ними выращивают овощи.

А город царя расположен в 6 милях от этого, называется он ал-Габа. Между обоими городами — непрерывные жилые кварталы, постройки сделаны из камня и дерева акации. У царя есть дворец и купольная беседка, все это окружено стеноподобной оградой. В царском городе есть мечеть, в ней молятся те из мусульман, кто приезжает к царю, мечеть эта поблизости от помещения царского совета. Вокруг царского города расположены купольные постройки, и рощи, и заросли, в которых живут колдуны, а это те, кто хранит веру жителей. В этих зарослях находятся их фетиши и погребения их царей. Те рощи охраняются, никто не может в них войти, и неведомо, что в них такое. И там же — царские тюрьмы, если в них кто-либо бывает заточен, люди не имеют (более) о нем сведений».

Вслед за аль Бекри упоминания или описания городов можно найти практически у всех арабоязычных авторов средневековья, писавших об Африке южнее Сахары, (подробнее о них см. статью «Лев Африканский»). Всего можно насчитать около 100 названий городов. Уже одно это опровергает долго существовавшее представление о том, что доевропейская Африка не знала городской цивилизации, что все города ее — бывшие европейские военные посты, торговые фактории или миссионерские пункты.

Другое широко распространенное многие годы убеждение: исламские города — порождение арабской цивилизации (в са-хельской зоне Западного Судана и на побережье Восточной Африки). Они рассматривались как форпосты мусульманско-арабского влияния в окружении деревенской традиционности, как поселения, чуждые местному населению. Адептами этой цивилизации были купцы, основавшие уже к Хв. свои кварталы в Аудагосте, Ниани, Кумби-Сале, Могадисо, Килве, Момбасе, Малинди и т. д.

Самостоятельное развитие городов в Африке южнее Сахары подтверждают и многочисленные археологические находки. Усилиями многих исследователей удалось показать, что и в этом случае мы имеем дело со сложным синтезом культур, возникших на стыке цивилизаций. Изучение, в частности, погребений горожан на территории современных Мали и Сенегала продемонстрировало их доисламский характер. Археологическое изучение Восточной Африки показало, что из 173 известных ныне средневековых поселений лишь 30 процентов расположены на побережье, и многие из них — в местах, где не было удобных бухт. Следовательно, они не были порождением морской торговли с арабским Востоком. Вплоть до рубежа I—II тысячелетий н. э. главная ориентация была на местную, внутреннюю торговлю. Доисламские слои были обнаружены и в городах побережья — Ламу, Пате, Чибуене, Шанга и др. Археологами были также раскопаны и изучены столицы и крупные города в Западной Африке — Аудагост, Кумби-Сале, Дженне-джено, Ниани, велись археологические работы в Бенине и городах йоруба, показавшие их глубокую древность.

Сейчас уже ясно, что традиционные города Африки южнее Сахары имеют длительную и богатую историю. Выделялись три основные зоны развитой городской цивилизации на континенте. Самая древняя — северо-восточная. Здесь, в нильской долине Нубии и на территории современной Эфиопии города существовали уже в I тысячелетии до н. э. Города Нубии (или Куша, как этот район называли древние египтяне) развивались в тесной связи с древним Египтом. Крупнейшие из них — Напата и Мероэ. Их сменили города христианской средневековой Нубии — Мукурра, Алва, Фарас, Марис и др. Затем появились мусульманские города — Сеннар, Шенди, Донгола и др. К востоку от долины Нила, на территории современных Эфиопии и Эритреи, уникальные памятники V в. до н.

э., найденные в Ехе, Хаули-Мелазо, также, по-видимому, принадлежали городской цивилизации. III— начало IV в. — время расцвета Аксума, Кохайто, Адулиса. После нескольких столетий существования государства без столицы (ею считалась ставка негуса — верховного правителя, который вел походный образ жизни, а Аксум в эти годы был лишь местом торжественной «коронации») вновь возникает городская жизнь в центральной части страны. Такие города, возникшие в эти годы, как Харэр или Гондэр, до сих пор вызывают восхищение.

Второй район городской цивилизации — Западная Африка. Это были столицы крупных средневековых государств — Ганы, Мали, Сонгаи, центры культуры, образования и торговли — Томбукту, Дженне, Аудагост, Гао. Восточнее, на севере современной Нигерии и в сопредельных странах, возникли своеобразные города-государства хауса, торгово-ремесленные центры, не объединенные единой центральной властью. Подобные города-государства сложились и южнее. Народ эдо создал легендарный Бенин, более десяти городов создали йоруба — Ифе, Ойо, Илорин и др. До наших дней сохранился Абомей народа фон.

Третий ареал — восточноафриканское побережье Индийского океана. Самые ранние из здешних городов известны с IX— X вв. (современные археологи пересматривают эти даты, однако их доказательства не бесспорны). Могاديшо (в современном Сомали), Момбаса, Малинди, Пате, Ламу, Килва, Геди (в современных Кении и Танзании) — вот далеко не полный их перечень. Здесь, как и в землях хауса, не было единого государственного образования, включавшего все города. Они сохраняли самостоятельность, лишь изредка объединяясь против общего врага — торгового соперника или, позднее, португальских воинов. А в глубине континента, в междуречье Замбези и Лимпопо, до сего дня поражают взор руины внушительного комплекса Большого Зимбабве. Кроме него на территории современных Зимбабве, Мозамбика и даже севера ЮАР насчитывается примерно сотня подобных памятников. Торговые города-порты существовали в средневековье и на Мадагаскаре.

Городская жизнь и цивилизация, особенно в сахельской зоне Западной Африки и на побережье Индийского океана (и на континенте, и на Мадагаскаре), была тесно связана, прежде всего через торговлю, с мусульманской культурой. Поэтому в них сложились своеобразные синтезные формы бытовой и политической культуры. Так, мужская одежда — общемусульманского типа, а женская одежда сохранила африканскую основу. Правители городов суахили создавали генеалогии, восходящие к Аравии и Персии, но система наследования власти следовала традиционному правилу ндугу, возникали новые фольклорные жанры и т. п.

Центральная Африка и Межозерье не знали столь развитых городских цивилизаций. Однако в них мы можем обнаружить «протогорода» — резиденции правителей Уганды, Луба, Лунда, Куба и др. Анализ их социального состава, занятий жителей, функций этих поселений дает право утверждать, что они сделали шаг от деревни к городу. К ним типологически близки (хотя и отдалены географически) такие резиденции, как Уагадугу (в современной Буркина Фасо), Кумаси (в Гане), Абомей (Бенин), Фгмбан (Камерун). Иные из этих поселений под сильным иноземным влиянием вскоре приобрели и внешнее оформление городского поселения, как, например, Сан-Сальвадор (Мбанза-Конго) — резиденция верховного правителя средневекового Конго.

Типологически выделялись города как чисто торговые центры, торгово-ремесленные или города, где превалировали административные и культурные (прежде всего религиозные) функции. Большинство городов Западной Африки и восточноафриканского побережья относились к первому типу. Раскопки в Кумби-Сале, например, показали наличие весов, гирек, форм для отливок гирек, но не обнаружили остатков ремесленных производств. Аль Бекри писал об Аудагосте: «На вечно оживленном базаре такая многочисленная толпа и такой шум, что не увидишь соседа». А Лев Африканский рассказывал: «Гаго — крупнейший город. Жители (здесь) — богатые

купцы, и они непрерывно ездят, торгуя своими товарами. В город прибывают бесчисленные черные, которые туда доставляют величайшее количество золота, дабы купить товары, приходящие из Берберии и Европы... Удивительно видеть, какое множество товаров доставляется сюда ежедневно и сколь дороги и великолепны все эти вещи». Ал-Идриси, ибн Якут, ибн Баттута так же отзывались о городах восточноафриканского побережья, в которые заходили большие корабли. Если западноафриканская торговля покоилась на золоте и соли, то на востоке это были железо и благовония, которые вывозились в арабский мир и в Индию.

Другой тип — торгово-ремесленные города. Такими были города-государства хауса — Кано, Кацина, Гобир, Зария и др. С одной стороны, это были крупные торговые центры, встречавшие и отправлявшие караваны в Северную Африку и в южные края, с другой — места производства товаров, получивших широкую известность далеко за пределами земель хауса. Кожи, обработанные здесь, служили сырьем для знаменитого марроканского сафьяна, местные ткани и одежда из них пользовались спросом на всех рынках североафриканского и ближневосточного мира. А поля естественного растительного красителя индиго, дававшего интенсивный синий цвет, обеспечивали всю Западную Африку. Отдельные города даже специализировались на определенных производствах: Кацина была известна как «царица тканей», Гобир — как «царь рабов» с крупнейшим невольничьим рынком, Кано — как «царь индиго», в этом городе и сейчас еще можно увидеть выкопанные прямо в земле громадные красильные ямы. Средневековые письменные источники сообщают даже о существовании мастерских, объединявших от 50 до 100 работников.

В городах третьего типа сосредоточивались функции управления. Таковыми были городские поселения на границах экваториального леса, в Центральной Африке и в стране йоруба и эдо. Здесь были сосредоточены резиденции правителей с многочисленными сановниками, общенародные святилища. Да и более мелкие города йоруба функционировали прежде всего как культурные и религиозные центры. Земледельцы-йоруба, работая на своих полях и плантациях, жили во временных поселениях аба, но для семейных, родовых и других церемоний обязательно возвращались в города *иле*.

В любом случае это были центры формирования наиболее ярко выраженной имущественной и социальной дифференциации, сферы столкновения и взаимовлияния двух миров — кочевнического и оседлого земледельческого, очаги этнического смешения, центры книжной письменной культуры. Население их было чрезвычайно пестрым. О «зинджах белых и черных» в портовых городах Восточной Африки, об ифрикийцах, зената, неграх в Аудагосте, о мусульманских кварталах, где живут иноземцы, пишут все средневековые авторы. Постепенно складывалась и особая городская манера жизни, о которой, в частности, упоминал Лев Африканский: «Эти жители — люди приятного нрава. Они имеют обыкновение проводить время с десяти часов вечера до часу ночи, почти непрерывно играя на музыкальных инструментах и танцуя по всему городу». А самым выгодным товаром для продажи горожан Западной Африки считались книги.

Городские жители в большей степени зависели от собственного умения работать и торговать, чем от милостей правителя. Поэтому велика была тяга к самостоятельности, меньшей зависимости от общины. В ряде районов Африки сложились своеобразные города-государства (хауса, суахили). Относительную самостоятельность старались сохранить и города, входившие в большие государства — Гану, Мали, Сонгаи. Именно поэтому была довольно сложной история взаимодействия глав городов Томбук-ту, Дженне, Гао с правителями Мали и особенно Сонгаи.

Судьбы доколониальных городов сложились по-разному. Одни из них исчезли с карты Африки, и мы знаем о них только благодаря средневековым авторам да археологам (Аудагост, Ниани и др.). Другие сохранились, но потеряли былое значение, превратившись в заштатные мелкие городки (Томбукту и Дженне в Мали, например). Третьи стали крупными современными городами, как столицы Буркина Фасо (Уагадугу) и

Сомали (Могадисо) или кенийские порты Момбаса и Малинди. Некоторые остались религиозными центрами или памятниками культуры и предметом гордости современников, как Иле Ифе или Ибадан в Нигерии, Кумаси в Гане, Аксум в Эфиопии.

АМО

Амо, Антон Вильгельм (1707—1756) — ученый-энциклопедист, родившийся в семье крестьянина фанти (на юге современной Ганы) и долгие годы работавший в университетах Центральной Европы, в разных германских княжествах. Судьба забросила его в Европу на невольничьем корабле. Четыре столетия различные европейские державы занимались позорной работоторговлей, опустошавшей Африку. Именно торговля чернокожими рабами, начавшаяся в самом начале XVI в. (в 1510 году появились первые черные рабы в Новом Свете) породила «Опыт о неравенстве человеческих рас», труд М. А. Гобино, «научно обосновывавший» необходимость рабства людей с черным цветом кожи и расизм, не изжитый окончательно и в наши дни.

Обычно всю историю работоторговли делят на три этапа. Во время первого (с 1510г., когда привезли 250 африканцев на золотые рудники Эспаньолы, до середины XVII в.) она не достигала еще значительного размаха — ведь еще не было гигантских плантаций на Кубе, юге Северной Америки или в Бразилии. Путь их сначала шел через Европу — невольничьи рынки Лиссабона, и лишь затем — в Новый Свет. В этот период африканские общества еще не осознавали пагубности такой торговли. Они были знакомы с рабством в мягкой, «патриархальной» форме и видели в появившихся из-за моря европейцах лишь торговых партнеров, тем более что на первых порах тех интересовали прежде всего золото, пряности, пальмовое масло, слоновая кость. Лишь позднее они поняли грядущую опасность. Правители средневекового Конго даже писали в Ватикан, прося приостановить размах работоторговли, в которой принимали участие и миссионеры.

Главным работоторговцем в те годы была Португалия — еще действовал Тордесильянский договор, скрепленный папской буллой, согласно которому мир, который еще предстояло Европе открыть, делился по меридиану, проходившему по Атлантическому океану в 250 лигах от Канарских островов, между Испанией (к западу) и Португалией (к востоку). Поэтому для испанских колоний Нового Света будущих рабов захватывали в Африке португальцы. Английские и французские моряки, соблазненные громадной прибылью, могли тогда действовать лишь как пираты, как знаменитый Дж.Хоукинс, впоследствии пожалованный дворянством и званием пэра. Постепенно и эти страны вовлеклись в работоторговлю. Первыми соперниками португальцев стали голландцы. В некоторых районах Африки местные правители не преминули воспользоваться их разногласиями, заключая союзы с одними против других (см. статью «Анна Нзинга Мбанди Нгола»). Создавались монопольные компании под разными названиями для «торговли с Африкой». Со временем Компания лондонских предпринимателей по торговле с Гвинеей и Бенином (1618), Голландская Вест-Индская компания (1621), Французская сенегальская компания (1633) постепенно вытеснили португальцев. Даже датчане и шведы приняли участие в этой борьбе за рынки рабов.

Со второй половины XVII в. до официального ее запрета большинством европейских стран — второй этап работоторговли. В этот период она достигла наибольшего размаха. Возникла система так называемой «треугольной торговли», когда корабли отправлялись из Европы в Африку, затем с грузом рабов — в Америку, а оттуда они везли «колониальные товары» — сахар, ром, табак, серебро и золото. Именно в этот период работоторговля дала невиданный толчок развитию европейских стран, ускорила складывание новых, капиталистических отношений. Ведь потребовалось строительство и оснащение массы судов, совершенствование навигационных приборов, увеличение выпуска оружия, производства тканей, стекла (бисера и зеркал) и т. д. Верфи Ливерпуля и Марселя, фабрики Манчестера, Руана и Венеции, заводы Бирмингема и Амстердама,

финансовый капитал Лиона, Марселя, Лиссабона, а затем и Нового Орлеана или Бостона имели своими источниками работорговлю. Трудно, а быть может и невозможно, подсчитать урон, нанесенный работорговлей Африке. Хотя и начали публиковаться материалы архивов, их сведения далеко не полны. Да и цифры, называемые ими, весьма условны. В первый период работорговли подсчет велся в так называемых «единицах индийского товара». За нее принимался взрослый мужчина не ниже 180 см ростом, без физических недостатков. Если невольники были истощены, ранены, если среди них были дети и женщины, на одну «единицу» приходилось от 2 до 4 человек. Следует учитывать и потери во время трудных переходов из глубины континента к побережью, смертность на невольничьих кораблях, гибель во время неудачных побегов и восстаний (их было немало, но достаточно хорошо известно лишь единственное успешное движение на Гаити в конце XVIII в., во главе с «черным консулом» Туссеном Лувертюром, положившее начало Доминиканской республике). Обычно называют разные цифры, но наиболее приемлемое число — около 100 млн. человек. Помимо потерь рабочих рук и жизней самих рабов надо иметь в виду также и хаос, в который погрузились африканские общества, и моральную деградацию и т. д. В то же время если в одних районах экономическая жизнь разваливалась, в других, ставших партнерами европейцев, участие в торговле с ними давало новый толчок к ускорению социального расслоения, возникновению новых страт и «новой элиты», нередко и развитию новых производств.

Невольники, конечно, не примирались безучастно со своей долей. Широко использовались такие пассивные формы сопротивления, как самоубийства. На кораблях люди бросались за борт, отказывались от пищи — и поэтому в арсенале работорговцев были особые воронки, через которые насильно кормили рабов. Бегство из невольничьих караванов, бунты на кораблях не были редкостью — недаром руководства по строительству невольничьих судов предписывали обязательно иметь не только кандалы и цепи, но и пушки, часть же их держать направленными дулами в трюм, где перевозились несчастные невольники. Уже в Новом Свете часты были и бегство, и открытые восстания.

Со второй половины XIX в. началось активное движение за запрет работорговли и рабства, за освобождение всех рабов, получившее название аболиционизма. Сначала это были выступления отдельных людей — и получивших свободу или откупившихся рабов-африканцев, и европейцев-гуманистов. А в 70—80-е годы в Великобритании и Франции, а затем и США были созданы общества по борьбе с рабством. Эти движения и политическая обстановка в Европе (а ведь это было время Великой французской революции) и вынудили официально запретить работорговлю. В Англии такие законы были приняты в 1807 г., в США — 1808 г., в Швеции — 1813 г., в Голландии — 1814 г., во Франции — 1819 г., в Испании — 1820 г., в Португалии — 1830 г. На африканском континенте были созданы поселения освобожденных рабов — Фритаун и Монровия, ставшие впоследствии столицами Сьерра-Леоне и Либерии.

Однако официальное запрещение не уничтожило работорговлю. Начался ее третий этап — контрабандный. Экономические условия еще не созрели для отказа от нее. В рабском труде нуждались плантации Нового Света — хлопковые в США, сахарного тростника на Кубе, кофе в Бразилии. Нужны были невольники и на новых месторождениях алмазов, меди, серебра. Увеличивался риск, а следовательно, росли и прибыли.

Поэтому во время третьего этапа, контрабандной торговли XIX в., работорговля не только не исчезла, но и увеличилась в масштабах. Только война Севера и Юга в США, а затем международная Брюссельская конференция 1889—1890 гг. окончательно положили конец бесчеловечной торговле.

Все эти долгие века участь пленников была ясна и незавидна. Тех, кто не погиб в караванах с рогаткой на шее, не умер от голода и болезней во время пути через океан, не был убит во время охоты на людей, не погиб после удачного бунта из-за отсутствия навигационных навыков, не был расстрелян или просто выброшен за борт при подавлении

бунта, не покончил с собой из-за сознания безысходности доли — всех их ждала тяжелая работа на плантациях хлопка и сахарного тростника, в медных и серебряных рудниках, скудная еда, жалкие бараки и бесконечные унижения. Оставаясь рабами, они внесли большой вклад в экономику и культуру Нового Света. Они принесли навыки хлопководов и рисоводов, выращивания индиго и сахарного тростника в будущие США, золотодобытчиков и кузнецов Гвинеи, Сенегала и Ганы — в Бразилию и на Кубу, скотоводов фульбе, манде и волоф — на Эспаньолу, в Центральную Америку, на юг Северной Америки. Их ритмы породили самбу, джаз и блюз, фольклор — знакомые всем с детства «Сказки дядюшки Римуса», традиционные верования — синкретические религии островов Карибского моря и Бразилии.

Но бывало, что, с одной стороны, сила воли, природный ум, настойчивость и капризная фортуна — с другой, позволяли вырваться из казалось бы неизбежных тисков. До нас дошли лишь немногие имена таких счастливиц. Некоторые из них, став свободными, оставили записки о своей жизни. Так, в конце XVIII в. в Лондоне увидели свет несколько таких публикаций. В 1789 г. появились «Удивительные повествования Олауда Эквиана...» (как было принято в те годы, полное название занимало несколько строк). Книга была настолько увлекательна, что была переиздана в 1867 г. Мальчик-ибо был захвачен в 1756 году в возрасте 11 лет на юге современной Нигерии и продан за 172 каури. Он оказался на Барбадосе, а затем в Виргинии. После этого хозяин его вместе с ним вернулся в Англию. Молодой раб сопровождал хозяина и во время Семилетней войны. По окончании ее в 1763 г. хозяин, увидев неординарность молодого человека, доверил ему должность помощника и отправил в свои владения в Вест-Индии. За несколько лет Олауде Эквиано завел свое собственное дело и сумел скопить деньги (40 фунтов) для выкупа. В 1767 г. он окончательно вернулся в Англию и стал активным участником аболиционистского движения. В 1781 г. появились двухтомные «Записки Игнатиуса Санчо, африканца», а в 1787 г. фанти (этот народ живет на территории современной Ганы), бывший раб Оттобах Кугоано выпустил книгу «Мысли и чувства по поводу зловещей и безнравственной торговли между людьми».

А нередко купцы Европы хорошеньких девочек и мальчиков привозили в Европу и дарили вельможам. Так, например, попал в Россию и мальчик, которого назвали Абрамом Петровичем Ганнибалом и который стал прадедом А. С. Пушкина. И еще столетие спустя каждая московская дворянка (вспомним «Горе от ума» А. С. Грибоедова) считала обязательным иметь в дворне «девку-арапку». Так же появился в Европе и будущий великий актер Айра Олдридж, непревзойденный исполнитель роли Отелло. В том же, XVIII в. Анжело Соллимен из Конго стал фаворитом австрийского императора Иосифа II, женился на знатной девушке, и сын его получил баронство.

И вот в 1707 г. из владений Голландской Вест-Индской компании на побережье Гвинейского залива из рыбацкой деревушки неподалеку от Аксима (это был один из небольших *оманов* — вождеств фанти) предприимчивые купцы вывезли маленького мальчика по имени Амо. Видимо, надеясь на получение торговых привилегий, они подарили живую диковинку — чернокожего мальчика герцогу Брауншвейг-Вольфенбюттельскому. Его окрестили в 1708 г. и назвали Антоном Вильгельмом в честь самого герцога и его сына — соправителя Вильгельма-Августа. Маленький африканец стал пажом при дворе герцога. Смышленный мальчик обратил на себя внимание восприимчивостью, умом, способностью к наукам. Когда он подрос, покровители послали его в университет. Так в Галле в 1727 г. на философском факультете появился «африканец из Гвинеи».

Кроме родного фанти он бегло говорил на шести языках — голландском, еврейском, греческом, латыни, французском, немецком. Задолго до широкого движения аболиционистов он выступил в ноябре 1729 г. т университетском диспуте в Галле с докладом «О правовом положении негров в Европе». Текста его не сохранилось, но можно представить себе страстность и непривычность его речи в защиту людей, которых считали

предназначенными к рабству самим Провидением (ссылаясь при этом на библейскую легенду о Ное и его сыновьях и считая африканцев потомками Хама). Обратившись к истории взаимоотношений Африки с Римской империей и к истории права, он доказывал незаконность обращения африканцев в рабство. Неудивительно, что его выступление не понравилось тогдашнему консервативному руководству университета. Амо, не закончив обучения на философском факультете, был вынужден покинуть Галле и перебраться в Виттенберг.

Его пребывание в Виттенберге было более счастливым. Там он изучал медицину, стал в октябре 1730 г. магистром философии и свободных искусств, а еще спустя четыре года защитил докторскую диссертацию. Уже сложившимся ученым вернулся он в 1736 г. в Галле, где преподавал философию, изучал физику, стал последователем и пропагандистом «гармонии сущности и существования» Лейбница, с которым, как утверждают, он познакомился еще в юные годы. Здесь же в 1738 г. он подготовил свою основную работу — диссертацию по логике и метафизике.

Но отношение к нему окружения было не столь терпимым, как к Абраму Ганнибалу в России, тоже получившему образование в Европе и ставшему крупным инженером и вельможей. Он вновь был вынужден сменить место работы и переехать в Йену. В эти годы его связывала тесная дружба с профессором Иоганном Петрусом фон Людвигом, прусским философом и послом, оказавшим на него большое влияние. Благодаря его поддержке Амо стал посланником при прусском дворе, с которым Брауншвейг с 1735 г. был связан договорными и семейными узами. В эти годы Амо становится членом нескольких европейских академий. Он был человеком своего времени — изучал медицину, читал лекции по логике, метафизике, физиологии, астрономии, теории права и одновременно — по геомантике и хиромантии. Смерть фон Людвига в 1743 г. была для Амо тяжелым ударом. Без поддержки друзей трудно было противостоять злым наговорам, клевете, насмешкам над цветом кожи и т. п. Это и заставило его, одинокого, потерявшего и высоких покровителей, и коллег-друзей, навсегда покинуть Европу.

В 1756 г., спустя 49 лет после того, как маленького мальчика увезли чужие странные белокожие люди, немолодой человек в камзоле и шляпе ступил на землю своих предков. К тому времени англо-голландское соперничество в этих краях закончилось победой англичан. Он нашел свое место в жизни и уважение соплеменников, занимаясь врачеванием. Возможно, он был знаком и с другим образованным современником. В те же годы здесь работала школа для мальчиков миссионера Т. Томпсона (1752—1756), где учился Филипп Квакве. После завершения образования в Европе он сам возглавил эту школу, став одним из первых африканцев-просветителей. Трудно представить, что два столь неординарных человека не захотели бы познакомиться друг с другом.

Еще долгих 26 лет прожил Амо на родине, где еще жили его отец и сестра. Он был похоронен в 1782 г. у стен старинного форта Шамы. Память о первом черном философе и естествоиспытателе чтут и на родине, ставшей независимым государством Гана, и в Германии, где он получил образование и более 15 лет преподавал в университетах Галле, Виттенберга и Йены. В Гане перевели с латыни его диссертационную работу, в Германии написано несколько его биографий.

АНДРИАНА И ПУНИМЕРНА И РАДАМА

Мадагаскар занимает особое место в истории Африки. Тесно связанный с этим материком политическими и экономическими отношениями (он входит и в Организацию Африканского Единства, и в экономические и политические союзы меньшего масштаба со странами континента), по этногенезу и культуре он близок к Юго-Восточной Азии. Первые мигранты задолго до нашей эры принесли язык австронезийской группы, своеобразные антропологические черты южных монголоидов, многие элементы народной

культуры (мелодику и музыкальные инструменты, планировку жилищ, лодки-катамараны и лодки с балансиrom, своеобразные состязания поэтов-импровизаторов и многое другое), свойственные народам именно этой зоны. Позднейшие пришельцы с африканского материка влились в население острова, составив необычный сплав. В средневековые разные этносы на острове создали небольшие самостоятельные политические образования (вождества или племенные союзы, которые исследователи долгое время считали государствами) — Сакалава, Бетцимнсарака, Антэдруи и др. На северо-западе острова возникли города — колонии мусульманских купцов. Сведения о них фантастически преломились в сказаниях о Синдбаде-мореходе, попавшем на остров, где жила птица Рух (эпиорнис, истребленный в XVII в.). Не случайно первые письменные свидетельства на мачагасийском языке были зафиксированы своеобразной системой письма — «сура бе» на основе арабского алфавита.

Среди этих объединений к рубежу XIII—XIV вв. заметно выделяется Имериия, расположенная на центральном плато. Именно она стала ядром, вокруг которого формировалось государство, охватившее со временем весь остров, и основой образования единого народа — современных малагасийцев. Но только к концу XV — началу XVI в. сформировалась более или менее стройная система административного управления. Тогда по инициативе правительницы Рангиты (прибл. 1500—1510) были установлены принципы единоличной власти и ее наследования по праву первородства.

Первые века существования будущего мощного государства были заполнены территориальными завоеваниями и приведением к покорности соседних вождей. Раламбо и его преемники сделали много в этой политике. Один из них построил и постоянную резиденцию. Она была названа Аналаманга (голубой лес), а затем переименована в Антананариву (на земле тысячи), здесь было размещено «царское» войско численностью в 1000 человек. До сего дня этот город остается столицей Малагасийской Республики. Резиденция стала центром политической, административной и экономической деятельности Имерины. Именно в это время были развернуты широкомасштабные ирригационные работы, позволившие расширить посевы риса, — центральное плато стало настоящей житницей.

В XVIII в., в период правления Андриамазинавалоны и Андрианаипуниверны, государство достигло периода расцвета. Первый из них сохранился в памяти как образец идеального правителя. Мальгашский историк Р. Рабеманандзара так писал о нем: «Андриамазинавалона был прежде всего народным монархом.

Будучи человеком простым и приветливым, он сочетал в себе качества гибкого дипломата с твердой волей. Упрочить авторитет государства, расширить его пределы, повысить жизненный уровень своих подданных — таковы были важнейшие и постоянные цели его программы. Его политика, основывавшаяся на принципах соглашений и союзов, не замедлила принести свои плоды. Слава государства Имерины такова, что его процветание, сплоченность, миролюбие и мощь оказывали благотворное влияние и за его пределами».

Однако раздел им своих владений между четырьмя сыновьями привел к длительным междоусобным спорам и вверх страну в многолетнюю войну, в которую были вовлечены не только знатные сторонники «царевичей», но и простой народ. Именно его усилия во главе со старейшинами и рядом влиятельных представителей знати окраин, которые больше всего страдали от нестабильности, привели к власти Рамбоазаламу, который получил новое тронное имя — Андрианаипуниверна, переводимое обычно как «Царевич, которого желал народ Имерины». Это произошло в 1787 г. С его именем связано провозглашение главной задачи политики того времени — завоевание всего острова. Лозунг правления: «Границей государства должно стать море».

О нем говорят как о «крупном руководителе и блестящем организаторе», «искусном политике, дипломате и выдающемся законодателе». Он сумел разбить правителей областей, восставших против центра, и укрепить личную власть, уравнивать

права и обязанности местных правителей без различия этнической принадлежности. Ему приписывают фразу: «Имерина должна быть как цесарка, одного цвета. И хотя перья цесарки многочисленны и отличаются разнообразием оттенков, это не мешает им образовать единое одноцветное оперение».

Им была создана и реализована на практике четкая система административного управления. Большое внимание он уделял экономическим проблемам. Им был составлен план разработки и использования природных богатств и полезных ископаемых. Поощрялись работы по созданию и усовершенствованию ирригационных систем. Благодаря им собирались большие урожаи и делались запасы зерна, предназначенные для раздачи в случае голода. На всей территории страны возникали ярмарки и постоянные рынки, упорядочивался внутригосударственный обмен, а торговые пошлины наполняли казну. Однако своей главной цели — объединения всего острова — он не достиг, и перед смертью, в последней речи к народу он адресовал своему сыну и наследнику такие слова: «...в присутствии всей Имерины, собравшейся здесь, я определяю море границей твоего царства!».

Эту задачу выполнил Радама I. Завоевывая прибрежные области при проведении этой политики, он столкнулся с европейскими пиратами, давно облюбовавшими этот богатый остров, и с моряками, искавшими новые заморские владения для корон Франции и Англии. Уже с конца XV в. вслед за Васко да Гама в Индийском океане появились европейские мореплаватели и торговцы, владельцы невольничьих судов, путешественники и пираты из Португалии, Франции, Англии. Португальцы, а затем французы пытались основать здесь торговые фактории. Разноплеменные пираты устраивали на острове свои базы и даже создали республику Либерталию. Католические миссионеры несли «дикарям» христианство. Петр I вынашивал планы посещения Мадагаскара, которым не суждено было осуществиться. А ссыльный граф Бенъовский, бежавший с камчатской каторги, собирался основать тут собственную империю. Все они терпели неудачу, столкнувшись с сопротивлением местного населения. И только в XIX в. на Мадагаскаре обосновались, борясь за влияние, англичане и французы, и в результате остров вошел в состав французской колониальной империи.

Радама I (1810—1828) был образованным человеком, который всегда был в курсе событий за пределами острова. Он любил подчеркивать свое сходство с Наполеоном и в жестах, манере поведения, в политике, и в свойствах характера этих двух столь далеких друг от друга островитян. Он завершил начатое его предками объединение острова под единой рукой, используя для этого и военную силу, и талант дипломата в мирных переговорах и при заключении союзов, и матримониальные связи. Англичанин Джеймс Гейтси писал о поездке Радамы I на восточное побережье: «Радама I долго и очень подробно говорил о цели своего визита на побережье. Он отметил бедствия войны, страдания, которые она принесла людям, принявшим в ней участие, потери, которые они должны были понести во время своих грабительских набегов. Радама нарисовал яркую картину преимуществ мирной жизни и обещал поддержать народ и обеспечить защиту его имущества, если население пожелает сообразовываться с его законами. Затем он посоветовал им не решать споры в мелких стычках, которые могли вспыхнуть между ними, или в советах колдунов, или в испытаниях при сомнительных случаях. Они должны обращаться к его представителям для обсуждения этих вопросов, а также информировать последних обо всех своих нуждах».

Радама I серьезно занялся организацией армии. Как когда-то Мухамед Туре (см.) в Сонгаи, он разделил мужское население страны на две категории — военных и гражданских. Военную службу несли богатые, платившие налог в размере пятой части дохода. Содержание же армии обеспечивалось налогами с гражданского населения, которое отдавало в пользу казны десятину. Структура армии создавалась по образцам европейских, привлекались и иностранные военные советники, менялась и тактика.

Появление профессиональной армии облегчило завоевание всего острова. Повсюду были организованы постоянные посты и гарнизоны, скоро ставшие сначала административными, а затем торговыми и экономическими центрами. Через них обеспечивались действие единых законов, экономическое и оборонное единство страны. Радама I был первым правителем, выступившим против процветающей работорговли. Им были подписаны договоры с Англией (в 1817 и 1820 гг.) относительно борьбы с работорговцами в территориальных водах Мадагаскара. Он был заинтересован и в дружеских связях с европейцами, и в заимствовании некоторых достижений Европы. Но отношения Имерины с Францией и Англией складывались не столь мирно и продуктивно, как хотелось бы Радаме. Однако это тема для другого рассказа.

АННА НЗИНГА МБАНДИ НГОЛА

«Среди всех негров, с которыми мне приходилось беседовать, я не встречал ни одного, который благородством души или мудростью правления превосходил бы эту королеву... в политических делах она проявляла большой ум, а в домашних — проницательность и осторожность», — писал Кавацци, миссионер-капуцин, бывший одно время духовником этой незаурядной женщины.

Она родилась в 1582 г. в семье правителя Ндонго, государственного образования на территории современной Анголы. От титула правителя — «нгола» и получила название эта страна. Отец девочки — Нгола Килуанжи поддерживал с португальцами Луанды (место пребывания губернатора) отношения вооруженного мира. Положение обострилось после его смерти около 1617 г., когда во главе Ндонго встал его сын и наследник Нгола Мбанди. К этому времени португальцы значительно расширили работорговлю и предприняли ряд военных экспедиций в глубь материка — они ожидали помимо захвата невольников овладеть громадными запасами серебра, которые, по слухам, имелись во внутренних районах страны. Нгола Мбанди начал военный поход против них, предварительно подавив сопротивление и соперничество внутри семьи, убив своего племянника, сына своей сестры Нзинги, и сослав ее самое. С его точки зрения, это была необходимая предосторожность, так как по принципам материнского права, существовавшего в этих местах, именно племянник — сын сестры был его первым наследником, а следовательно, самым опасным соперником.

Однако поход закончился неудачей. Плохо дисциплинированное войско-ополчение (а иных в африканских доколониальных государствах не существовало) не выдержало натиска профессиональной армии губернатора Анголы. Столица Мбанза-Кабака оказалась в руках португальцев, семья была захвачена в плен, а сам Нгола Мбанди бежал, укрывшись на труднодоступных островках реки Кванза. Современники писали, что хотя «португальцы выиграли войну, они не смогли оккупировать территорию».

Новый губернатор искал путей примирения с правителем Ндонго, тем более что все торговые пути оказались перекрытыми, Луанда же — отрезана даже от рынков продовольствия. Поэтому дружба с местной знатью была необходима для успешной торговли рабами, которых требовалось все больше для работы на плантациях и рудниках Бразилии. Именно из Анголы — предки современных чернокожих бразильцев, до сей поры сохранивших в своей среде верования, фольклор, некоторые обычаи африканцев.

На переговоры в 1621 г. была послана Нзинга — брат-соперник был вынужден признать ее незаурядные способности. Это был ее первый выход на историческую сцену. Делегацию местного правителя встретили торжественно, салютом из пушек. На португальцев произвели большое впечатление ее чувство собственного достоинства и находчивость. Кавацци так описывал эту встречу: «Когда ей была предоставлена аудиенция у вице-короля, она, войдя в зал, заметила, что там на самом почетном месте стояло только одно бархатное кресло, отделанное золотом, которое предназначалось для... вице-короля, а напротив лежал очень богатый ковер и бархатные подушки...

предназначенные для владык эфиопов (так вслед за Библией долгое время называли всех африканцев. — Э. Л.). Не смутившись и не сказав ни слова, она сделала знак глазами одной из своих дам, которая тотчас же встала на четвереньки, подставив спину своей госпоже, которая уселась, как на стул, и продолжала так сидеть, пока не окончилась аудиенция». Таким образом Нзинга показала, что считает себя равноправной участницей переговоров, а не покорным вассалом Португалии.

По свидетельству очевидцев, «она требовала мира с достоинством, предложила прочный и постоянный союз и показала, что веские и очевидные причины делают мир столь же необходимым для португальцев, как и для пославшего ее короля. Она удивила, изумила и убедила весь Совет», и «убежденные и побежденные ее доводами, высшие должностные лица и члены Совета почти ничего не могли возразить против ее предложений». Договор был заключен. Большим успехом миссии Нзинги было то, что стороны рассматривались как равные участники союза, а не как сюзерен и подданные. Рассчитывая, что столь умная, решительная, гордая женщина может стать выгодной и надежной союзницей, ее убедили в 1622 г. принять крещение под именем Анна (в честь жены португальского губернатора, принимавшей участие в церемонии).

В 1624 г. Нгола Мбанди умер при невыясненных обстоятельствах. Нзинга, став единственной правительницей, отрекалась от христианства и разорвала союз с португальцами. Она начала с ними борьбу, «обратившись к ложным богам и выполняя их волю», как писали хронисты. На самом деле она выполняла волю своих подданных, недовольных все более активной работоторговлей европейцев.

Первым ее шагом, однако, были не военные действия, а посылка послания новому губернатору Анголы, Фернанду де Соуза, с требованием эвакуации португальцами фортов из страны (Мбака и др.). Момент был выбран очень удачно, так как к этому времени на арену мировой торговли вышла Голландская Ост-Индская компания, созданная в 1621 г. И ее корабли летом 1624 г. сожгли в Луанде шесть португальских судов и угрожали господству Португалии в этой части света.

Одновременно она начала готовить армию. Последняя быстро росла за счет беглых рабов, которым была обещана свобода. Некоторые португальцы жаловались, что потеряли по 100—150 рабов. Анна Нзинга сумела также привлечь на свою сторону и обычно враждующие соседние племена. Поэтому, когда очередные переговоры в 1625 г. зашли в тупик, война была предрешена и войска Нзинги готовы к ней. Поводом для нее стало провозглашение одного из союзников Португалии, Ари Килуанжи, правителем Ндонго. После того как в ответ на это войска Нзинги начали против него военные действия, Луанда объявила ей войну — формально для защиты португальского подданного. Время от времени ввиду угрозы со стороны Голландии португальцы делали попытки заключить с ней договор, непременным условием которого, однако, было требование признать зависимость от португальской короны и выплачивать ежегодную дань. Это условие возмутило ее, и она заявила, что она независимая и суверенная правительница и что «это ей могли бы предложить, будь она побеждена силой оружия, но что до этого далеко, ибо у нее есть не только хорошие войска, но и отвага, более чем достаточная, чтобы образумить врагов». К началу 1626 г. португальцы подготовили хорошо оснащенную военную экспедицию. Она выбила Нзингу с островов реки Кван-за, но разбить не сумела. Отступив в глубь страны, она укрепилась на северо-востоке.

Укрепившись на побережье, португальцы еще шире развернули работоторговлю, отряды торговцев-метисов («помбейруш») разоряли местные селения. К тому же назначение правителем Ндонго крестившегося «дона Филиппа», не принадлежавшего к традиционной династии и, следовательно, с точки зрения местных верований не обладавшего благодатью «священного царя-жреца», долженствовавшего вызывать дождь и обеспечивать благоденствие народа, вызывало недовольство и знати, и простого люда. Результатом стало повальное бегство «под руку» Анны Нзинги.

Двигаясь на северо-восток от Кваюы, завоевывая местные племена и привлекая на свою сторону воинственный народ жага — храбрых и искусных воинов, в 1630—1635 гг. она обосновалась в горах Матамбы, создав сильное и устойчивое политическое объединение. По мнению некоторых исследователей, оно стало своеобразным иерархическим полуфеодальным государством. Сама Нзинга обладала правом распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, считалась собственницей всего, что имели они, обязанные трижды в неделю возделывать земли для производства продуктов питания для двора. Очевидцы утверждали, что двор ее был столь же многолюден, как королевские дворы Европы, и состоял из людей, «достоинства и обязанности которых давали им право считаться благородными».

В этих областях сохранялось (а местами сохраняется и поныне) материнское право, основанное на материнском счете родства, и, как следствие, сравнительно свободное положение женщины в семье и обществе. И в Матамбе не только во главе страны стояла женщина, но и на каждую должность назначались «соправители» — мужчина и женщина. Институт соправительниц до конца XIX века сохранялся к северу — у народов лунда, луба и куба в бассейне реки Конго, а в Буганде (на территории современной Уганды) — даже до середины XX века. Женщины участвовали и в войнах, а в мирные периоды составляли в силе, ловкости и отваге: «дамы во главе с королевой выходили одетые и вооруженные, как амазонки. Они устраивали сражение, в котором королева, хотя и обремененная более чем 60 годами, обнаруживала ту же храбрость, силу, ловкость и проворство, которые она имела в 25 лет».

Укрепив свое государство, Нзинга возглавила союз Матамбы с северным соседом — Конго, а также Касанжи (в центре современной Анголы) и племенами востока, образовав антипортугальскую коалицию. Первое выступление оказалось не очень удачным из-за разногласий среди союзников — правитель Касанжи, воспользовавшись отсутствием Нзинги, опустошил земли Матамбы, а позднее радушно принял посланцев нового губернатора. Попытки особой миссии, отправленной в страну с целью склонить к принятию мира самое Нзингу, окончились бесславно (хотя и продолжались несколько месяцев). Очевидец писал, что «Нзинга была очень умна и превосходно владела искусством иронии; она ответила, что прекрасно знает силы и доблесть своих врагов и желала бы иметь честь быть союзницей португальской короны... но считает справедливым добиваться или строго по суду, или с оружием в руках удовлетворения своих претензий на провинции, которыми мирно владели ее предки». Она была полна решимости продолжать борьбу.

В мае 1641 г. на рейде Луанды вновь появились голландцы. Ими был захвачен и транспорт с двадцатью кораблями, и «великий и прекрасный город, насчитывающий около 5000 больших и красивых каменных домов... кроме того, пять замков и семь батарей, где было около 130 пушек и 60 ружей». Вскоре они завоевали крепость Сан-Фелипе-де-Бенгела. Нзинга умело воспользовалась ситуацией и предложила голландцам объединить усилия, создать для борьбы против португальцев союз, к которому вскоре присоединился и правитель Конго. Под ее начало отправили отряд из 300 солдат. Ей удалось установить политический контроль над большей частью побережья и внутренних областей страны и, что особенно важно, над основными торговыми путями. В ее руках сосредоточилась вся торговля (в том числе и самая прибыльная — рабами, ведь она была человеком своего времени). Получаемая же прибыль позволяла еще больше укреплять свое государство и особенно армию. В руках португальцев оставался лишь единственный форт Массангано.

Португальцам пришлось вызвать подкрепление из Бразилии. Но даже эта помощь и привлечение на свою сторону правителя Касанжи, видевшего в Нзинге соперницу, не помогли. В 1647—1648 гг. местными армиями было одержано несколько крупных побед. Для полной победы следовало захватить Массангано. Попытка организовать внутри форта заговор, предпринятая Фунжи, сестрой Нзинги, которая много лет жила в плену, была

раскрыта, а Фунжи казнена. К тому же из Бразилии в августе 1648 г. прибыл Салвадор да Са, назначенный новым губернатором, — с сильным флотом и большим отрядом. Португальцы овладели Луандой, так как голландский гарнизон был ослаблен из-за того, что часть его была отправлена к Массангано. Узнав о сдаче Луанды, «они... покинули негров, которые решили не принимать капитуляции». А вскоре унижительный договор с Салвадором да Са вынужден был подписать и другой союзник Нзинги — правитель Конго.

Нзинга вернулась в Матамбу, отказавшись от признания подобного соглашения, но некоторые уступки были все же сделаны, в частности, изданы законы, запрещающие традиционные культы. Совет губернатора в Луанде в 1656 г. вновь потребовал подписать с ней договор, согласно которому Нзинга должна была возобновить продажу рабов португальцам, платить ежегодную дань и поклясться быть «другом друзей и врагом врагов» португальцев. Признать себя вассалом Нзинга категорически отказалась. Подписанный все же в апреле 1657 г. мирный договор был «почетным» — от дани она освобождалась, Матамба оставалась независимой. Последнее успешное сражение уже немолодой предводительницы состоялось в том же году против вождей жага, постоянно нарушавших обещание не опустошать Матамбу.

На похвалу ее храбрости она ответила католическому миссионеру отцу Антуану Гаете: «Я теперь стара, отец мой, и заслуживаю снисхождения. Когда я была молодой, я не уступала ни одному жага в быстроте ходьбы и ловкости руки. Было время, когда я не боялась сразиться с 25 вооруженными белыми солдатами. Правда, я не умела пользоваться мушкетами, но для ударов мечом тоже нужны храбрость, отвага и рассудительность».

Последние годы ее жизни прошли мирно, с португальцами были установлены торговые отношения, разрешена христианизация страны. 17 декабря 1663 г. Анны Нзинги Мбанди Нгола не стало. Ей было примерно 81 год, сорок из этих долгих лет она была единовластной правительницей страны, а тридцать один год вела неравную, но доблестную борьбу с португальскими колонизаторами и их союзниками.

Новое наступление португальцев на внутренние земли современной Анголы встретило сопротивление населения Матамбы. А возглавили его преемники Нзинги — ее сестра Камбо (в крещении Барбара) и ее сын Нгола Канини (крещеный под именем Франсиску Гутериш). Последний запретил даже пускать португальцев на свои земли, приказал нападать на невольничьи караваны и освобождать рабов. Португальцы, направившие против него большой отряд, были в 1681 г. разбиты при Кото-ло, но в этом сражении Франсиску был убит.

Ему наследовала сестра — Вероника Гутериш. Опасаясь жестокой мести, она направила в 1683 г. миссию в Луанду с предложением вечного мира. Предложенный губернатором договор включал требование о признании вассалитета, а также свободного прохода через земли Матамбы торговых караванов. Дово-гор подписан не был.

Но еще долго время от времени вспыхивали восстания против португальцев. Восставшие нападали на работоторговцев и миссионеров (а нередко это были одни и те же люди), громили церкви, запрещали иностранцам появляться на своих территориях. Ответом были жестокие карательные акции — по свидетельству современников, во время одной из них было сожжено 150 деревень и угнано в рабство несколько тысяч человек. Только в самом конце XVII в. вся Матамба и соседние области оказались под полным контролем Луанды.

АХМЕД ГРАНЬ

В Эфиопии издавна утвердилось христианство как государственная религия. Зара Якоб писал в «Книге Света»: «Наша страна Эфиопия [окружена] язычниками и мусульманами и с востока и с запада». В конце XIX века Менелик II в письме королеве

Виктории называет свою страну «христианским островом» в мусульманском море. Однако мусульмане жили в Эфиопии всегда. Первые из них появились в стране еще при жизни Мухаммада — это переселение очень немногочисленной группы мусульман из Медины получало название «эфиопской хиджры». Со временем ислам приняли и местные жители на берегах Красного моря и на востоке страны. Один из правителей средневековой Эфиопии, Амда Цыйон, утверждал: «Я царь над всеми мусульманами земли эфиопской». На востоке страны они, однако, сохраняли самоуправление. Султанаты их лежали на землях, через которые проходили основные торговые пути, связывавшие внутренние области с внешним миром. Именно экономические причины и лежали в основе разгоревшейся борьбы с центральной властью, хотя она приняла религиозную окраску и ее нередко называли джихадом. Особенно активизировались мусульмане в XVI в., когда и восточное побережье Красного моря, и области к северу от Эфиопии (значительная часть современного Судана) вошли в состав Османской империи.

Падение богатой красноморской торговли Эфиопии — ведь к этому времени северную часть моря контролировали турки, с юга же продвигались португальцы — привело к падению влияния местных мусульманских: торговцев и их защитников султанов. Следствием стало обнищание и низших слоев населения султанатов, и кочевых племен, лишившихся как заработка от охраны караванов, так и доходов от грабежа караванщиков. Участились набеги на христианские области, и выросло влияние эмиров — представителей военной элиты. Очевидец событий, мусульманин Шихаб эд-Дин писал: «По обычаю страны... каждый эмир имел право предпринимать или останавливать действия, совершать набеги и вести священную войну. Большинство воинов было под их рукой, а султан имел лишь свою долю налогов». Мусульмане пользовались поддержкой единоверцев-турок. Борьба центральной власти с ними велась с переменным успехом. Особенно удачными были походы Лебна-Денгеля (см.), который, как говорит хроника, вторгся в землю Адаля, сжег города, укрепления, «пленил из всех городов мужчин и женщин, старых и малых». Области часто переходили из рук в руки, и население в зависимости от победившей стороны, чтобы обезопасить себя, меняло веру. Португалец Алвариш, проживший долгое время в стране, писал, что «они ничтоже сумняшеся присоединяются к маврам и становятся маврами, а если захотят вернуться, то крестятся вновь, получают прощение и становятся христианами, как прежде».

Особенно обострилось положение с появлением на политической арене Ахмеда, получившего прозвище Грань (Левша). Ахмед ибн-Ибрагим аль-Гази был всадником в войске одного из местных султанов, который активно создавал «новую знать» из храбрых, но не родовитых воинов. Султан был убит «старой знатью», его преемника Абу Бакра, правившего в Хараре, преследовали торговые неудачи, росло обнищание и, как следствие, недовольство им. Ахмед, покинув войско, начал собирать своих сторонников, обосновавшись в выгодном месте, где на караванной дороге проходила перегрузка товаров с верблюдов на мулов и ослов. Контроль над этим местом обогатил его и сделал популярным. Его положение еще более упрочилось благодаря женитьбе на дочери Махфуза, одного из самых значительных султанов востока Эфиопии. Пользуясь широкой поддержкой, он сверг Абу Бакра, но власть передал Омару Дину, сам объявив себя духовным главой, «имамом правоверных». «Он был силач с детства», «никто не мог противиться ему из пяти великих племен Адаля» — так характеризовали его хроники.

Он сумел привести к покорности старую купеческую верхушку Адаля, отказался выплачивать центральной власти ежегодную дань. Грань посвятил себя нелегкой задаче создать из разрозненных отрядов, привыкших жить разбойничьими набегами, единую регулярную армию. Это было нелегко, так как многие кочевые племена (особенно сомалийские) жили без единоначалия, все вопросы решались народными собраниями. Им были привычны краткие рейды с захватом добычи, но не длительная упорная и однообразная борьба. Удачи и щедрость при дележе захваченного постепенно привлекли на его сторону большинство. Ему удалось создать единое войско.

Результатом была убедительная победа в 1529 г. Вернувшись в Харар, он занялся укреплением войска, которое самовольно покинули отряды кочевников, как только получили часть добычи. Ахмед Грань отправил богатую долю турецкому паше Забида, а тот помог ему нанять мушкетеров и пушкарей, купить семь пушек.

Через два года интенсивной подготовки он двинулся на завоевание Эфиопии и продвинулся далеко в глубь страны, захватив сначала восточные области с мусульманским населением, а затем и христианские районы. Неожиданные неудачи и тяжкие поражения христианских правителей, видимо, объясняются раздробленностью, когда царские полки, разбросанные по стране, не имели опоры в краях, где властвовали местные землевладельцы и вельможи. Так как воины не получали жалованья и кормились за счет населения, это приводило к моральной деградации одних, и росту недовольства других, что мешало создать единый слой сопротивления внешней угрозе. Напротив, идеи создания единого государства воодушевляли мусульман, хотя им и нелегко было отказаться от привычки прекращать войну, как только была захвачена значительная добыча.

К 30-м годам почти вся Эфиопия была разорена. На значительной части ее укрепились воины Граня, оставшаяся подвергалась набегам, разрушались церкви и монастыри, грабили не только простых жителей, но и «царскую тюрьму» Амба Гэшен, где по традиции содержались члены правящей семьи во избежание угрозы узурпации власти. Захватывалась богатая добыча. Хронист говорит о мусульманах того времени: «И тогда золота стало как камней, а одежий шелковых — как листьев». Другой хронист пишет: «...они... разрушили все дома молитвы, стены которых были сооружены из золота, серебра, драгоценных камней, из камня индийского. Они перебили множество верующих мечами, и пленили юношей и дев, мальчиков и девочек, и продали их в рабство из самых позорных. Тогда многие из верных оставили веру церкви христианской и совратились в веру мусульман... В эти дни был голод великий в земле Абиссинской». Среди завоевателей тоже начались голод и массовые эпидемии. Грань лихорадочно пытался организовать гражданскую власть и систему управления, наладить мирные отношения с христианами. Для этой цели он собирался жениться на дочери Лебна Денгеля. Когда этот замысел не удался, он постарался использовать пленение его сына Мины. Захваченного в плен юношу он окружил заботой и любовью с дальним прицелом — женить его на своей дочери. Этим планам мирного урегулирования противостояния молодого мусульманского государства и древней христианской империи не суждено было сбыться. Слишком сильна была оппозиция воинствующих эмиров, для которых война и грабежи, а не мирное развитие, были образом жизни. Мина был отослан «в подарок» турецкому паше, и борьба, основательно изнуряющая обе стороны, продолжалась.

После нескольких обменов посольствами христианских правителей Эфиопии и Португалии, первое из которых было послано еще Еленой (см.), в 1541 г. у африканских берегов Красного моря появился флот под командованием нового вице-короля Индии дона Эстевана да Гама. С ним прибыли 400 воинов со 130 слугами и рабами. Этот отряд под командованием брата вице-короля Криштована отправился на соединение с войсками Клавдия, преемника Лебна Денгеля (см.). Первые действия его в приморской провинции были успешными — они вместе с правителем этой области вернули к покорности перешедших в ислам мятежных вассалов негуса. К этому времени измученный народ начал переходить к активному сопротивлению. Оставшиеся верными короне воины вдовы Лебна Денгеля, царицы Сабла Вангель, крестьяне, поднявшиеся против мусульман, и португальцы, идя навстречу войскам правившего в то время Клавдия, провели ряд военных операций против войск имама Ахмеда и разбили их 4 апреля 1542 г. Имам был ранен, воины его обращены в бегство.

Эта победа вдохновила эфиопов, упавших духом за годы несчастий, и даже последующие неудачи в августе 1542 г. не развеяли надежды на лучший исход, тем более что вскоре произошла встреча с войсками Клавдия. Не остановила их и гибель Криш-

тована да Гамы, захваченного в плен Ахмедом. Решительное сражение произошло 20 февраля 1543 г., во время которого погиб имам, бывший многие годы грозой христиан, да и непокорных соседей-мусульман. После его кончины еще продолжались военные столкновения между царскими войсками и исламскими воинами, но конец их уже был предрешен.

Со смертью имама распалось единство его султаната. Его идея создать единое государство из мелких разрозненных султанатов держалась скорее на его авторитете, чем на действительной необходимости. Первые халифы, его предшественники, удовлетворялись захватом богатых торговых путей, быстрыми набегами и грабежами. Оставшись без идейного главы, они не сумели противостоять массовому сопротивлению. Хотя время от времени и вспыхивали движения мусульман, как в 1544 г. под руководством визиря Аббаса, объединившего три пограничные области с преимущественно исламским населением, но период могущества султанатов был уже позади. В октябре этого года последний противник христианского царя пал в сражении. Бывшие противники вновь стали подданными центральной власти. Окончательный же удар был нанесен еще через четыре года, когда Клавдий совершил победоносный поход на Адаль, «разрушил укрепления их и открыл их запертые города, землю их, землю Адаль, он сделал обитаемой птицами».

БЕАТРИЧЕ

Это имя с изумлением слышали европейцы на рубеже XVII—XVIII вв. Об этой удивительной женщине из далекой африканской страны Конго поведали португальские миссионеры. Это было сложное время для государства. Уже более столетия прошло с той поры, как здесь появились первые европейцы. Они принесли идеи новой религии — христианства, которая вскоре стала государственной идеологией, верой не только двора и знати, но и части народа. Однако вместе с христианством получила размах и работорговля. Попытки правителя страны *мани-конго* сохранить над нею контроль успеха не имели. Ею активно занимались не только торговцы, но и сами миссионеры, активное участие в этом выгодном в ту пору предприятии принимали и представители местной знати, и правители провинций. В результате страна была охвачена смутами, опустошалась, центральная власть теряла силу. Только работорговцы чувствовали себя вольготно.

В это время и разгорелось народное движение «антониан-ская ересь», возникшее в лагере воинов Педру, намеревавшегося восстановить разоренную столицу Мбанза-Конго (или Сан-Сальвадор) и воссоздать былое единство государства. Оно началось с проповедей в 1704 г. старой женщины Маффуты (в крещении Аполлонии) — она видела вещи сны и утверждала, что Мадонна и ее сын недовольны промедлением в деле восстановления столицы и изгнания португальцев — «врагов христианства».

А тем временем в ставке Педру появилась молодая женщина Кимпа Вита, крещенная под именем Беатриче. Она утверждала, что в нее вселился дух святого Антония, и от его имени обвиняла миссионеров в стяжательстве, работорговле и других грехах, требовала активной борьбы с португальцами и восстановления былой славы Конго. Эта африканская Жанна д'Арк пользовалась большой поддержкой народных масс, верящих в ее способность творить чудеса. «Там, где она прошла, искривленные и поваленные деревья выпрямляются», — передавалось из уст в уста. Толпы народа стекались послушать ее и готовы были следовать за ней на смерть. Их убеждал ее рассказ о том, что к ней, умирающей, с неба явился в одежде капуцина святой Антоний с приказанием от Бога, чтобы она проповедовала борьбу за восстановление Конго. Она якобы умерла, а воскреснув с душой святого Антония, раздала все свое имущество и отправилась выполнять свой долг. Многие рассказывали, что видели, как она не раз умирала, а через несколько дней воскресала.

Сила ее личности и убежденность были таковы, что она вскоре стала одним из советников Педру. На ее стороне оказалась сама «королева» и многие из родственников царствующей семьи. Педру разослал послов в провинции с призывом прекратить центробежные устремления и собраться в Сан-Сальвадоре с целью объединения всех сил в борьбе за восстановление страны и изгнание чужеземцев. Однако местная знать не поддержала столичного правителя.

Тогда выступил сам народ. Народным энтузиазмом и популярностью Беатриче воспользовался военачальник Кибенге (Доблестный) Педру Константину да Силва. Несомненно, он пытался, используя народное негодование, осуществить свои честолюбивые планы и захватить власть. Как стало ясно позднее, одновременно он сохранял и связи с миссионерами. В его лагере под Сан-Сальвадором после нескольких месяцев скитаний обосновалась Беатриче.

По всей стране рассылались гонцы («малые Антонии») с призывами присоединиться к лагерю восставших. Хотя далеко не всегда эти походы оканчивались успешно, тем не менее народ прибывал и столица быстро заселялась. Она стала и центром паломничества к святыням новой веры (ереси, на взгляд миссионеров-католиков). Главным предметом поклонения была резная деревянная фигура святого Антония Падуанского. Рядом с Беатриче появилось много ересиархов — святой Иоанн, святая Лучия, святая Изабелла и т. д. Они проводили все обряды (среди них — «умирание» для бесед с Богом и последующее «воскресение»), им оказывали почести и им поклонялись. Согласно проповеди Беатриче Христос был чернокожим, родился в Сан-Сальвадоре и крещен в Нсунди, сама Мадонна — из семьи служанок «маркизы» Нзимба Нпунгу, из местного рода происходит и святой Франциск. Эту истину якобы скрывали белые миссионеры, которые не хотят существования свободного Конго. Неприязнь, а то и ненависть к миссионерам подогревалась и тем, что они действовали в соответствии с правилами святой инквизиции, требуя выдачи ересиархов под угрозой сжечь поселения, привязывая сторонников движения к кресту под палящим солнцем и т. д. Поэтому и следовало изгнать их из страны, собрать перед воротами собора святого Сальвадора всех претендентов на трон, и тогда спустившаяся с неба корона увенчает достойнейшего.

Фактически в руках Кибенги и Беатриче сосредоточивалась вся власть в стране. Тогда, испугавшись чересчур широкой ее популярности и угрозы всеобщего народного восстания, знать разных провинций, оставив вражду, сумела объединиться вокруг Педру, который перенес свою резиденцию ближе к Сан-Сальвадору.

Им удалось захватить Беатриче с ребенком и нянькой и ее советника. Педру, считавший себя истинным христианином, хотел отправить их на суд епископа в Луанде (Ангола). Однако местные миссионеры воспротивились этому. В соответствии с нормами инквизиции Беатриче и ее советник, имя которого осталось неизвестным, были как нераскаявшиеся еретики сожжены 1 июня 1706 г. на городской площади. Так в Африке насаждалась «гуманнейшая из религий». Останки были унесены народом и хранились как святыни.

Вслед за этим карательные отряды были посланы по провинциям страны, народ которых не остановила эта страшная казнь. Миссионер-современник писал: «После ее смерти антонианцы, далекие от раскаяния, становятся как никогда упорными». Рассказывали, что Беатриче неоднократно видели у вершин высоких деревьев, одна женщина объявила себя ее матерью. Еще два года длилась, то затухая, то разгораясь вновь, народная война. Разные группы знати то использовали ее в своих интересах, то обращались с просьбами о прощении и отпущении грехов к миссионерам и вместе с ними выступали против черни. Столь же колеблющимся было и поведение Педру.

Последняя вспышка народной войны была в начале 1708 г. в области Сойо. Здесь антонианцы, к которым стекались все недовольные, убили правителя, разгромили монастырь капуцинов, изгнали миссионеров. Они не раз разбивали правительственные

войска, но в конце концов потерпели поражение. А 15 февраля 1709 г. был побежден и Кибенга.

Это движение было последней попыткой объединить страну и восстановить древнюю славу Конго. Немногим более 20 лет прожила Беатриче (род. около 1685 г.), недолго длилась ее проповедническая деятельность, но, по мнению современных заирских ученых, «ее политико-религиозные идеи вдохновили мессианские движения против колониального угнетения и эксплуатации два столетия спустя. Пророк Симон Кимбангу (20-е годы XX столетия. — Э. Л.) часто выглядел как духовный и политический наследник мученицы Кимпа Вита». С поражением этого восстания и упадком государства в течение XVIII в. народ вернулся к прежним верованиям, и даже память о старом христианстве сохранилась весьма смутно.

ГАННОН

Этот финикийский мореплаватель из Карфагена оставил будущим исследователям интересную загадку, о которой спорят до сих пор. Дошедшая до нас греческая рукопись X в. н. э. копировала его отчет, выставленный в VI в. до н. э. в храме верховного бога Ваалхаммана в Карфагене. Она известна как «Перипл» Ганнона и долгое время была предметом спора. Одни ученые считали ее доказательством высоких мореходных достижений древнего Карфагена, другие полагали поздней греческой фальсификацией. Не подвергавшие сомнению подлинность документа спорили, как далеко от родной гавани уходили мореходы за «Столбы Мелькарта» (в будущем — Гибралтар): только до юга Марокко или достигали Гвинейского залива? И вот тут-то обращает на себя внимание текст «Перипла» — «Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем. В середине же был некий огромный костер, достигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей богов».

Описание это, без сомнения, рисует извержение вулкана. В Африке немало районов с вулканической деятельностью, немало и вулканов, хотя большинство из них — потухшие. Есть они в горах Эфиопии, целая цепочка тянется вдоль Великого Рифта — геологического разлома, часть которого заполнена глубокими озерами. Но если мы посмотрим на карту Африки, то увидим, что единственный вулкан, который можно заметить с моря — Камерун, один из немногих действующих вулканов. Несколько конусов и вершин венчают Фако, высотой 4070 м. Крупных извержений давно уже не было, и склоны горного комплекса покрыты плодородными землями с густой растительностью — ведь он задерживает облака, и здесь самое влажное место на континенте, с осадками в 10 000 мм в год.

Последнее зафиксированное извержение было в феврале — марте 1922 г., когда огненный столб вздымался до неба, а раскаленные потоки лавы достигали моря. Именно такую картину и описали авторы «Перипла». Местные жители называют вулкан и поныне Гора богов. А еще одно лишнее подтверждение тому, что корабли Ганнона, вероятнее всего, добрались до этих мест — рассказ в следующих абзацах о «диких людях», «тело которых покрыто шерстью». А ведь именно в темных, густых и влажных лесах Гвинейского побережья живут гориллы — самые близкие к человеку человекообразные обезьяны.

ГЕДЕОН

Гедеон — один из самых знаменитых героев сопротивления иудаистов-фалаша завоевательной политике центральной власти средневековой Эфиопии. (Правда, некоторые исследователи полагают, что это скорее не имя, а титул. Взаимное превращение имени и титула хорошо известно в мировой истории: «инка» в

доколумбовой Америке, «король» — из Карла и «царь» из Цезаря в Европе, «ншими» и «муата-ямво» в Центральной Африке и т. п.)

Фалаша — небольшой народ в Эфиопии, живший к северу от озера Тана, сейчас почти полностью выехавший в Израиль, где получил название « эфиопские евреи». От окружающих народов они отличались лишь исповеданием иудаизма доталмуди-ческого толка. Происхождение фалаша загадочно. Оно давно породило множество версий. Одни считали их потомками беженцев из Иерусалима, которые якобы бежали после разрушения Храма в Египет, где основали Элефантину, а впоследствии воины этого гарнизона поднялись вверх по Нилу, спасаясь от преследований фараонов. Другие полагали, что они потомки евреев-рабов, которые отказались уходить из египетского плена с Моисеем. Есть и другие древние версии. Фалаша — якобы потомки «потерянного» племени Дан, они — местные жители, обращенные йеменскими иудаистами, бежавшими через Красное море, возможно, во время аксумо-химьяритских войн VI в., они — прямые потомки Моисея, женившегося на местной женщине, когда он был послан фараоном на завоевание Верхнего Египта. Российский исследователь С. Б. Чернецов считает, что фалаша — автохтонное население, сохранившее иудейскую религию в том виде, в каком она получила распространение по обе стороны южной части Красного моря в VI в. до н. э. Известно, что одно время иудаизм был государственной религией на юге Аравийского полуострова. Наконец, есть и такие, кто полагает, что народ фалаша сформировался как этноконфессиональная группа в средние века в центральной Эфиопии. Сами фалаша в своих устных преданиях, сохранившихся до наших дней, уверяют, что их предки вышли из Иерусалима в свите Менелика I, сына библейского царя Соломона и царицы Савской — основателя императорской Соломоновой династии, правившей в Эфиопии до антимонархической революции 1974 г.

Легенды рассказывают о победоносной правительнице Эзато (Юдифь), воевавшей с могущественным Аксумом и разорившей его. Эти события относят в Хв. В XIII в. основанная ею династия пала, и на землях фалаша сложилось множество мелких политических объединений-вождеств. Однако более достоверные сведения относятся только ко времени с XIV в., когда упоминания или относительно подробные рассказы об этом народе появляются в эфиопских хрониках и «Житиях» правителей Эфиопии («негусов»).

Политический центр эфиопского государства к тому времени переместился в центральную провинцию Шоа. Отсюда и начались активные завоевательные походы его правителей и не менее активная христианизация соседних народов. Фалаша к тому времени обосновались в горном массиве Сымен, хотя и не очень благодатном, изрезанном ущельями, но зато труднодоступном. Многие вершины были названы ими по имени гор Израиля — Фаворская, Синайская и др. Хроника писала об этом районе: «Не забудем же написать историю о том, сколь дурна земля Сымен. Все дороги ее неровны, непрямы, там множество пропастей, и не могут пройти там кони, и мулы, и ослы иначе как один за другим, и то с трудом. Другое зло — холод сильный, что пронизывает до костей так, что не может тут жить чужестранец из-за великого холода, а лишь местные жители, которые к нему привычны. Третье же зло, что в этой стране падает сверху снег в то время, когда внизу стоит жара». Понадобилось не одно столетие, чтобы покончить с существованием независимых владений в этих горах.

Первые победы были связаны с именем эфиопского императора Иешака (1413—1440), когда он сумел захватить многие области, населенные фалаша, крестил их, а тех, что отказывались, лишал права иметь землю. С этого времени, полагают исследователи, и началось формирование этноса, получившего название «фалаша» (изгнанники, беженцы), главными занятиями которого стали ремесла — кузнечное и ювелирное дело, ткачество, строительство, гончарство. С этого времени и возникла своеобразная этнокастовая замкнутая социальная организация.

Однако и после этого, еще по крайней мере до XVII в., в этих областях было неспокойно. На отдельных «амба» — плоских вершинах гор оставались самостоятельные владения. Да и в тех местностях, где жители уже были обращены в христианство, они нередко возвращались «к вере отцов своих». «Хроника царя Клавдия» говорит о ряде областей: «Все они отступили и сделались иудеями, оставив христианство, и убили многих людей из Амхары. Когда царь выступил, они сразились с ним, осилили его, прогнали и сожгли все церкви в своих областях». Такие выступления жестоко подавлялись.

Борьба и сопротивление велись в течение нескольких веков. Особенно ожесточенные столкновения фалаша и войск императоров происходили в царствование Амда-Сиона (1314—1344), Исаака (1412—1424) и Зара-Якоба (1434—1444). Первый разбил иудейских «князей» в областях Маробо, Варабе и Дамбии, выстроил там церкви. При втором «наместники Цаламтъа и Сымена оставили христианство, приняли иудейство, истребили многих амхарцев, разбили царское войско и сожгли все церкви» («Хроника Зара-Якоба»). Вообще XV век был тяжелым периодом в истории Эфиопии. Он ознаменован почти полувековой борьбой против мусульман восточных султанатов. При Ахмеде Гране (см.) значительная часть страны была ими завоевана. Общая опасность заставила на время забыть о традиционной вражде. Однако она возобновилась после победы центральной власти. И хроники времен Зара-Якоба рассказывают о ранее крещенных, вернувшихся к иудаизму и жестоко наказанных за это, о вооруженных выступлениях фалаша против амхарских воинов и наместников.

Однако в то время центральная власть была не настолько сильна, чтобы полностью покорить Сымен. Она достаточно окрепла лишь в XVI в., чтобы еще раз попытаться уничтожить самостоятельность фалаша. Что собой представляли эти владения — достоверно сказать трудно, как и уточнить их число. Известно, что во главе их стояли «цари», часто братья или близкие родственники, что занимались фалаша земледелием, что земли было немного и она не давала богатых урожаев на крутых склонах и в достаточно холодном климате. Хронист, рассказывая об успешном походе одного военачальника во время правления Сарса Денгеля, вздыхает: «...имущества не нашел... ибо не был он (побежденный князек фалаша. — Э. Л.) стяжателем имущества, а был земледельцем, который сеет свой хлеб в поте лица». В царствование его велись, пожалуй, самые ожесточенные сражения с фалаша, особенно серьезные в 1579 и 1596 гг. Недаром хронист писал, что история Малак Сагада (тронное имя Сарса Денгеля. — Э. Л.) — это «история побед и поражений еврейских». Причинами сопротивления были как отказ платить непосильную дань, так и нежелание насильственной христианизации. Возглавили это сопротивление Радаи и Калеф, сохранившиеся в памяти как герои.

Это было всенародное движение. У фалаша были лишь дротики и копья, но они умело использовали возможности рельефа. Укрепления строили на плоских вершинах с крутыми склонами, устраивали засады за утесами и в пещерах, разрушали узкие тропы, чтобы не прошли по ним мулы и кони. На вершинах делались запасы — груды камней, чтобы скатывать их во время битвы. Такие груды заготавливали загодя (нападения ожидали в любой момент) и сохраняли годами. Использовали фалаша и тактику выжженной земли. Хронист пишет: «Калеф же, брат Радаи, начал жечь огнем дома вместе со всем, что в них было. И хлеб, который был по соседству, сжег он, ибо созрел (хлеб) в это время и настало время жатвы. И пожег он связанные снопы без пощады. И сделал он это, ибо полагал, что возвратятся они (враги — Э. Л.), когда не достанет им пищи». Воины сражались яростно «летающими копьями, камнями брошенными, ружьями и стрелами». Исход же сражения решила артиллерия амхара. Когда она ударила, «смутился Калеф и все войско его, смешалось все его войско ратное, ибо показалось им, что ударила в них молния с неба». Расправа была жестокой — приказано было не щадить ни мужей, ни жен, ни стариков, ни младенцев и не оставлять никого «из ходячих ногами». Мужчин сбрасывали в пропасть, рубили головы. Многие, стремясь избежать рабства или худшей

участи, сами бросались вниз, увлекая с собой и вражеских солдат. Однако после поражения Калефа борьба не закончилась. Ее продолжил Радаи. Но военное счастье отвернулось от него. Он был пленен, войско его разбито. Так в марте 1580 г. закончилась одна из самых значительных войн поражением «витязей иудейских», разрушением «оплотов» их, пленением жен и детей и захватом «скота их и всего имущества, нажитого ими».

Следующее серьезное столкновение произошло во времена правления Мины (1559—1563). В 1559 г. был предпринят безуспешный поход против фалаша во главе с Рэдетом. Отчасти это было связано с распылением сил — только что закончилась война с мусульманскими владыками на востоке страны, был поднят мятеж на севере, в Тигре, правитель которого, Исхак, стремился посадить другого императора и пригласил на помощь турок (даже отдал им территории на побережье Красного моря).

В 1596 г. вновь поднялись фалаша. Упорство, с которым этот народ не желал подчиняться императорской власти, приводил в изумление придворного хрониста — «Каково же безумство сих фалаша!» восклицает он. Будучи осажденными, с перерезанными тропами, отрезанными от источников питьевой воды, они совершали дерзкие успешные вылазки, убивая многих осаждающих и считая, что «лучше погибнуть с честью, чем жить в позоре». Все же пришлось на многих «амба» сдаться, кто-то сумел бежать, но большую часть мужчин убили, а жен и дочерей павших подарили государю. Однако другой военачальник фалаша, Гедеон, сумел бежать, пройдя с 15 щитоносцами стан царских воинов. Возможно, его успешному бегству способствовало то, что одна из близких родственниц его стала одной из жен правящего императора и матерью его сыновей. Именно на это делал ставку Гедеон, пытаясь достигнуть дипломатических соглашений с императором. Наиболее же жестокие и кровопролитные войны велись в XVII в., во времена правления Сиссиния. В это время речь шла уже не о локальном сопротивлении отдельных «княжеств», а о довольно организованном движении, которое возглавил Гедеон. К фалаша присоединились и другие народы этого района. Знаменем движения был некий Яков, выдававший себя за сына Сарса Денгеля. Движение это было одновременно и антиамхарским, и междоусобным, и социальным. По словам хрониста, Гедеон возглавил войско «безумцев, ему подобных, всех бедных, всех несчастных, всех неоплатных должников». В течение нескольких месяцев 1614 г. восставшими были захвачены восемь областей. Понадобилась концентрация всех сил царской армии, чтобы захватить сначала одну, затем другую «амбу» и, наконец, последний оплот Гедеона и Якова — «амбу» Саганест. Осада ее продолжалась два месяца, после чего Гедеон был вынужден выдать Якова и сдаться. Многие земли фалаша были разорены. В 1616 г. «...во всех землях, где есть фалаша, приказал царь убивать их. И убили их без остатка, и не спасся никто, кроме нескольких фалаша, которые бежали... Женщин же и детей всех фалаша обратил царь в рабство, рассеял и раздал тем, кто нуждался. И так же всем фалаша Дамбии и всех областей царства, где жили фалаша, приказал царь в эти дни зимы принять христианство, дабы стерлась память об иудействе в земле его царства. И поспешили все фалаша согласиться, и крестились они крещением христианским. И установил им царь, чтобы пахали они в первую субботу в знак отказа от веры иудейской», и «...зимовал он там, обращая всех фалаша в веру Христову, а отказывающихся от крещения христианского присуждал к смерти».

Однако сам Гедеон еще не был схвачен и продолжал борьбу и в 1622 и 1623 г. Неоднократно он обращал царские войска в бегство и захватывал обозы со всем имуществом. В 1623 г. он вновь захотел воцарить некоего «Сына Арзо из племен Израиля», которого, укрыв бурдюком, привел к нему один монах. Как видно, силы у Гедеона были еще значительны, коль скоро именно у него искали помощи желающие престола. Сначала успех сопутствовал фалаша, они захватили ряд «амб», некоторые жители области пришли под его знамя или заключили мирное соглашение. Однако вскоре превосходящие силы правителя одолели «Гедеона-иудея, который при четырех царях... пытался воевать»,

захватил семь областей и «воцарил трех самозванцев», и казнили его. Но долго еще пришлось покорять остальных участников движения. А затем «царь царей расставил все войско ратное по входам и выходам в земли фалаша».

И хотя время от времени еще происходили походы против беспокойных фалаша (в 1670, 1671, 1674, 1692 гг.), именно с этого времени заканчивается самостоятельное существование свободных «княжеств» и начинает складываться особая этно-каста ремесленников-фалаша. Лишь немногие продолжали заниматься земледелием, но уже не как владельцы своих земель, а как арендаторы. В основном мужчины стали кузнецами, ювелирами и ткачами, женщины — горшечницами. Эти занятия считались в Эфиопии если не презренными, то неуважаемыми, как и торговля. Замкнутость и некоторая загадочность народа спо-собствовала тому, что фалаша подозревались в колдовстве, оборотничестве, связи со злыми силами. Постепенно, однако, в обществе происходили некоторые изменения. Фалаша, как и другие завоеванные народы, вписывались в общую структуру формирующегося централизованного государства. В царском войске появились отряды фалаша, которых считали храбрыми и надежными воинами и посылали в самые ответственные походы. Некоторые (среди них бывали и женщины) получали титулы и земельные пожалования. Большую роль в изменении положения фалаша сыграло начавшееся на рубеже XVII— XVIII вв. городское строительство, в котором приняли участие фалаша-каменщики, строители, кузнецы, ювелиры при дворах будущих императоров.

ГЕЗО

На юге современной Республики Бенин живут народы, объединяемые общим названием аджа. Здесь практически не проводилось археологических работ, народы эти не знали письменности, и поэтому достоверные сведения о них появляются лишь с конца XVI в. (Ардра на карте 1596 г. Арнольдо де Лангю). Это одно из крупнейших ранних политических объединений побережья. Мотыжное земледелие и ремесла — основные занятия населения — удачно дополнялись возможностью плаваний на дальние расстояния (правда, следует заметить, что в этой части Гвинейского побережья в то время был возможен лишь каботаж). Удобные лагуны привлекли европейских торговцев, довольно быстро сменивших интерес к золоту, пряностям, пальмовому маслу и слоновой кости всевозрастающим интересом к невольникам. Жители Ардры (Аллады) и соседнего Вида (Уида, Жида) стали первыми партнерами европейских работорговцев.

В конце XVIII в. русский читатель мог прочитать в книге «Позорище странных и смешных обычаев при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов и при том нечто для холостых и неженатых»: «Королевство Жюда, или Вида, лежит в Африканской стране, Верхней Гвинее, на берегу невольничьем, так названном потому, что Европейцы преимущественно посещают оный для покупки невольников. Жители суть негры, или эфиопы. Переезд с кораблей на берег, принадлежащий сему государству, весьма опасен по причине великого волнения, всегда там бывающего, и Европейцы без пособия негров переезжать отнюдь не могут».

Африканцы-невольники отсюда попадали в основном в район островов Карибского моря в Новом Свете. Они привезли с собой привычные нормы поведения и системы мировоззрения. Именно из верований народов прибрежных областей современной Республики Бенин и Нигерии (известных на протяжении нескольких веков как Невольничий берег) выросли такие системы религиозных представлений, как водуизм и другие.

На их землях были основаны сначала португальские, а затем и английские и французские фактории и форты. Аллада и Вида жестоко соперничали за прибыль от этой торговли. В начале XVII столетия, около 1625 г. к северу от этих «городов-государств» сложилось еще одно быстрорастущее политическое объединение — Дагомея — вокруг

города Абомей. Оно было выгодно расположено на основных торговых путях, по которым невольников из глубин континента через земли йоруба отправляли к берегу Гвинейского залива. До этого времени торговля проходила сначала на условиях взаимной выгоды, а потом под жестким контролем Ойо, самого крупного объединения йоруба. Под властью последнего еще долго оставалась Аллада, фактически превратившаяся к концу XVII в. в провинцию Ойо. Ослабление Аллады привело к возвышению Виды, ставшей главным портом в этих районах.

Между тем правитель Дагомеи Агаджа (1708—1732 или 1740), объединивший более 40 городов, сумел разбить и захватить сначала Алладу, а затем и Виду (1727). Возвышение Дагомеи неизбежно привело к длительным затяжным войнам с Ойо. Правители Ойо направляли конницу (которой не было у дагомейцев), создавали линию укреплений, начали политику заселения переселенцами-йоруба приграничной полосы и даже некоторых провинций Дагомеи. Непомерные притязания Ойо нашли отражение в иносказательной форме при оформлении дворца правителей Дагомеи — противник был изображен в виде обезьяны, которая, несмотря на то что еще не съела один початок кукурузы, уже держит в руке другой. Однако Дагомея была еще пока слабее Ойо и была вынуждена пойти на уступки. Интересно, что договор 1730 г. между Ойо и Дагомеей был заключен при посредничестве европейских работорговцев, которых не устраивала смута и нестабильность на таком выгодном рынке рабов. В результате правитель Дагомеи признал себя данником Ойо. Резиденцией его стала Аллада, а один из сыновей был отправлен заложником в страну йоруба.

Однако договор неоднократно нарушался, следовали новые карательные экспедиции, и новый договор 1747 (1748) года наложил еще более тяжелые даннические обязательства на Дагомею. Бывший в юности заложником, Тегбесу, правивший в 1740—1747 гг., был воспитан в сознании превосходства Ойо, и во время его правления Дагомея оставалась покорным его данником. Его внутренняя политика характеризовалась укреплением власти правителя, в противовес старой родовой знати сформировался слой привилегированных рабов. Всякое сопротивление жестоко подавлялось. Вся экономика страны строилась на работорговле, причем монопольным правом на нее обладал двор. Это приводило к внутренней нестабильности, зависимости от внешних обстоятельств. Активность Ойо и рост новых портов, таких, как Порто-Ново, приводили к сокращению доходов Дагомеи, а оживление трансатлантической торговли в конце XVIII в. (в результате борьбы за независимость североамериканских владений Великобритании и развития там плантационного хозяйства) и постепенный упадок Ойо — к ее подъему, но за счет упадка сельского хозяйства и традиционных ремесел. В 1797 г. правивший в то время Агонгло пытался привлечь на помощь португальцев, обещая за это ввести католицизм, но эти намерения вызвали всеобщее возмущение, завершившееся убийством его и дворцовым переворотом.

Правление Гезо (1818—1858) связывается с периодом стабилизации. Он предстает как крупный реформатор, укреплявший центральную власть и экономику страны. Были введены новые сельскохозяйственные культуры. Ему удалось освободиться от гнета Ойо и даже начать наступление на земли йоруба. В этой борьбе немалую роль сыграли женские отряды. Впервые женщин привлекли к военной службе во времена Агаджи, когда после ряда неудачных войн с Ойо ощущался недостаток воинов-мужчин. Их отличали выносливость, храбрость, особая меткость и преданность. По свидетельству современников-европейцев, в XVIII в. их было не менее 3000. Во времена Гезо численность женских отрядов (амазонок, как их называли европейцы) еще более увеличилась. Все подданные были обязаны в определенный день представлять дочерей в резиденцию правителя. Здесь определялось, кто из них — будущие командиры, кто — солдаты, а кого отдадут в жены воинам. Когда в 1851 г. в одной из битв йоруба захватили дагомейских воинов в плен, только при попытке кастрировать их (а евнухи-рабы стоили значительно дороже) они обнаружили, что против них сражались женщины. Один французский офицер

писал в 1860 г.: «По правую руку короля находилось примерно 600 женщин из его охраны. С ружьями в руках, они неподвижно сидели на коврах, скрестив ноги по-турецки. Позади них, одетые в коричневые ткани, с длинными карабинами с черными стволами, располагались ряды охотниц на слонов... За королевским креслом стояла командующая женской гвардией, на поясе которой было привязано несколько лошадиных хвостов — знак ее звания. В отличие от других амазонок она обладала богатым оружием и множеством амулетов».

Его преемник Глеле (1858—1889) пытался следовать политике Гезо, обеспечивая безопасность границ на западе и даже пытаясь завоевать Абеокуту. Во второй половине его правления активизировалась экспансия европейских держав в Африке. Начались франко-дагомейские войны, продлившиеся с 1890 по 1894 г. Хотя дагомейцы показали себя храбрыми воинами, столкновения завершились поражением африканцев, низложением Беханзина, преемника Глеле, и превращением Дагомеи в колониальное владение Франции.

ГЕНРИХ-МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

С именем этого человека (1394—1460) связаны первые португальские открытия в Африке. В результате Реконкисты был освобожден от «мавров» почти весь Иберийский полуостров. В умах португальцев этого времени еще бродили идеи борьбы с «неверными», жившими за нешироким проливом на противоположном берегу Средиземного моря, идеи не столь давних крестовых походов. Немалое значение при этом имело и начавшееся строительство морских портов Порту и Лиссабона, где обосновались итальянские купцы — судовладельцы и судостроители. Португалия начала строить и свой флот, осуществлявший торговые связи между Ближним Востоком и приморскими городами Севера (это было особенно важно в те годы, когда Англия и Франция были отделены от нее враждебной Испанией). Этот флот также боролся с берберскими пиратами и главным соперником — флотом Кастилии. Все это вместе с жадной добычей, кажущейся очень легкой, влекло к новым наступлениям, уже за пределами Иберийского полуострова.

Первым шагом к этому движению, приведшим впоследствии португальские корабли даже к Полинезии, был штурм цитадели Сеуты в 1415 г. С ее захвата и начались все остальные плавания, принесшие португальским морякам славу первооткрывателей неведомых доселе земель. В сражении под Сеутой принял свое боевое крещение и принц Генрих (Энрике), позднее получивший прозвище Мореплаватель, хотя сам он не выходил в море, а лишь организовывал многочисленные морские экспедиции, был их вдохновителем. Ему была выдана грамота короля Афонсу V в 1443 г.: «Мы, дон Афонсу... уведомляем всех, кто будет читать эту грамоту, что инфант дон Энрике, мой почитаемый и возлюбленный дядя, желая сослужить службу Господу Богу и нам, стал посылать свои корабли, чтобы разузнать о земле, что находится за мысом Бохадор, так как до тех пор не было никого во всем христианском мире, кто бы знал о ней что-нибудь. Неведомо было, есть ли там население или нет, и ни на мореходных картах, ни на карте мира правильно ее не рисовали, а просто от мыса Бохадор и дальше всякий, кто их делал, рисовал, что хотел».

На снаряжение экспедиций он тратил и свое личное состояние, и средства ордена Христа, магистром которого он был с 1420 г. В Сагрише им были основаны обсерватория и мореходная школа. Практически все плавания под португальским флагом с 1415 по 1460 г. были подготовлены при его личном участии. Впоследствии же они организовывались либо Короной, либо торговыми домами, либо отдельными богатыми феодалами, почуявшими возможность богатой добычи. Португалии удалось выйти за пределы Европы раньше других европейских стран, занятых в это время иными заботами — в Испании еще не была завершена Реконкиста (Гранадский эмират просуществовал до 1492 г), Франция и

Англия были заняты изнурительной Семилетней войной, положение осложнялось и крестьянскими восстаниями внутри этих стран.

Для походов португальских мореплавателей обнаруживаются несколько причин. Немаловажным было их стремление охватить с юга мусульманский мир, окружить «неверных», тем более что широко были распространены легенды о христианском государе Пресвитере Иоанне, чья далекая христианская страна была, казалось, не только возможным союзником, но и богатой страной, где можно было пожить. Несомненными казались и выгоды от вывоза из вновь открытых земель пряностей и золота, о которых уже давно поговаривали в Европе, — ведь уже на Каталонской карте 1375 г. изображалась «страна золота «Мелли» и ее правитель, державший в руке золотую «Державу». Согласно картам того времени, через его земли, идя от устья «Нила» (так на этих картах обозначался Нигер), соединявшегося с Нилом египетским, можно было полностью охватить все исламские владения.

А поскольку сухопутная дорога была перекрыта турками, оставался лишь опасный и неизведанный путь по морю. Что ждало смельчаков на этом пути? Этого не мог сказать никто. Поговаривали о кипящем море, расплавляющихся от невыносимой жары камнях, одноглазых и одноногих жестоких дикарях... А о мысе Бохадор (Буетдар Каталонского портулана) рассказывали, что праведных христиан, осмелившихся заплыть за него, знойное солнце превращало в черных как смоль негров. Святой Августин, непререкаемый авторитет для католиков, утверждал, что в жаркой зоне живут неведомые страшные существа. А еще говорили о «свернувшихся» морях, затягивавших в свои недра корабли, о магнитных горах, о которые разбивались притянутые к ним корабли, о морских чудовищах, изображения которых мы и сейчас можем видеть на средневековых картах, о таинственных символах, обозначающих «конец мира» — таковым считали мыс Нан (или Нон).

Правда, кое-какие, нередко смутные сведения, главным образом через арабов, живших при дворах Испании и Сицилии, все же имелись. Иногда какие-то факты сообщали и европейцы. Так, еще в XIII в. схоласт, алхимик и миссионер с Мальорки Раймунд Луллий рассказывал, что в 1280 г. некий безымянный монах добрался до Гао на Нигере, где обнаружил «много языческих вождей и князей, которые поклоняются солнцу, звездам, птицам и зверям. Жители этой страны многочисленны и высоки ростом. Они черные и не придерживаются никакого закона» (несомненно, этот оставшийся безвестным монах имел в виду христианские законы).

В это время было положено начало португальскому «открытию» Африки. Правда, при Генрихе-мореплавателе добрались только до мыса Бохадор и ненадолго продвинулись от него. В 1434 г. Жиль Ианиш, щитоносец принца Генриха, обогнул мыс Бохадор и доказал, что в тех краях жизнь не уничтожена солнцем, как многие полагали. В том же или следующем году Ианиш и Афонсу Гонсалиш Балдай добрались до Ангра де лас Руйвос близ Северного тропика. А в 1443 г. Нуну Триштан миновал мыс Бланке (Кап-Блан).

В это время португальцы не ставили себе целью проникновение в глубь континента. Дела велись «более с помощью торгов и сделок, нежели с помощью оружия и силы». Первая фактория была ими основана в 1448 г. на острове Аргин, а первое укрепление на Гвинейском берегу — Сан Жоржи да Мина (современная Эльмина) было создано лишь в 1482 г. и жили там 500 солдат и 100 ремесленников. В годы после смерти Генриха португальцы продолжали начатое им дело. Но появился соперник — Испания. И вот в 1495 г. произошел первый официальный раздел еще неоткрытого мира — по Тордесильянскому договору Испания и Португалия определили зоны будущего влияния в тех еще неизведанных странах, которые они сумеют открыть в будущем. Условная линия раздела проходила по Атлантическому океану к западу от Канарских островов. Стороны согласились, что Испании будет принадлежать все, что будет открыто на запад от этой линии, а Португалия стала монополистом на восточные области. Этот договор,

закрепленный специальной буллой Папы, оказал огромное влияние на последующую четырехсотлетнюю историю взаимоотношений европейских держав и создание колониальных империй XIX в.

Надолго именно португальцы стали хозяевами морских дорог в Африку. Появившиеся здесь «чужие» корабли рассматривались не только как нарушители международного договора, но и как еретики, игнорирующие папскую буллу. Их конфисковали, команду либо брали в плен, либо высаживали на берег. Некоторые из этих «нарушителей» оставляли записки о своих приключениях. Одним из самых известных был Эташ де ла Фосс, фламандец, в 1480 г. захваченный в плен у берегов Африки и затем бежавший из плена. XV—XVI вв. оставили немало описаний Африки, ее народов, географических условий. Среди авторов были, с одной стороны, или сами моряки (Ка да Мосто, Пашеку Перейра), или воины-чиновники (Жуан ди Барруш, комендант крепости и начальник фактории в Сан Жоржи Мина), с другой — архивариусы и государственные чиновники, в чьих руках сосредоточивались отчеты моряков (Азурара, Фернандиш, Мюнцер из Нюрнберга на службе португальского двора). Их труды до наших дней сохраняют значимость. Как важные исторические источники (можно назвать, например, «Хронику открытия Гвинеи» Азурары, 1453 г.; «Изумруд о положении мира» Дуарте Пашеку Перейра, 1505—1506 гг.; «Описание берега Африки» Фернандиша, 1507 г.). Именно на таких отчетах и записях был основан первый энциклопедический труд Олферта Даппера «Описание Африки», впервые увидевший свет в 1668 г., вскоре переведенный на все основные европейские языки и бывший не один десяток лет практически единственным сводным трудом об африканских народах, странах, культурах, природе.

Португальцы же первыми из европейцев обогнули южную оконечность материка. Бартоломеу Диаш в 1488 г. вошел в Индийский океан. Он, однако, был вынужден вскоре вернуться из-за шторма и недовольства команды. Но в истории осталось название, данное им, — Мыс Доброй Надежды, так как он «увидел, что берег поворачивает на север и северо-восток — к Эфиопии ниже Египта до Аравийского залива. Таким образом родилась большая надежда на открытие Индии». Известно, что Диаш занимался здесь картографированием, астрономическими и метеорологическими наблюдениями, описанием географических условий, растений и животных, рассказывал и о местных жителях.

Более удачливым оказался Васко да Гама. Он дошел до Индии, открыв постоянную дорогу через океан. Кстати, от Момбасы (на территории современной Кении) до Индии его корабли вел местный лоцман. И корабли самого Васко да Гама, и его многочисленных последователей, останавливались на берегу южной оконечности Африки, чтобы пополнить запасы пищи, питьевой воды, топлива. Здесь не было государств, подобных тем, что португальцы видели в Западной Африке. Местные народы — готтентоты и двигавшиеся с севера банту — коса, тсвана и другие занимались скотоводством и обменивали продукты своего производства. Португальцы не создали здесь постоянных опорных пунктов, устремляясь в Индию, — Гоа стал вскоре столицей «двух Индий», штаб-квартирой колониальной империи Португалии.

Почти через сто лет после Диаша, в 1580 г. голландский мореплаватель Корнелиус де Хоутман в поисках пути на Восток прибыл в залив Мосселбей и начал торговлю с готтентотами. Так началась история голландцев в Южной Африке, потомки которых стали «белыми африканцами», создав новый этнос — «буров», или «африканеров». Редкие заходы судов по пути в Индию сменились политикой постепенного переселения европейских колонистов. Первыми были 90 человек, прибывшие на пяти кораблях под руководством Яна ван Рибекса. Они высадились в заливе у подножия Столовой горы — Тафелбай и основали небольшое поселение. 1652 год стал и датой создания Капской колонии. Сначала это были только торговая фактория и порт, основанные голландской Ост-Индской компанией. Чтобы обеспечить и себя, и заходившие в порт корабли пищей,

поселенцы стали заниматься фермерством. «Бур» («крестьянин») стало и названием нового этноса. Позднее к нескольким волнам голландских переселенцев присоединились в 1688—1700 гг. 225 французских гугенотов, спасающихся от религиозных преследований после отмены Нантского эдикта. И сейчас французские фамилии не редкость в Южно-Африканской Республике. И голландцы, и французы были в основном мужчины. Они женились на местных женщинах, и так было положено начало смешанному населению, которое в современной ЮАР определяется как «цветные». Слуг и чернорабочих из местного населения не хватало, и стали привозить рабов из Малайзии. Так уже в те годы была заложена сегодняшняя пестрота населения, поражающая даже в полиэтнической Африке.

ЕЛЕНА (ЫЛЕНИ)

Эта самая знаменитая женщина средневековой Эфиопии была незаурядной личностью. Казалось бы, ничто не предвещало ей крупной роли в истории страны. Прежде всего, она была мусульманкой по рождению, дочерью Мехмеда, правителя Адаля. Воспитывалась она, вероятно, как и все девочки в мусульманском мире, в полной покорности мужчинам. Вряд ли ее учили грамоте — иранский трактат «Кабус-наме», почитаемый и в других мусульманских странах, твердил: «Если, к несчастью, родилась у тебя дочь, не учи ее грамоте». Крестилась она после замужества. Хотя ее отец и признавал сюзеренитет христианского правителя Эфиопии, тот ему полностью не доверял, боясь, что при удобном случае Мехмед перейдет на сторону традиционных противников центральной власти — правителей мусульманских султанатов на востоке страны.

Во-вторых, при дворе негуса, имевшего целый гарем, она не была главной женой, хотя и носила почетный титул «царицы справа». Она не имела тронного имени, как другая царица, мать будущего царя Лебна Денгеля. Согласно эфиопским хроникам, «истинные царицы», первые женщины двора, получали новое имя, созвучное тронному имени супруга. И жена Наода получила имя Наод Могаса. Царицы демонстративно присутствовали на всех важных церемониях, не давая превысить власть ни одной из них. Так, при церемонии воцарения Баэда Марьяма «за ним следовала царица слева, а за ней Елена, царствовавшая с нею в этот день».

Наконец, Елену поразило самое страшное несчастье для женщины Востока — она была бесплодна. И нужно было быть поистине замечательной личностью, чтобы преодолеть эти препятствия. Такой и рисуют ее и эфиопские хроники, и немногочисленные еще в XVI в. европейцы, попадавшие в страну.

Будучи женой крупного деятеля, знаменитого негуса Зара-Якоба, она не покинула двор, замкнувшись в частной жизни, и не ушла в монастырь, как это делали эфиопские царицы и до и после нее, а продолжала активную политическую деятельность и при его преемнике Баэда Марьяме, который «весьма любил и царицу справа Елену, ибо она была от Бога совершенна во всем — в праведности, вере, молитве, приобщении и в мирских делах — в изготовлении стола, в законе, знании писания и речи». Елена принимала участие в придворной борьбе за престол после смерти Баэда Марьяма и немало способствовала тому, что выбор знати был сделан в пользу малолетнего Лебна Денгеля (см.), которому тогда лишь исполнилось 12 лет. Хроника пишет об этом времени: «Тогда царство управлялось по повелению его матери, царицы Наод Могаса, и по совету другой царицы, Елены, ибо они знали управление домом царства, особенно же эта мудрая Елена знала законы царства, ибо жила она при дворе трех славных царей, оставивших доброе имя».

С этого времени она, сумев отстранить соперничающие группировки знати, фактически надолго стала правительницей страны. Многие деяния Лебна Денгеля и задумывались Еленой, и осуществлялись под ее, пусть неофициальным, руководством. Одним из важнейших дел такого рода была борьба против мусульманских султанатов

востока страны. Она считала важнейшим условием процветания и благополучия родины заключение мира и создание прочих условий для торговли, которая как

раз проходила по землям, охваченным войной. Когда планы замирения не увенчались успехом (в том числе и потому, что мусульмане Эфиопии пользовались поддержкой турок), она обратилась к поискам союзников. И искала она их в христианской Европе. Именно ей, а не Лебна Денгелю, принадлежит идея посольства в Португалию, возможно, подсказанная теми португальцами, которые уже бывали в Эфиопии. Именно она написала грамоту для короля Португалии.

Послом был выбран торговец-армянин Матфей (Матевос). Армяне издавна бывали в Эфиопии, торговали, служили и священниками, и дипломатами, и ремесленниками, со временем основав многочисленную общину, существующую и поныне. Выбор именно армянского купца определялся тем, что официально он был «райа», подданный Османской империи, и мог пройти там, где любого другого «первый же турок, в чьей власти он мог оказаться, продал бы в рабство». Немаловажную роль сыграли и личные качества посла, известного как человека, «вполне достойного доверия и осторожного», повидавшего мир (бывавшего в Каире, Иерусалиме, Ормузе, Исфахане и в восточной Индии) и знающего все возможные опасности.

В письме, подготовленном для португальского короля, она выступает как мудрый правитель. Она предлагает заключить союз против мусульман и скрепить его в духе времени династическим браком, бороться с мусульманами совместно, но за пределами страны. Приключения Матевоса во время выполнения этого деликатного поручения достойны отдельного рассказа. После долгого путешествия (начавшегося в 1510 г.) через Гоа в Индии, где была резиденция генерал-губернатора «обеих Индий», главы португальской колониальной империи, он добрался до Португалии и вместе с португальским дипломатом Дуарте де Гальваном повез в 1515 г. ответное письмо короля Мануэла, но это посольство не добралось до Эфиопии, уже прочно отгороженной от христианского мира мусульманскими султанатами. О нем не было ничего известно до 1520 г. Неудачей окончилась и попытка в 1516 г. добиться от Египта установления договора о мире и торговле, так как к этому времени умер султан и страну захватили турки. На смену дипломатической осторожности Елены пришла воинствующая политика уже подросшего Лебна Денгеля (см.). Хотя постаревшая царица Елена по-прежнему была любима народом, она покинула политику и двор и переселилась в свой удел в Годжаме, ведя частную жизнь благочестивой богатой христианки.

Участие женщин в политической власти — не редкий случай в истории раннегосударственных объединений Африки южнее Сахары. Правда, статус таких женщин был несколько иным, чем верховных правителей-мужчин.

Как и в Древнем Египте, правовое оформление статуса завоеванных земель или заключение союзов в африканских доколониальных обществах подтверждалось брачными церемониями с сестрами или дочерьми правителей завоеванных или вовлеченных с союз новых территорий. В Центральной Африке у некоторых народов при отсутствии женщин брачного возраста в такой ситуации матримониальные церемонии проводились над самим покоренным правителем.

Кроме того, на Африканском континенте с глубокой древности был известен институт соправительниц, носивших титулы «мать царя» или «сестра царя». Пожалуй, дольше всего этот институт сохранялся у народов Центральной Африки. Так, у народа балунда в бассейне реки Конго такие соправительницы назывались «*лукокеша*», в Лоанго XVII в. — «*маконда*», у баконго — «*мана ньими*», у народа ашанти на территории современной Ганы — «*асантехема*», у баганда (в современной Уганде) — «*намасоле*» («мать короля») и «*лубуга*» («сестра короля»).

Есть сведения о существовании соправительниц и в некоторых средневековых государственных образованиях Западной Африки. К сожалению, такие соправительницы остались для нас безымянными. Имена же большинства женщин правящих династий

дошли до нас лишь благодаря правителям-мужчинам. Муса Канку, Касонго Каломбо, Квеи а Мабиинк ма Кьен — в этих именах правителей Мали, Луба и Куба последнее слово — имя их матерей.

Дольше всего, пожалуй (до рубежа XIX—XX столетий), этот институт сохранялся у народов Центральной Африки — балунда и бакуба (на территории современной Демократической Республики Конго). Наряду с главой Лунда «лукокеша» принимала активное участие в управлении страной. Она почиталась как мать всех подданных. Как и *муата ямво* (верховный правитель страны) лукокеша обладала неограниченной властью над жизнью и смертью балуида. Она была неподвластна даже верховному суду. При рассмотрении государственных дел ее участие в работе совета знати и одобрение его решений было обязательным. Решающим ее слово являлось и при выборах правителя (у балунда сохранялась сложная система наследования власти, предполагавшая выбор из большого числа возможных наследников). Она имела отдельную резиденцию и собственный двор. Была полностью независимой, однако не имела права выйти замуж. У бакуба титул «мана ньими» сохранялся до начала XX столетия, а у багапда — «намасоле» и «лубуга» — до середины XX в. Однако эти женщины хотя и пользовались всеобщим уважением, демонстративно присутствовали на заседаниях совета, но уже не имели реальной власти.

Однако в истории Африки были женщины, которые сами вставали во главе государства. Видимо, первая из них — кандака Аманирена, мужественный государственный и военный деятель из древнего государства Мероэ (современная Республика Судан). В I в. н. э. она возглавила борьбу с войсками префекта Египта Гая Петрония. Позднее, благодаря искусной дипломатии кандаки, мероитам удалось отстоять свои интересы в мирных переговорах с римлянами.

И в более поздние времена в разных районах континента появлялись незаурядные женщины, встававшие во главе своих стран. Так, пришедший в упадок Аксум — колыбель современной Эфиопии — был захвачен иудаистами во главе с Эзато (Юдифью), правившей согласно легенде около 40 лет. Известной самостоятельностью в области Тигре пользовалась другая женщина — жена верховного правителя Лалибелы «королева» Маскаль Кебра. XVI столетие дало двух женщин-правительниц в Западной Африке. В 1573 г. троп Борну на берегах озера Чад в течение семи лет занимала Аисса Кили. А расцвет одного из городов-государств хауса (на севере современной Нигерии) связан с именем могущественной Амины. Хроника города Кано сообщает: «Зария во времена царицы Амины завоевала все города вплоть до Кварарафа и Нупе. Каждый город платил царице дань. Ее владычество продолжалось более 34 лет». Правление женщин в Борну и Зарии в XVI в. представляется тем более замечательным, что это были страны ислама, который, как известно, не позволяет женщинам занимать более или менее значительное место в общественной жизни.

Самой замечательной из этого сонма женщин-правительниц, безусловно, была Елена. В другой части Африки, на острове Мадагаскар, женщины также принимали активное участие в политической жизни. Так, правитель сакалава Андрианцули, потерпев военное поражение, отрекся от престола в пользу своей сестры Уантици, на смену которой пришла ее дочь Изиумеку. Особенно примечателен в этом отношении XIX в., когда во главе Мадагаскара в очень сложный исторический период первых весьма непростых контактов с европейцами стояли Ранавалюн I, Ранавалюн II, Разохерина. Мадагаскарский историк Ж. Рабеманандзара дал такую оценку царствованию одной из них: «Среди всякого рода опасностей, проявлений алчности Ранавалюн I сумела привести в движение дремавшие силы народа. Она заставила великие западные державы уважать право своей страны на то, чтобы добиться для Мадагаскара места в сообществе свободных и независимых народов».

Нередко женщины были и воинами, и предводителями восставших. Так, на рубеже XVII—XVIII вв. в Конго во главе «антонианского» еретического движения (на деле

социального восстания народных низов) встала некая Беатриче (см.). Хорошо известны женские полки в армии прославленного Чаки, главы зулусов. И в войнах за свободу Дагомеи (современная Республика Бенин) участвовали женские подразделения. Амазонки Дагомеи, по свидетельству современников, были более дисциплинированы, чем мужчины, и не уступали последним в доблести.

В ряду самых замечательных женщин Африки — борцов за свободу стоит Анна Зинга Мбанди Нгола (см.), возглавлявшая в течение нескольких десятков лет в XVII в. борьбу своего народа против португальских колонизаторов на территории нынешней Анголы. После ее смерти во главе Матамба, главного оплота антипортугальских сил, встала ее сестра Камба, а затем, после восьмилетнего правления Франсиску Гутераша (Нгола Канини) — его сестра Вероника.

ИДРИС АЛУМА

Идрис Алума правил в государстве Канем-Борну приблизительно в 1581—1603 гг. Это государство сложилось вокруг озера Чад. На восточных его берегах живут канембу, на западных — канури. Эти народы и составляли его основное население. Местные легенды рассказывают о таинственных предках этих народов — сао. Громадного роста люди сао (якобы они использовали слонов как верховых животных) были искусными ремесленниками, имели города с укрепленными стенами. Археологи обнаружили остатки культуры этого народа, долгое время считавшегося вымышленным. В частности, найдены керамические фигурки, погребальные урны, бронзовые изделия в технике «потерянного воска» и т. п. Эти находки датируются XI в., но корни культуры восходят к X, а возможно и к VIII в. п. э. Расцвет же культуры сао относился, вероятно, к XII—XIII вв. В это время влияние его распространялось даже на северных соседей. По не изученным пока причинам культура сао исчезла.

Образование вокруг озера Чад государства Канем-Борну исследователи относят к IX в. В это время здесь сложилось несколько небольших вожеств, этническую основу которых составили канембу и канури.

Как и у западных соседей — хауса, важным фактором развития Канема была транссахарская торговля. Помимо направления на Ливию и Тунис из Канема шли торговые пути и в долину Среднего Нила, и в Египет. Рынки Канема, на которых можно было встретить соль и медь, лошадей с севера, орехи кола и слоновую кость с юга, были не менее значительными, чем рынки земли хауса или городов на среднем Нигере во время существования Мали и Сонгаи. Столицей государства был г. Нджими. В XI в. Хьюме, один из правителей династии Сефува, принял ислам под именем Ибн Абд аль-Джелилиа и обратил в эту религию своих приближенных. С этого времени все правители Канема были мусульманами, а ислам стал государственной религией, хотя деревенское население и продолжало нередко исповедовать местные верования. В столице появились книжники, правители страны собирали библиотеки, известны даже правительственные махрамы, награждавшие за успехи в науках. Правители Канема имели хорошо организованную армию, в которой немалую роль играла кавалерия. Это позволяло вести большую завоевательную политику. Тридцатитысячная канемская кавалерия была грозой для соседей, и к XIII в. удалось значительно раздвинуть пределы государства и установить сюзеренитет над рядом хаусанских городов-государств.

Власть правителя, хотя и именовавшегося султаном, была значительно ограничена советом из 12 сановников. Административная организация Канема была подобна структуре всех африканских государств этого периода. Центральная область, Заселенная канембу, связана была с покоренными землями вассальными отношениями. Хотя в них посылались наместники из Столицы, главами их оставались (на условиях выплаты дани) старые вожди. Это порождало неутихающие волнения, иногда восстания завоеванных народов, стремившихся добиться полной независимости. Хотя они подавлялись, известны

и успешные выступления. Так, племена булала часто нападали на восточные границы. В конце XIV в. они даже захватили столицу, и Онар (правивший приблизительно в 1394—1398 гг.) был вынужден бежать на западный берег озера. Он обосновался в провинции Борну. С этих пор государство так и стало называться Борну. В африканистской же литературе установилась практика употребления двойного наименования — Канем-Борну. К этому времени относятся первые известия о применении труда невольников сначала в непромышленной сфере, а потом и в земледелии. Многие исследователи полагают, что можно говорить о складывании к XVII в. раннеклассового общества.

Наибольшая политическая активность Канем-Борну приходится на XVI в. *Маи* (правители) государства сумели отвоевать захваченные ранее булала области и успешно противостояли их попыткам вернуть утраченное. Был захвачен крупный торговый оазис Аир, лежащий к западу. Маи Али (прибл. 1544—1548) сумел удержать его, несмотря на противостояние хаусанского города Кебби. После смерти его, так как его сын и преемник Идрис был еще мал, правили его племянник Дунама и преемник последнего Дала. Они вели напряженную борьбу против покоренных народов и «врагов, угрожавших со всех сторон». После смерти Дала престол захватила его сестра Аусакулу, которая правила в течение семи лет, и только после ожесточенной кровопролитной гражданской войны Идрис стал наконец правителем Борну. Он известен также по имени Алума, от названия селения Алоа, где был похоронен. Идрис много сделал для укрепления позиций ислама — его даже сравнивают с сонгайским правителем Мухамедом Туре (см.), старался поднять вес мусульманского духовенства и кадиев.

Борну процветал при маи Идрисе. Государство широко торговало с севером, установило регулярные связи с Фецаном. Дипломатические отношения были установлены с Тунисом, Египтом, входившим в это время в Османскую империю. Это позволило ему приобрести огнестрельное оружие и нанять на службу хорошо обученных солдат-мушкетеров. Писатель из Канема Ибн Фартуа оставил описание посольства от турецкого султана. Заложенные при Идрисе торговые и дипломатические связи, обмен посольствами существовали и в более поздние времена. Так, известно, что посольство май Хадж Умара в Триполи в 1638 г. везло 30 евнухов и 100 молодых невольников. Идрису удалось избежать прямых столкновений с войсками марокканского паша, разгромившего Сонгаи. Еще в 1582 г. султан Марокко пытался склонить его признать вассалитет и выплачивать ему дань, но Идрис сохранил независимость своей страны. Большого внимания требовали соседи — хауса. Войска май дошли до самых ворот цитадели Кано, одного из главных городов этого народа, но семидневная осада не привела к победе. Однако ему подчинились ряд мелких городов, главы которых ежегодно с дарами посещали столицу — Нгазаргаму. Так была создана своеобразная буферная зона между Канем-Борну и страной хауса. Отношения между ними складывались неровно — то набеги, то сотрудничество, переменные успехи то одной, то другой стороны. Однако закончились они установлением отношений данничества. Так, Кацина вынуждена была посылать в Канем не менее 100 рабов ежегодно. Канем-Борну стал выступать как покровитель и союзник хауса при набегах кочевников-туарегов. Один из ученейших жителей Кацины, Дай Марина даже написал в честь его поэму, называя его главой и заступником всех правоверных.

Европейцы, посещавшие Канем-Борну, описывали его столицу как процветающий город, где есть жилые кварталы, обширный торговый центр и резиденция правителя, окруженная шестиметровой стеной. В ремесленных кварталах жили и работали кожевники и шорники, сапожники и портные, кузнецы и ювелиры, ткачи и красильщики. Многоголосый рынок предлагал фрукты и зерно, скот и рыбу, оружие и упряжь, керамику и благовонные смолы. Среди товаров, предлагаемых на продажу, были и невольники. А время от времени «на великолепных скакунах по улицам проносились закутанные в шелковые бурнусы принцы, родственники принца и родственники султана и их охрана в кольчугах и доспехах из (плотно простеганной) ткани». Правители Канем-Борну

регулярно совершали хадж в Мекку (а один из них — Дунама — даже трижды). Наряду с Томбукту и Кано одним из крупнейших центров мусульманской культуры в Западной Африке стал Нгазаргамо, где в ученых диспутах принимал участие сам маи Хадж Али (прибл. 1644—1648). Канем — единственное государство Африки, где за ученые заслуги жаловались земли и выдавались особые грамоты. Среди не так уж многочисленных дошедших до наших дней письменных источников средневековой Западной Африки есть труд Ибн Фартуа «Войны Канема», сохранилось и имя ученого аль-Борнуви. Культура Канем-Борну оказывала большое влияние на окружающие народы. Она прослеживается не только в городах-государствах хауса, но и во многих чертах культурно-политической жизни возникших позднее (в XIX в.) султанатов Северной Нигерии.

Социальный строй Борну, как и других африканских доколониальных государств, отличался сложностью. Формирующиеся раннефеодальные отношения сочетались с чертами родо-племенного и рабовладельческого укладов. В частности, довольно живучи были и пережитки «материнского права», большую роль продолжали играть «магира» («царица-мать») и «гулеса» («первая женщина страны»). Власть правителя была ограничена советом, влиятельными членами которого были командующий армией, «премьер-министр», губернатор столичной области и др.

Доходы май складывались из дани, податей, которыми облагались общинники-земледельцы, а также торговых пошлин и военной добычи. Выделились отдельные сословия — мусульманское духовенство и купечество. Складывались и приближавшиеся к кастовым организации на этнической и профессиональной основе.

По преданию, после смерти Идриса относительный мир внутри государства и в отношениях с соседями сохранялся до конца XVII в. В правление маи Ахни (до 1694 г.) этот мир был нарушен. С востока вновь двинулись булала, знать которых выступила против центральной власти. С севера начали совершать постоянные набеги туареги, с юга — джукун. Али был дважды осажден в своей столице, и лишь большим напряжением сил ему удалось справиться с противниками. Через полвека правителям Канем-Борну пришлось уступить туарегам долю участия в прибылях от торговли солью и от контроля над торговыми караванными путями. А в начале XIX в. государство столкнулось с фульбе, участниками движения Османа дан Фодио (см.). В ответ на оказание помощи хаусанской династии Даури фульбе начали открытую войну против Канем-Борну. Столица была захвачена и разграблена, члены правящей семьи вынуждены были бежать на север страны. Сопrotивление захватчикам-фульбе возглавил мусульманский проповедник Мухамед аль-Амин (известный также как шейх Ламину). Он восстановил династию Сефува на престоле. Однако в 1810г. предводитель фульбе, живших в стране, вновь захватил столицу, Сефува бежали, основав на берегу озера Чад новую резиденцию Кукава. В 1846г. Умар, сын аль-Амина, сверг Сефува и основал новую династию, приняв титул «шейх». Шейхи сохранили старую систему правления, но не сумели добиться безоговорочной поддержки правителей и вождей племен, участвовавших с свержении старой династии.

После смерти Умара в 1880 г. Канем-Борну вступил в период распада. В 1893 г. у власти в Канем-Борну оказался Раббах, правивший до 1900 г. В эти годы здесь уже появились сначала французские колониальные отряды, одержавшие победу над Раббахом и поставившие своего марионеточного правителя, а затем англичане. В результате военных действий и сложных договоров между европейскими державами территория Канем-Борну оказалась поделенной между Англией, Францией и Германией.

ЙЕКУНО-АМЛАК

Этот человек открыл новый период истории Эфиопии. После падения Аксума, раздробленности страны он выступил против правившей тогда загвейской династии и в 1270 г. одержал решительную победу. Согласно эфиопской традиции Йекуно-Амлак возродил Соломонову династию, начавшуюся с легендарного Менелика, сына

библейского царя Соломона и царицы Савской, и закончившуюся в 1974 г. свергнутым антифеодальной революцией Хайле Селассие.

Шла эра крестовых походов, и по Европе ходили слухи о таинственном христианском царстве на Востоке, порождавшие надежды на обретение нового союзника в борьбе против «сарацинов». Рассказывали о царе-священнике Иоанне, живущем между Персией и Арменией либо в Индии, а от Марко Поло слышали о стране христиан далеко на Востоке. Имело хождение даже письмо (то ли византийскому императору, то ли папе) якобы от самого Иоанна.

Говорили, что земля его богата и обильна, полна молока и меда, там растет перец, реки несут золото и драгоценные камни. Есть и чудеса, которых не знают другие земли, — здесь находится источник вечной юности, в огне живут сказочные червяки-саламандры, которые, как шелковичные черви шелковый кокон, создают вокруг себя оболочку из хризолита. Обитатели этой чудесной страны многочисленны и добродетельны, не знают, что такое ложь и прелюбодеяние, не ведают ни о каких пороках и преступлениях.

К рубежу XIII—XIV вв. стало ясно, что в Азии такого царства не существует. Однако расстаться с этой легендой было сложно. Тогда к ней приметались сведения о таинственных черных христианах, с которыми европейцы сталкивались в Иерусалиме. Ведь там еще в VI в. возник (и существует до сей поры) монастырь эфиопской монофиситской церкви. Эти знания и соединились со старой легендой о царстве Пресвитера Иоанна, которое стали теперь искать в Африке. Африканской Индией называли Эфиопию монахи-доминиканцы середины XIII в., дававшие описание пути в эту страну вверх по Нилу. В этом веке не раз римские папы писали правителям этой страны, но нет никаких сведений о судьбе их посланцев. Достоверно известно лишь о пребывании в Эфиопии около 1315 г. доминиканского монаха Гийома Адана.

В XV в. начинаются активные плавания португальских моряков. Идея о поисках полумифического, но казавшегося таким реальным христианского царства в далеких неведомых землях была все еще жива. Итальянец на португальской службе Антоньотто Узодиморе, поднявшись вверх по течению реки Гамбия, писал: «Однако будьте уверены, что отсюда действительно меньше 300 лиг (около 1800 км. — Э. Л.) до царства священника Иоанна — если не его резиденции, то хотя бы до границ его страны». Результаты плаваний португальцев первой половины XV в. король Афонсу V распорядился передать некоему Фра-Мауро, монаху с острова Мурано, венецианскому картографу. Такая карта была создана в 1459 г. На ней, как и на карте Мартина Вальдземюллера (1516г.), указано на месте современной Эфиопии «королевство хабешей (абиссинцев. — Э. Л.) и Пресвитера Иоанна Индийского». С тех пор еще почти три века сохранялась эта традиция, а иногда надписи сопровождалась изображением самого Иоанна, торжественно восседающего на троне.

В то время, когда на картах появилась эта страна, до самой Абиссинии европейцы еще не добрались. В стране же шла своя сложная внутренняя жизнь. Большого централизованного государства после Аксума не существовало. Оно, потеряв опору в заморской торговле и ослабев, подвергалось набегам соседей — кочевников беджа, иудаистов «царицы Эдит», арабских племен под предводительством женщины-вождя Бени-Халуйях, владык мусульманских султанатов, выросших по побережью Красного моря, и т. п. Лишь в конце X в. новой династии Загве (Загуйе) удалось объединить распавшиеся области. Из правителей этого периода наиболее знаменит благочестивый Лалибела, прославившийся созданием целого комплекса из 12 монолитных храмов, целиком вырубленных в скалах и искусно украшенных резьбой. Многие из них действуют и в наши дни. Династия прекратила существование в XIII в., когда она в 1270 г. была свергнута, при прямой поддержке церковной верхушки, Йекуно-Амлаком.

Помощь, оказанная духовенством Йекуно-Амлаку, была далеко не бескорыстной. С этого времени (и до середины XX в.) церковь получила треть всех земель, были созданы два церковных поста, вошедших в структуру государственного аппарата и обладавших не

меньшей, а то и большей силой и властью, чем светские чиновники. Они стали вторым и третьим лицами в государстве после императора. Центр государства сместился к югу. И ведущую роль с этого времени стал играть народ амхара — амхарский язык и сейчас является государственным.

Усиление роли духовенства сказалось на установлении регулярных связей с христианским Востоком: «императоры» и жители Эфиопии совершали паломничество в Иерусалим, в страну прибывали христиане не только из Византии и Александрии, но и из Сирии и Армении. В XIV в., особенно при Амда Цьйоне, замечен значительный культурный подъем. Появились собственные сочинения, а не только переводы. Была создана «Кыбрэ Нэгэст» («Слава царей»), рассказывавшая историю происхождения Соломоновой династии, которая явилась идеей богоизбранности и важным инструментом централизации и унификации страны. В «Сырыстэ Мэнгыст» подробно излагались правила церемониала, описание титулатуры и иерархии знати, священников, системы управления страной. Была создана должность придворного историка, и появились хроники, которые с этого времени на протяжении многих веков регулярно освещали деяния императоров. Сохранилось немало имен монахов и светских авторов — писателей и переводчиков, а среди переводов были и светские произведения, такие, как, например, «История Александра Македонского».

Все годы, прошедшие со времени падения Аксума, продолжалось проникновение ислама в восточные и юго-восточные области страны. Здесь возник ряд султанатов, не имеющих единой власти, часто боровшихся друг с другом, и ставших серьезными соперниками Эфиопии в борьбе за выход к Красному морю и дороги к нему. В этот период соперники продолжали еще договариваться, не создавая серьезных военных прецедентов.

Хотя не было необходимости вести внешние войны, но походы регулярно проводились внутри страны по строго выверенному обычаю маршруту полюдя. В пути подавлялось сопротивление недовольных, а отличившиеся воины получали земельные пожалования. Уже в это время сложились системы «гульт» и «рыст». В форме «гульт» земля с крестьянами давалась в «кормление» на время службы и не была наследственной. «Рыст» же представлял земельные наделы для обработки самими владельцами, которые постепенно становились наследственными.

Кроме того, складывался «царский» домен и церковные земельные владения. На них работали общинники-«гэббар», положение которых приближалось к положению крепостных. Они не получали ничего за свой труд, снабжали безвозмездно владельцев земель, да еще были обязаны содержать за свой счет всех проходивших по их землям государственных чиновников, да и отряды воинов, не получавших официального жалования вплоть до XX в. Неудивительно, что, когда в 30-е годы XX столетия в оккупированных Италией районах Эфиопии была введена хотя и нищенская, но оплата за труд, сельское население нередко приветствовало чужеземцев.

Таким образом, в XIII—XIV вв. фактически сформировалось ядро централизованного государства. Разрабатывался аппарат управления, были заложены основы тесного сотрудничества светской и духовной власти. Складывалась социально-экономическая система, которая, усложняясь, просуществовала до середины XX века. Но в эти же годы уже были заметны тенденции, которые в дальнейшем значительно осложняют ситуацию в стране, — подъем мусульманских султанатов на восточных и юго-восточных рубежах и появление иноземцев — пока еще одиночек.

КАЛАЛА ИЛУНГА

Так звали полулегендарного правителя раннегосударственного образования Луба на юго-востоке современной Республики Конго (с конца XVI в.), положившего начало его процветанию. Земли народа луба были заселены с древнейших времен. Археологические

раскопки в районе озера Кисале свидетельствуют, что насельники IX—X вв. — прямые предки современного населения провинции Шаба.

С конца XV в. из многочисленных разрозненных племен этого района начинает выделяться воинственная группа, положившая начало одному из самых многочисленных народов Центральной Африки — луба. К 1500г. существовало множество мелких «вожеств», из которых выделялись два наиболее сильных и крупных — Каниок и Калундве.

Существует много вариантов легенд, рассказывающих об основании Луба. Одна из них повествует о Конголо, сыне рыбака. Занимаясь сбором черных муравьев (а их здесь употребляют в пищу), мальчик заинтересовался их жизнью. «Как могут черные муравьи побеждать термитов, которые гораздо крупнее и сильнее их?» — спросил он отца. Старый рыбак объяснил ему, что сила черных муравьев в единстве — они работают и сражаются сообща, и только так слабые насекомые могут противостоять более сильному противнику. Конголо запомнил это объяснение и решил, что, когда вырастет, объединит людей, живущих пока обособленно. Став взрослым, он отправился с группой своих сверстников на юг. Остановившись в верховьях реки Ломами и подчинив себе местные племена, он постепенно распространил свою власть от Луалабы (так называется река Конго в верхнем течении) на востоке до реки Бушимаи на западе. Эти территории и стали ядром будущего государства Луба.

Конголо начал свое правление с завоевательных походов. В особенности его внимание привлекли восточные районы, богатые солью и пальмовым маслом, и скоро восточной границей его владений стала река Луалаба. Во всем этом обширном районе не было таких сильных объединений, которые могли бы противостоять завоевателям. Единственное исключение составляла Киконджа на берегах озера Кисале. Подобно Конголо, правители Киконджи стремились укрепить свое вожество за счет соседей. Они захватывали малозаселенные земли и покоряли слабые племена. Столкновение этих двух сил было неизбежно. Конголо нанес поражение предводителю воинов Киконджи и, таким образом, расширил свои владения. Господство Конголо в дальнейшем было закреплено брачными союзами. Две его сестры стали женами Мбили Килуе — сына правителя Киконджи. Так сложилось большое территориальное объединение во главе с народом луба.

Среди покоренных племен центральное место занимали наиболее развитые и многочисленные хемба — основное население Киконджи. В их глазах жестокий, высокомерный и заносчивый Конголо оставался чужеземцем, завоевателем. Даже в конце прошлого столетия старики утверждали, что тщеславие Конголо было столь велико, что он пытался строить деревянные башни, намереваясь достичь неба.

Недовольство основной массы населения жестоким правлением Конголо росло. Им воспользовался Калала Илунга — племянник Конголо, сын его сестры. Юноша вырос при дворе своего дяди, стал одним из лучших его воинов и участвовал в завоевании южных областей. Удачи молодого военачальника вызвали подозрения и опасения Конголо, и он даже пытался убить юношу, но тому удалось бежать. Народ, однако, поддержал Калала Илунга, и Конголо пришлось самому спасаться бегством. Но он был схвачен и убит. Добившись власти, Калала Илунга построил новую столицу. Это было примерно в 1585 г. Династическая линия, основателем которой стал Калала Илунга, не прерывалась до последних дней существования Луба в конце XIX в. А Конголо, как это нередко бывает в истории, в памяти народа был обожествлен и почитался в образе змея-радуги.

Земли луба богаты многими полезными ископаемыми, главным образом рудами (и поныне это главная горнодобывающая область не только современного Конго, но и всей Центральной и Восточной Африки). Именно здесь сложился центр металлургии, откуда снабжалась металлом почти вся Центральная Африка. Медь и железо поступали отсюда и в слитках, и как меновая стоимость (своеобразные «деньги») в виде «ханда» — крестообразных отливок. Руды, как правило, неглубокого залегания, и добыча велась

открытым способом. Подготовка инструментов, запасов продуктов, заготовка древесного угля проводились после уборки урожая, с мая по август. На большей части Шабы существовали постоянные печи (иногда в качестве их использовали термитники) конусообразной формы. Работы, связанные с плавкой руды, продолжались в течение одного-двух месяцев. Обильный ассортимент рабочих орудий (мотыги, ножи, топоры), украшений (браслеты, шпильки для волос), оружия боевого или охотничьего назначения (наконечники копий, стрел), а также парадного (богато орнаментированного и инкрустированного) изготавливали с применением простейших инструментов кузнецы-луба.

Другое ремесло, которым прославились мастера-луба, — резьба по дереву. Недаром искусствоведы в африканском искусстве резьбы по дереву выделяют особые «стиль балуба» и «стиль Конго». Мастера-резчики с помощью ножа, нескольких резцов, молоточков из единого целого куска дерева делали самые разнообразные предметы — скамеечки-подголовники, ложки, рукояти, ступки, чаши, шпильки, лодки.

Кроме того, у луба были и мастера высокого класса, облеченные особым доверием, — «бвана мутумбо», которые не делали вещей повседневного обихода, а занимались изготовлением ритуальных предметов и знаков достоинства знатных лиц. В частности, широко известны скамеечки и табуреты, на которых имели право сидеть лишь представители высших социальных групп. Несущая часть этих скамеечек — ножка — настоящая деревянная скульптура, вырезанная из единого куска дерева, изящная антилопа, яростно сплетенные тела змей или склоненная под тяжестью сиденья, которое она поддерживает согнутыми над головой руками, женская фигурка. Обрядовые маски, амулеты, фигурки фетишей, жезлы (знаки власти вождей) и т. п. — все это делали «бвана мутумбо».

ЛЕБНА ДЕНГЕЛЬ

С именем этого «императора» Эфиопии связаны самые сложные события в средневековье. Более столетия (примерно с 1331 по 1445 г.) шли непрерывные войны христианского центра с мусульманскими султанатами на юго-востоке страны. Ранее раздробленные, они начали консолидироваться вокруг султаната Иафат. В их руках находился выход к Красному морю. Они стремились захватить и всю территорию страны. Эти долгие и изнуряющие обе стороны войны воспринимались как «джихад», «священная война». Но истинные причины были глубже — оба соперника стремились к монополии как над торговлей заморскими товарами, так и над добычей и продажей товаров внутри страны. Это доказывает и легкость, с которой население меняло веру в зависимости от военной удачи либо неудачи. Тем не менее борьба шла с переменным успехом и была очень ожесточенной. Соперники обменивались угрозами и нередко приводили их в исполнение. Император Эфиопии писал предводителю мусульман: «Разве ты не знаешь... что я заключил в тюрьму и сделал своим слугой твоего брата Хакк-ад-Дина? Разве ты не знаешь также, что я убил племянника твоего Дэрадэра? И с тобой я так же поступлю, низложу тебя с престола твоего и погублю тебя — если ты убил 10 христиан, я убью у тебя тысячу, если ты убил сто, я убью у тебя десять тысяч». А в ответ он получил: «Я не приду к тебе, ибо у меня войска больше, чем у тебя. И оно сражается мечами, ножами, стрелами. Если хочешь — приходи ко мне... а если нет, я приду и буду воевать с тобой».

Особенных успехов центральные власти добились в 30-х годах XIV в., чему немало способствовали раздоры среди мусульманских войск из-за добычи. А помимо обычных предметов были еще и украшения воинов — военачальник амхара приказал украсить серебром и золотом пешие и конные полки, чтобы блеск их в лучах солнца слепил противника.

Однако это не остановило мусульман. Уж очень велика была ставка — сосредоточение в одних руках внешней торговли. Вновь обострилось военное соперничество на рубеже XIV— XV вв. Было немало кровопролитных сражений, в

которых побеждала то одна, то другая сторона, а во время кратких передышек шли партизанские действия. Особенно внушительной была победа христиан в 1445 г., после которой Йафат перестал существовать, а политический центр мусульман и резиденция султана переместились в Адал. Оттуда продолжались не всегда успешные, но постоянные набеги.

А во внутренней истории Эфиопии происходили не менее важные события. В 1434 г. на троне оказался Зэра Якоб. Исследователи писали о нем: «Несомненно, этот император был одним из самых дальновидных политиков, искусных дипломатов, а также человеком наиболее светлого и образованного ума в истории Эфиопии». Он поставил перед собой две важные цели — создание подлинно централизованной власти (иногда даже говорят об установлении абсолютной монархии) и расширение границ, одновременно с укреплением международных позиций страны. Для достижения первой цели необходимо было решить задачу консолидации как светской, так и духовной знати. Она была нелегка, так как в церкви не было единства. Она была расколота надвое. Велись и богословские споры, и борьба за доходы и влияние на двор. Ему удалось сгладить эти противоречия, ввести единые праздники для всей страны, умиротворив земельными и иными пожалованиями, открытием новых монастырей наиболее активных монахов и священников. В этой борьбе за единство церкви и против поклонников традиционных культов он не останавливался перед жестокими преследованиями, публичными наказаниями, лишениями имущества и т. д. Он был и автором «Книги света» и «Книги рождений», в которых обобщил единый принцип богослужения и догматов. При нем и его преемниках расцвели искусство книжной миниатюры и фресковая живопись.

Другая грань той же задачи — укрепление централизованной власти и подавление сопротивления местных феодалов, фактически независимо правивших в своих владениях и организовывавших заговоры против Зэра Лкоба. Был проведен большой «шум шыр» (букв. «разжалован — назначен»), сместивший многих местных владетелей, земли и титулы которых были розданы принцам и принцессам правящего дома. Однако вместо укрепления власти это привело к еще большему раздроблению ее из-за амбиций вновь назначенных. Последовали публичные наказания и казни многих из них. А на главные должности были назначены проверенные люди, не принадлежащие к знати, преданные правителю и полностью зависимые от него. Он реформировал и армию. Его опорой стали привилегированные полки, подчинявшиеся только ему, получавшие захваченные округа во владения и освобождавшиеся от платежей местным властям. Укрепив таким образом свою власть, он сумел выйти на побережье Красного моря; установив там наместничество и победив в 1445 г., умиротворил мусульманские султанаты.

Однако после его смерти в 1468 г. его преемники возвратили значение местных феодалов, отменили строгость отправления единых церковных обрядов, позволили восстановить местные традиционные верования и т. д. На много лет воцарилась политика «удельных князей». Новый виток централизации власти начался с 1508 г. и был связан с Лебна Денгелем и его бабкой Еленой, ставшей регентшей при 11-летнем императоре. Происходило это в сложное время. Воспользовавшись смутами, ослаблением центральной власти, оживились мусульманские султанаты юго-востока, поднимали восстания покоренные народы, среди которых иудаисты фалаша. Первые столкновения принесли успех христианам, но угроза оставалась.

В этих условиях Эфиопия искала возможных союзников. Елена от имени Лебна Денгеля отправила в 1509—1510 гг. посольство купца-армянина Матевоса, уже известного дипломатическими успехами в Каире и Иерусалиме, к королю Португалии. Три года понадобилось ему, чтобы добраться (через резиденцию португальских вице-губернаторов в Гоа) до адресата. Предлагалось выслать морской и сухопутный корпус для совместной борьбы с мусульманами. Предложение вызвало в Португалии определенный интерес, но ответное посольство, прибывшее к Лебне Денгелю в 1520 г., носило лишь дипломатический характер. Однако это было все же первым шагом для установления

новых отношений между Эфиопией и Европой. В Португалию и Рим были посланы дорогие дары и письма, в которых выражалось согласие на занятие португальскими гарнизонами побережья Красного моря и на учреждение там католического епископства. Эти предложения тогда остались без ответа. Однако присутствие в составе посольства незаурядного человека — отца Алвариша, и его диспуты с императором и церковниками подготовили сложнейшую ситуацию во второй половине XVI—XVII в.

Особенно тяжелым был тридцатилетний период с 1529 по 1559 г., когда страна была буквально под угрозой гибели. В конце XV— начале XVI в. в соседних султанатах ослабевшая власть султанов сменилась властью воинственных эмиров — военных предводителей. После длительной внутренней смуты, жестокой борьбы за власть среди султанатов возвысился Хэрар. Именно здесь начал свою политическую и военную деятельность Ахмед ибн Ибрагим, или Ахмед Грань (Левша) (см.), провозгласивший себя имамом. Попытки Лебна Денгеля, узнавшего о том, что Грань открыто собирает войска, разбить его, окончились неудачей. Ахмед Грань огнем и мечом объединил мусульманские народы и по берегу Красного моря, и в долинах рек, и на юге (в северных землях современной Кении). Походы напоминали скорее набеги, когда, после сражений с войсками Лебна Денгеля, мусульмане с добычей возвращались домой. Трофеи использовались для пополнения и вооружения армии. Это помогло в 1531 г. одержать решительную победу. На этот раз Ахмед Грань не ограничился захватом добычи — он захватил и земли, либо назначив своих наместников, либо оставив представителей знати, давших клятву верности.

Войска Лебна Денгеля были вынуждены отступить в глубь страны, хотя отдельные битвы продолжались. Погибали лучшие воины, власть императора еще держалась, ставка его была высоко в горах. На протяжении нескольких лет, несмотря на ожесточенное сопротивление, христиане сдавали позицию за позицией. Лебна Денгель был вынужден вновь обратиться за помощью к Португалии — около 1535 г. ко дворам Лиссабона и Ватикана с царским посланием отправился живший при дворе императора венецианец Жоан Бермудеш. Лебна Денгель умер в 1540 г. и не дождался поражения старого противника. Его сын и преемник Клавдий (Гэлаудеус) оказался счастливее. Его войска одержали ряд побед, начали постепенно освобождать потерянные ранее территории. И в это время в 1541 г. наконец появился отряд португальцев — 400 солдат во главе с Кростованом да Гама, родственником знаменитого мореплавателя. Ониполнили многотысячную армию эфиопов. Объединенная армия вступила в ряд сражений, прерываемые сезоном дождей.

Первое сражение 28 августа 1542 г. было неудачным, в нем погиб Кростован да Гама, но затем была целая серия успешных походов и сражений. В одном из них 22 февраля 1543 г. пал сам Ахмед Грань. Но понадобилось еще несколько лет (до 1559 г.), чтобы окончательно закрепить центральную власть императора.

Внутреннее положение Эфиопии оставалось еще довольно сложным. К войнам с мусульманами и все еще не до конца покоренными народами центральной части страны добавились вторжения скотоводческих племен народа галла (оромо), составляющего сегодня почти половину населения страны. В конце концов они расселились чересполосно с земледельцами, используя как пастбища неудобья, верхушка влилась в слой знати на службе императора, а отряды молодых воинов стали ударной силой войск правящей династии. Многих лет потребовало и замирение фалаша.

На северо-востоке страна столкнулась с новой политической силой на Ближнем Востоке — Османской империей. Прямых захватов османы здесь не делали. Однако на берегу Красного моря были установлены маленькие крепости с военными гарнизонами. Эфиопские хроники впервые упоминают о них в 1558 г. Отношения с турками были сложными и переменчивыми. Интересы и основные силы Османской империи были сосредоточены на иных направлениях. Здесь же турки играли прежде всего роль торговых посредников с внешним миром, ибо дорога к нему шла через контролируемое ими

прибрежную зону. Одновременно они не чурались быстрых набегов ради пленников и добычи. Позднее, когда Эфиопия переживала внутренние смуты, пытались (но неудачно) завоевать ближайшие территории. После нескольких поражений они признали власть императора, и многие перешли к нему на службу. Знать назначали начальниками гарнизонов, прочие становились солдатами-наемниками. Тем не менее во второй половине XVI в. не только была восстановлена целостность страны, но и приобретены новые территории.

Внутри же самого государства назревала смута. После многолетних войн оно было разорено, целые местности оказались опустошенными. К тому же было несколько неурожайных лет, и разразился голод. Не раз вспыхивали восстания уже не только местных правителей, жаждущих полной самостоятельности, но и простого люда. Нестабильность подогревалась также возрастающей ролью португальцев и иных католиков, считавших, что именно они освободили Эфиопию от мусульманских нашествий, и поэтому претендовавших на высокие должности, вмешивавшихся в государственные дела, активно ведших миссионерскую деятельность. Особенно активно действовали иезуиты. В Риме была открыта специальная школа, а в 1554 г. назначен и патриарх Эфиопии.

Не сразу позиции католиков упрочились при дворе императора. Их встретили настороженно, проводили богословские диспуты, синод в 1558 г. отрицательно отнесся к идеям иезуитов. Но уже на рубеже XVI—XVII вв. в Эфиопии в среде как светской, так и духовной знати появились не только противники, но и сторонники присутствия католиков. Их положение постепенно укреплялось. Они получили право проповедовать, жениться, владеть землями. В 1621—1622 гг. император Сусэйнос (Синиссий) и ряд придворных сановников были тайно крещены по католическому обряду. А затем и явно католичество было объявлено государственной религией. Это вызвало негодование широких масс, от знати до простого люда, вылившееся в настоящие гражданские религиозные войны «за веру отцов». Они завершились в 1632 г., когда император публично отрекся от престола в пользу сына Фасилидаса, сохранившего традиционную веру монофиситства.

Было объявлено официальное возвращение к традиционной вере, церковный собор после яростного диспута местных священников и иезуитов закончился победой первых. Иезуиты были изгнаны из страны. Крупные потрясения были позади. Со времени Фасилидаса (1632—1667) начинается новый, «гондэрский» период истории Эфиопии. Его название связано со строительством Фасилидасом и его преемниками новой постоянной столицы. После упадка Аксума негусы Эфиопии вели кочевую жизнь, и столица была там, где в данный момент раскидывали шатры сам император и его двор. Только Зэра Якоб начал строить настоящую резиденцию, да и то она использовалась только в период дождей. Сейчас же это был большой город (вероятно, его население доходило до 100 000 человек) с дворцовым комплексом. Каждый вновь восшедший на престол строил собственный дворец. Не все они сохранились до наших дней, дважды пережив разгром — в конце XIX в. войсками суданского Махди, и во время второй мировой войны — английскими бомбардировщиками.

Но и оставшиеся дворцы, и библиотека, и руины производят внушительное впечатление. Дворцы и монастыри этого времени были богато украшены, декорированы коврами, зеркалами, золотом, драгоценными породами дерева, великолепными фресками. Имена художников и строителей не сохранились. «И все это построил Иясу (один из преемников Фасилидаса. — Э. Л.) руками мастеров своих» — так лаконично закапчивает хроника рассказ о богатстве и чудесах Гондэра.

Здесь устраивались поэтические состязания, пели и играли на музыкальных инструментах как придворные, так и азмари — бродячие музыканты, велись ученые беседы на открытой веранде дворца — «террасе споров». Работали и школы, где грамоте обучали не только мальчиков, но и девочек. В эти годы был написан целый ряд хроник,

житий, поэм, элегий, других литературных произведений. XVII век остался в памяти как век расцвета культуры Эфиопии.

Эфиопские хроники писали о дворце Иясу так:

«А из чертогов его царских одни были возведены с украшениями золота червонного и серебра чистого, а другие расписаны красками заморскими цвета разного... а все стены были в зеркалах заморских, чистых и отражающих. И видели себя все люди стана ясно. А еще расстелены были внутри ковры заморские, дорогие и многокрасочные. А еще была башня, построенная из изразцов заморских».

Дворец другого императора, Йоханнеса, был «украшен слоновой костью» с тронном эбеновым, его паланкин — «одр носильный» имел «столпцы из серебра, а локотники из золота», престол был сделан из слоновой кости и дерева кипарисового, «и сделана была кровля престола из кости слоновой и дерева кипарисового, а на ней — пять шаров золотых. Ни в каком царстве нет ничего подобного».

ЛЕВ АФРИКАНСКИЙ

В Санкт-Петербурге, в Институте востоковедения, есть Азиатский музей. Там хранятся разнообразные памятники письменности народов Востока. Рядом с дощечками с тангутскими письменами и записями индийцев на пальмовых листьях лежит книга, написанная арабской вязью. Это сочинение известного в X в. Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ал-Масуди. Оно до сих пор расценивается как большой исторический труд. В нем масса сведений о разных странах и народах, известных автору, об их прошлом, богатстве, занятиях и обычаях жителей. Однако даже такой серьезный автор назвал свою книгу несколько, на наш взгляд, странно для историка — «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней».

Это далеко не случайно. Ведь в те времена отнюдь не ученые, а торговцы были первооткрывателями далеких земель. Не только и даже, можно сказать, не столько жажда знаний, но поиски прибыли влекли их в неизвестность, в путешествия, иногда опасные не только для кошелька, но и для жизни. Поэтому их интересовало прежде всего, где и что можно выгодно продать, купить или обменять, как умело подойти к местным жителям, чтобы вызвать их заинтересованность и не отпугнуть незнанием либо невольным нарушением их законов и обычаев, чтобы добиться максимальной прибыли. Поэтому и авторы подобных сочинений были вынуждены учитывать, что должно привлечь к ним потенциальных читателей.

Это накладывало определенный отпечаток на характер этих трудов. Не всегда точно указывались путь, направление, расстояния — ведь нужно было опасаться конкурентов, которые могли бы добраться до вожаемых мест раньше. Да и выбор тем нередко тоже был подчинен этой цели — больше говорилось о товарах, ценах, торговых обычаях незнакомых народов (в частности, об обмене без прямых контактов, когда одна сторона оставляла товары, и, если они представляли интерес для местных жителей, наутро они исчезали и появлялись местные товары как плата за них, если же нет — иноземные товары оставались нетронутыми). Поэтому больше сведений эта литература дает для экономической истории Африки южнее Сахары. Благодаря ей можно восстановить торговые пути, покрывавшие частой сетью Западную и Восточную Африку (до Центральной и Южной арабы средневековья не добирались), выяснить набор товаров. Кстати, именно эта литература доказывает, что неверна точка зрения на извечность и приоритет работорговли в торговых связях Африки с севером и Ближним Востоком — рабы как товар стояли на пятом, а то и на восьмом месте.

Но при всех недостатках (с современной точки зрения, им недоставало точности, проверки достоверности, широты охвата) этих записок они до сей поры остаются весьма важными, а зачастую и единственными историческими источниками по средневековой истории и этнографии Африки южнее Сахары. Арабская географическая литература была

и тем источником, откуда средневековые европейцы черпали сведения о внутренних районах континента — ведь они долгое время знали только линию побережья. Именно арабам обязаны европейские картографы тем, что на первых их картах появились названия Мелли или Малли, Санага, многие этнонимы. А французские археологи наших дней, воспользовавшись трудами арабских путешественников и проследив путь, указанный в них, вычислили место, где должен был находиться известный торговый город Аудагост, и раскопали его на самом юге современной Мавритании.

Постепенно круг читателей этих сочинений расширялся, ими заинтересовались и правители, и чиновники, и просто образованные любознательные люди. Изменялись в соответствии с этим даже названия трудов (хотя характер их зачастую оставался прежним). И вот Абу Мухамед ибн Мухамед аш-Шариф ал-Идриси (1100—1165) пишет по поручению Рожера II, нормандского короля обеих Сицилии «Развлечение истомленного в странствиях по областям», Абу Абдаллах Мухамед ибн Абдаллах ибн Баттута ал-Лаввати ат-Танджи (1304—1377) — «Подарок созерцающим относительно диковин городов и чудес путешествий», а величайший арабский историк XIV—XV вв. Абу Зейд Абд ар-Рахман ибн Мухамед ибн Халдун называет свою работу «Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти».

Обычно весь этот комплекс письменных источников, охватывающий X—XVI вв., называют «арабская географическая литература». Это название весьма условно. Конечно, географические сведения занимают в них большое место, но этим далеко не исчерпывалось их содержание. Да и сами авторы далеко не всегда были арабами. Это были люди со всех концов мусульманского мира. Ибн Хаукал ан-Насиби родился в Верхней Месопотамии, ал-Фаси работал в Марокко, аль-Хорезми и ал-Марвази — уроженцы Средней Азии (из Хорезма и Мерва — современного Мары), ал-Омари — Египта, Якут — Малой Азии, ал-Якуб, вероятно, Армении. Немало среди них было и людей, выросших на Пиренейском полуострове, переживавшем расцвет культуры, — в Кордове, Гранаде, Севилье.

Самым значительным из них был Хасан ибн Мухамед аль-Ваззан аз-Зайяти аль-Гарнати аль-Фаси, более известный как Лев Африканский (Лев Иоганн, Джованни Леоне). Этот неординарный человек с необычной судьбой родился, вероятно, в 1489 году в Гранаде, а когда в 1499—1500 гг. в Испании политика терпимости к иноверцам сменилась политикой насильственного крещения, все семейство с маленьким Хасаиом переехало в Фее. Об этих переездах не хуже, чем записанная биография, говорят его «нисбы» — аль-Фаси указывает на проживание в Фесе, а аль-Гарнати — на рождение в Гранаде. Прозвище его отца, «лакаб», указывает на занятие отца — «человек, который занимается взвешиванием». Скорее всего такое прозвище давалось городскому чиновнику, заведовавшему городскими весами и контролирующему рыночных торговцев.

Семья его обладала достаточно высоким культурным уровнем — ведь Испания, и особенно Гранада была в то время местом притяжения ученых и поэтов. Недаром именно отсюда происходит поэзия трубадуров. Поэтому и в новом обществе отец и другие родственники нашли подобающее место. У отца был замок под Фесом и целый ряд имений в горах Рифа. Дядя его, с которым он совершил первые путешествия, был ученым-факи-хом, правоведом, поэтом, оратором, искусным дипломатом.

Сам Хасап учился в одном из лучших медресе Марокко — Абу Инана Марипида, где было немало чужеземцев. Общение с этими студентами способствовало воспитанию любознательности и расширению кругозора. Уже в эти годы проявились наблюдательность, интерес к иным культурам.

Проработав по окончании медресе два года секретарем городской больницы в Фесе, он начинает свои поездки, сначала с дядей, а затем самостоятельно. Его дядя был близок султану Мухамеду Португальцу (тот получил это прозвище, так как провел детские годы в Португалии как заложник). В 1505—1506 гг. по поручению монарха он

совершил поездку на юг от Сахары к «султану Томбукту», которым в то время был аския Мухамед Туре (см.). Это было первое знакомство еще юного Хасана с чужими странами. Проходили знатные путешественники с купеческими караванами по традиционным торговым путям через Сахару. Потом было и второе путешествие — в Текказу, Дженне, Мали.

Как и его знатные современники, был он одновременно и воином — участвовал в сражениях с португальцами, в экспедициях султана против непокорных племен на юге Марокко и т. д. Но главным в его деятельности были все-таки дипломатические поручения, уже самостоятельные. Побывал он в 1506—1508 г. на Ближнем Востоке, а в 1512—1513 гг. совершил большую поездку в страны южнее Сахары. «Я не стану умалчивать,— писал он впоследствии,— что был в 15 королевствах земли черных». Сиджилмаса, Текказа, Томбукту, Гоа, Гобир, Агадес, Кано, Борну, Дарфур и Донгола — вот далеко не полный перечень городов и областей, где он побывал сам или подробно расспросил бывалых людей.

Еще одно большое путешествие он совершил в Константинополь в 1515 г., побывав на пути туда в Тунисе, а на обратном пути посетив Египет и Аравию, совершив, как полагается правоверному мусульманину, хадж в Мекку. Везде он был внимательным наблюдателем и делал подробные записи своих впечатлений. Это обстоятельство и сыграло большую роль в его дальнейшей судьбе.

Возвращался Хасан морем, на купеческом корабле. В те годы Средиземное море было прибежищем пиратов, как мусульманских, так и христианских. Плавание по нему было опасным, а захват кораблей — обыденным делом. Это хорошо видно, например, из сочинений В. Шекспира и Лопе де Вега (вспомним хотя бы «Двенадцатую ночь» или «Собаку на сене»). Даже необходимый провиант и питьевую воду добывали с особыми предосторожностями. Сам наш герой писал в своих записках о береговых жителях: «Не доверяясь им, никто не хотел сойти с корабля на землю, прежде чем они не передали нам в качестве ручательства безопасности нескольких своих детей». Но счастье нередко изменяет и таким осторожным людям.

Знаменитый сицилийский корсар Пьетро Бовадилья у острова Джерба захватил корабль «мавров» и пленил и команду, и пассажиров». Среди пленников один привлекал внимание — видно было, что это человек бывалый и ученый. Записи, которые были обнаружены у странного пленника, заставили понять его неординарность. Он был не просто продан на невольничьем рынке, а отправлен в Неаполь, затем в Рим, и вместе с жирафом как диковинка подарен Папе. Им был в то время Лев X Медичи, сын Лоренцо Великолепного. Его называли «отцом искусств», и тот действительно был человеком высокой культуры, одним из виднейших деятелей Возрождения. Он заинтересовался образованным и многознающим пленником, поселил его в замке Святого ангела, где три епископа в течение года готовили его к крещению.

6 января 1520 г. Хасан аль-Ваззан был крещен самим Папой в соборе Святого Петра и получил имена Иоанн (крещеное имя самого Папы) и Лев (полученное при возведении папский престол). Под этими именами он и стал широко известен. Сам он иногда называл себя Йуханн Асад, а современники называли его также Джованни Леоне.

Он жил в Риме, получал жалованье, по поручению своего высокого покровителя приводил в порядок свои записки, работал в области права, истории, языка, преподавал в Болонье арабский язык и т. д. За время жизни в Италии он написал множество трудов. Одни известны только по названиям — «Эпитафия Шеллы, Феса и всей Берберии», «Сокращение магометанских хроник», «О магометанской вере и законе» и ряд других — на арабском языке, а «Арабская риторика» и «Арабская грамматика» — на латыни. На латыни же были изданы «Трактат по искусству метрики», «О мужах, считающихся знаменитыми среди арабов», «О мужах, считающихся знаменитыми среди евреев», сохранилась и латинская рукопись «Арабско-еврейско-латинского словаря».

Но самое значительное его сочинение — «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть» — написано в 1526 г. Оно появилось в 1550 г. в Венеции, в подготовленном Джованни Батиста Рамузио сборнике «О плаваниях и путешествиях». Помещение его в этот сборник — уже признание современниками значимости произведения. Ведь здесь были опубликованы наиболее значительные сочинения — записки Альвизе де Ка да Мосто, Америго Веспуччи, Эдуарде Барбоша и других мореплавателей, «Известия о плаваниях карфагенского капитана Ганнона» (см.), «Сообщение о плавании Неарха, капитана Александра Великого», знаменитый «Перипл Эритрейского моря». Популярность его была огромна. За 1550—1613 гг. оно выдержало пять переизданий, было переведено на другие европейские языки.

В этом многостраничном сочинении (его русский перевод насчитывает 360 страниц) рассказывается о множестве посещенных автором стран Северной и Западной Африки. В некоторых случаях он подтвердил более ранние сообщения (как о Мали), в других — был первым иностранцем, рассказавшим об этих областях (как о землях народа хауса на севере современной Нигерии). До сих пор его сведения сохраняют ценность первоисточника. Он был человеком своего века, и неудивительно, что в книге сочетаются реальные наблюдения и следование общепринятой географической традиции. Согласно последней, в частности, он уверяет, что истоки Нила находятся на расстоянии 150 миль от Борну и тот вытекает из озера Чад, разливы Нигера приравливает по времени и размаху к разливам Нила и т. п.

Известных достоверных сведений о последних годах его жизни немного. Одни полагают, что в 1528 г. он уехал в Тунис, вновь обратился в ислам и умер вскоре после приезда. Другие считают, что он вернулся в Марокко. Жил в тишине и одиночестве, так как был встречен подозрительно, либо продолжал путешествовать и погиб во время одного из походов. Третьи считают, что он остался жить в Риме и умер там около 1550 г. Всех этих авторов объединяло то, что они принадлежали к арабо-персидской культуре и писали, как правило, по-арабски — ведь этот язык был языком культуры, науки, дипломатии на всем Ближнем и Среднем Востоке (как китайский на Дальнем Востоке или латынь в Европе). Это очень разные люди. Одни почти всю свою жизнь провели в путешествиях, как ибн-Батгута, обошедший и объехавший почти весь тогдашний мусульманский мир. Другие сами мало путешествовали, но, будучи, как ибн Халдун, крупными чиновниками (он был верховным судьей в мамлюкском Египте), обобщали сведения, стекающиеся к ним от купцов, чиновников, путешественников. Третьи (как ал-Макризи) работали привычным для современного историка методом — изучали архивные материхлы, записки предшественников и современников. Одни не критически записывали все услышанное, другие относились к своему труду более серьезно. Так, Лев Африканский писал: «В целом это то, что я, Иоанн Лев, видел хорошего и достойного упоминания во всей Африке, которую я пересек из края в край. Старательно, изо дня в день, я записывал все, что мне казалось достойным упоминания и так, как я это видел. О том же, чего я не видел, я добывал достоверные и полные сведения от людей, заслуживающих доверие, видевших это».

Существовала определенная традиция написания таких трудов. В частности, неизменно встречаются указания на сведения из ранних сочинений типа того, что мы встречаем у ал-Масуди: «Говорит ал-Фазари...» или у ал-Якуби «Говорит Лзид бин Абу Хабаб». Благодаря этому для потомков сохранились имена авторов, чьи сочинения до нас не дошли, и те сведения, которыми они располагали.

Работать с такими источниками нелегко. В каждом из них есть данные об истории и культуре новых народов. Однако они недостаточно подробны, иногда приводятся по непроверенным слухам, иногда и сами авторы не очень в них уверены. Тогда появляются оговорки: «Аллах лучше знает» или «Время и место удалены от нас. И не способен историк этих дней представить истину о чем-либо из дел их».

Нередко те географические названия и этнонимы, которые в них упоминаются, трудно идентифицировать — одни уже исчезли, другие так видоизменились, что в новом виде их трудно узнать. Особого внимания и терпения требует выяснение направления и расстояний. Направление часто указывается по солнцу, например, «чтобы солнце светило в левое ухо». Расстояние определялось в днях пути или фарсах. Ясно, что день пути для бодрого и усталого путника, всадника или идущего пешком с караваном верблюдов, в прохладную погоду или во время жаркого ветра — очень разные расстояния. Не менее трудно и определение пути по фарсах — пути, который всадник проезжает за час. Сейчас выработан особый подход для работы с подобными источниками, а фарсах условно принят за 6 км. Усилиями многих исследователей благодаря арабским авторам стало возможным даже создать (хотя и приблизительно) карты средневековой Африки.

ЛИВИНГСТОН, ДЭВИД

Дэвид Ливингстон родился в 1813 году в Шотландии. С 27-летнего возраста до самой смерти в 1873 году его жизнь была неразрывно связана с Африкой. В Глазго он получил медицинское образование, но не деятельность врача стала делом всей его жизни. Будучи глубоко религиозным человеком, он стал миссионером. Лондонское миссионерское общество послало его в Южную Африку. Здесь он встретил свою жену, дочь миссионера и гуманиста Роберта Моффата, с которым сначала работал. Этот незаурядный человек занимался не только проповедями слова Божьего, но и иной деятельностью. Он оказывал медицинскую помощь местному населению, помогал созданию школ, участвовал в создании письменности на местных языках. Его перу принадлежат грамматика, словарь и первый учебник языка сечвана, переводы Ветхого и Нового Заветов, а его дневники и удивительно точные наблюдения по сю пору остаются важными источниками по истории, этнографии, культуре, обычаям разных народов Южной Африки.

Его зять Дэвид Ливингстон продолжил и расширил деятельность тестя, став одним из самых замечательных исследователей Африки. В те годы европейцы еще слабо представляли себе внутренние области Черного континента, не знали народов, живущих там, не имели представления о гидрографии, географических и природных условиях в глубине материка. Ливингстон не ограничился работой в уже освоенных местах. За свою жизнь он совершил немало путешествий и сделал множество географических и естественно-научных открытий. Он был первым европейцем, открывшим в 1849 г. озеро Нгами, исследовавшим в 1851 г. верхнее течение реки Замбези. В 1854 г. он пересек Африку от бассейна Замбези до Луанды в Анголе, на западном побережье. В 1855—1856 гг. прошел от среднего течения этой реки до побережья Индийского океана. Здесь он первым из европейцев увидел одно из чудес природы — могучий водопад, называемый местными жителями «Мози-а-Тунья» («Гремящий дым») и дал ему имя в честь английской королевы — Виктория.

Приехав в Великобританию, он издал свою первую книгу «Путешествия и исследования в Южной Африке», сразу ставшую сенсацией в мире географов и исследователей Земли. Но спокойная жизнь в «скучной» Европе была ему не по сердцу. Он вернулся в Африку и совершил еще несколько путешествий, подробно изучив нижнее течение и бассейн Замбези, открыв водопад Кабарега и озеро Чилва, описав и составив карту озера Ньяса (Малави). Результаты его трудов были опубликованы в 1865 г. в «Рассказах о путешествии по Замбези и ее притокам».

Еще раз он приехал в Африку в 1866 г. С этого времени и до смерти он тщательно изучал водораздел озер Ньяса и Танганьика. В те годы еще не была разрешена существовавшая многие века географическая «загадка истоков Нила». Им было доказано отсутствие связи Танганьики и Нила. Д. Ливингстон прошел по всем берегам этого озера, открыл еще неизвестное тогда озеро Бангвелу, изучал верховья Луалабы (Конго).

Его экспедиция ушла так далеко в глубь материка, что была потеряна связь с внешним миром, и вся Европа и Америка обсуждали судьбу отважного исследователя, решая, жив он еще или его бездыханное тело лежит в дебрях неизведанных лесов и гор.

В 1871 году была отправлена специальная экспедиция на его поиски. Ее возглавил 30-летний Г. М. Стенли, корреспондент «Нью-Йорк геральд» (впоследствии много сделавший не только для исследований, но и для колонизации Африки). Он отправился с острова Занзибар, дошел до озера Танганьика и там встретил больного Ливингстона. Вся Европа, затаив дыхание, читала его статьи, и еще долго, многие десятилетия дети в разных странах играли во «встречу Ливингстона и Стенли» и зачитывались их книгами (в середине XX в. они были переведены и на русский язык). А Ливингстон продолжал свою исследовательскую деятельность, не обращая внимания на болезни и тяготы пути. И умер он в дороге к югу от озера Бангвелу, в местечке Читамбо.

Д. Ливингстон был протестантским миссионером, одним из многих, работавших и в Африке, и в других «открытых европейцами» землях. Какова была роль этих людей в истории стран, вскоре ставших колониями или полуколониями Португалии, Голландии, Англии, Франции, Германии, спросим мы сейчас. Ее оценивают по-разному. Нередко всех их обвиняли в том, что они проложили путь колонизаторам, что вслед за миссионерами шли солдаты, а затем и колониальные чиновники. Действительно, такое бывало, и недаром сложилась притча у кикуйю Кении: «Когда пришел к нам белый человек, у нас была земля, а у него Библия. Теперь же у нас Библия, а у него земля». Однако немало было и других, искренне веривших в то, что они несут с собой свет и добро. Они наряду с учеными-профессионалами совершили немало географических открытий, их усилиями стерты многочисленные «белые пятна» на картах материка. Они первыми фиксировали исторические предания, фольклор, описывали жизнь и обычаи местных народов, верования и социальную структуру обществ. Они боролись против рабства и работорговли — и не их вина, что этот лозунг впоследствии был использован как предлог для колониальных завоеваний. Ими же составлены первые словари и грамматики. Они строили не только миссии, но и больницы и школы. «Новая элита», слой европейски образованных людей, давших в более поздние годы множество ярких личностей, воспитывалась именно в миссионерских школах.

Подвижническая жизнь Ливингстона — убедительный пример такой деятельности. Безоружный, он отправлялся в самые рискованные путешествия, вооруженный лишь добротой и верой в Человека, к какому бы народу он ни принадлежал. Интерес к научным открытиям сочетался в нем с активным неприятием рабства и ненавистью к работорговцам. Массу разоблачительного материала опубликовал он в своих книгах. Он заслужил любовь и уважение своих спутников-африканцев. Многие из них сопровождали его во всех его путешествиях далеко от родных селений, безоговорочно доверяя такому странному чужеземцу. Не только жизнь, но и сама смерть его — свидетельство этому. Он умер в глубине континента, и спутники его на руках перенесли на остров Занзибар. Здесь в местном соборе установлен крест из дерева, иод которым умер Ливингстон. Тело его было отправлено в Великобританию и похоронено в Вестминстерском аббатстве. На месте встречи Стенли и Ливингстона установлен памятный камень, в Багамойо над тем местом, где лежало его тело, сооружена часовня. Его именем названы водопады на реке Конго, горы в Танзании, город на юге Замбии, научно-исследовательский центр. Работы его до сих пор сохраняют научный интерес.

Именно в память таких людей в 1989 г. в Африке было широко отмечено «Столетие баптизации». И в более поздние годы его дело продолжали его последователи-миссионеры. Наиболее яркая личность среди них, безусловно, Альберт Швейцер, органист, композитор, философ, врач, посвятивший жизнь Африке и более пятидесяти лет возглавлявший миссионерскую больницу в Габоне. Его заслуги были отмечены человечеством присуждением ему Нобелевской премии мира. И сейчас еще продолжают работать в самых глухих местах Африки их единомышленники, среди которых нельзя не

вспомнить сестер ордена матери Терезы, замечательной женщины, также посвятившей всю свою жизнь служению людям.

ЛЮСИ

Люси, или, как предпочитают говорить в Эфиопии, Динкенеч, — ископаемый почти полный женский скелет, обнаруженный в долине Аваш на юге Эфиопии в 1974 г. Это самая древняя находка гоминид возрастом более 3,5 млн. лет и наиболее сохранившаяся — в остальных случаях находили лишь немногочисленные фрагменты скелета.

История человечества в Африке уходит далеко в глубь тысячелетий. Еще Ч. Дарвин высказывал предположение о том, что в зону антропогенеза должна была бы входить Африка. Однако находки в Азии, в частности явантропа и синантропа, и отсутствие таковых в Африке заставили антропологов надолго отдать предпочтение Азиатскому континенту. Новые находки гоминид на территории сначала Южной, а затем Восточной и Северо-Восточной Африки вновь вернули их к теории об этом материке как о месте антропогенеза.

Вот уже несколько десятилетий многие работы по истории Африки начинаются с главы «Африка — колыбель человечества». Пока еще споры не утихли. Во-первых, есть разные мнения о характеристике остатков (насколько они близки к человеку современного вида — «хомо сапиенс»), тем более что, как правило, обнаружены лишь фрагменты скелетов — челюсть, часть черепа, кости конечностей и т. п. Во-вторых, живо обсуждается вопрос о том, вся ли Африка или только ее восточная и южная часть входили в зону антропогенеза. Некоторые антропологи и археологи полагают, что вся и что отсутствие находок в других частях континента — лишь свидетельство малой изученности и сложных климатических условий, не позволяющих сохраниться надолго органическим остаткам (в частности, таково мнение Дж. Кларка). Единичные находки были все же обнаружены в Чаде, Марокко, Алжире.

Большинство же разделяют точку зрения об исключительности Восточной Африки (особенно полосы вдоль геологического разлома — Великого Рифта) в этих процессах и включают ее в зону антропогенеза. Именно она представлена в итоговом труде африканистов разных стран — «Всеобщей истории Африки», издающейся ЮНЕСКО. А целый ряд местных историков считают континент единственным местом антропогенеза и пишут об Африке как о «колыбели человечества».

Самые древние находки (20—40 млн. лет назад) были сделаны в Фаюмском оазисе к югу от Каира. К фаюмскому парапитеку (предполагаются и иные названия) близки лимопитеки Кении и Уганды (по мнению Р. Лики, например). Ко времени 10—20 млн. лет назад относятся находки кениапитеков, обнаруженные Лики в Форт Тернани и позднее в Уганде. Здесь они были найдены в сочетании с обработанными камнями и искусственно разбитыми костями животных.

В Африке обнаружено и много австралопитеков. Первые — еще в 1924 г. в Южной Африке (Р. Дарт), затем в 1936 г. в Трансваале сразу на нескольких стоянках (Р. Дарт и Ф. Тобиас), в 1939 г. в Танзании (Л. Коль-Ларсен), целый ряд находок в Олдувайском ущелье и на берегах озера Туркана на землях современных Кении и Танзании в 40-х годах, 1955, 1964, 1968 гг. и позднее. Начиная с 1967 г. многочисленными находками отмечена работа археологов в Эфиопии. Так, международными экспедициями были сделаны открытия австралопитеков в долине реки Омо — в 1973—1977 гг. в районе Хадара (И. Конпес, Д. Йохансон, М. Тайэб), в 1975—1979 гг. — в Мелка Контуре (Ж. Шавейон и др.) и т. д. К настоящему времени их более сотни.

Современная систематизация выделяет среди африканских австралопитеков четыре разных резко выраженных типа. Первый — «австралопитек робустус», или «зинджантроп», по определению Р. Лики. Он найден в Южной Африке (возраст 2—2,5

млн. лет), в долине реки Омо в Эфиопии, на восток от озера Туркана в Кении, в Олдувайском ущелье в современной Танзании (прибл. 1 800 000 лет назад). Его рост исследователи определяют в 1,5 м, вес — 36—66 кг, объем мозга — около 530 куб. см.

Второй тип — «австралопитек грациальный». Несколько находок было сделано в Южной Африке, в долине реки Омо, в Эфиопии; близ Гаруси или Латолил в Танзании, в Лотагэм в Кении. Это было существо, вероятно, ростом в 1,2 м, весом 18—32 кг, с объемом мозга около 428—485 куб. см.

В том же Олдувайском ущелье, долине Омо, к востоку от озера Туркапат в Канакой в Кении обнаружен третий тип — «хомо хабалис» («человек умелый»). Его рост — примерно 1,2—1,4 м, объем мозга около 680 куб. см (у одного экземпляра — около 800).

Наконец, четвертый тип — «хомо эректус» («человек прямоходящий»). Его останки обнаружены в Южной Африке (стоянка Сварткраус), в Олдувайском ущелье, в Кении, в Мелка Контури, Омо и Бодо в Эфиопии. Его возраст, по мнению исследователей, от 2,5 млн. лет (Южная Африка) до 1,5 млн (Танзания и Кения) и даже 800 тыс. — 1,5 млн. лет (Эфиопия).

Некоторые исследователи предлагают уже «хомо эректус» считать несомненно существом выше обезьяночеловека. Так, пишут, что в Африке 2,5 млн. лет назад появилось существо, которое может быть названо человеком, способным обработать камни и кости, строить хижины и жить небольшими общинами — «хомо фабер» («человек, делающий орудия»).

Многие археологи полагают, что переход к «хомо эректус» через «хомо хабалис» занял примерно один миллион лет. По мнению Дж.Кларка, «подобные эволюционные изменения оказались возможными исключительно в результате развития материальной культуры и приведения в действие механизма обратной связи между физиологическим и культурным развитием».

«Хомо сапиенс» уже расселился по всему континенту, и к началу среднего каменного века, по мнению того же Дж.Кларка (прибл. 35 000 лет назад), в Африке, за исключением глубинных районов влажных лесов, почти не осталось экологических ниш, не занятых человеком.

Самые древние находки уже несомненно «хомо сапиенс» были сделаны в Восточной Африке (на заливе Кавирондо) и близ озера Рудольф. Ранее всего стали известны находки в Брокен-Хилле (Центральная Замбия) — «родезийский человек», затем в пещере у Дыре-Дауа (Эфиопия), на стоянке Няраси у озера Эяси (Танзания), в Олдувайском ущелье и далее к югу вплоть до Капской области в ЮАР (стоянка Эландфонтейн).

МАНСУ МИ ШЬЯАНГ

Этот «*ньими*» (верховный правитель) раннегосударственного объединения Куба, просуществовавшего до начала XX столетия в бассейне реки Конго (современная Демократическая Республика Конго), правил в конце XVI в. Он был объединителем и создателем союза племен, а затем был свергнут Мбоонгом, вождем бушонго. С этого времени это племя становится ядром государства и народа куба. К ним долгие десятилетия принадлежала и правящая династия, и большинство лиц, занимавших различные посты в административно-управленческом аппарате.

К этому времени сложился уже определенный статус главы государственного объединения. Из вождя военно-демократического союза племен он вырос в верховного правителя, отождествляемого с солнцем, орлом, попугаем. Со времени правления Мише ми Шьяанга (около 1620 г.) признавалось сверхъестественное происхождение верховного правителя, сохранявшего черты «священного царя-жреца».

Со времени правления Шьяама а Мбул а Нгоонга, которого некоторые европейские исследователи называли Шамба Болонгонго (около 1630—1640 гг.) начался расцвет Куба,

длившийся несколько десятилетий. Это был период завершения территориальных захватов и окончательного формирования управленческого аппарата. Даже в начале XX столетия имя Шьяама было самым известным и самым уважаемым в длинном списке правителей Куба.

Шьяам стал своеобразным культурным героем куба. Одна из легенд рассказывает так: «Еще будучи наследником, Шамба решил отправиться путешествовать, посетить народы, живущие за пределами Куба. Мать отговаривала его, так как после смерти дяди (а у куба до наших дней сохраняется материнский счет родства, и наследование как имущества, так и власти идет от дяди — брата матери к племяннику. — Э. Л.) он должен стать главой государства, ему в интересах своего народа нельзя рисковать жизнью. На это молодой человек ответил: "Так как я буду королем, величайшим из людей, я должен быть мудрейшим; путешествуя, я увижу достоинства и недостатки других племен и смогу использовать их у себя на родине: достоинства — чтобы следовать их примеру, а недостатки — чтобы их избежать"».

Устная хроника рассказывает, что он путешествовал в течение нескольких лет, посетил племена к западу от земель куба и, вернувшись на родину, много сделал для процветания страны. Некоторые исследователи истории Куба полагали, что во время этих странствований Шьяам посетил Конго и именно оттуда заимствовал и систему управления, и многие элементы культуры, либо даже что он был беглым рабом из Конго. Однако эти чисто умозрительные предположения не находят сколь-нибудь убедительных доказательств.

Скорее всего многие достижения были приписаны ему гораздо позднее, но, несомненно, именно в его время произошло значительное расширение ассортимента сельскохозяйственных культур, интенсивное развитие земледелия. Бакуба начали возделывать кукурузу, табак и маниоку, сахарный тростник, а также земляные орехи (арахис). Во время правления преемника Шьяама — Мбоонг а Леенга куба познакомились с возделыванием бобов, а несколько позднее, во второй половине XVII в., научились получать из маниоки муку.

Традиционно с именем Шьяама связывают и появление множества ремесел, в которых куба достигли большого искусства — в частности, ткачества из волокон пальмырафии и резьбы по дереву. Ткачи изготавливали гладкотканые ткани (мбала) с узорчатым вытканым рисунком (бадинга), вышивали по кани (мусесе или итонде), слабоокрашенные с оставленным рисунком. Даже путешественник XIX столетия писал: «Изобретательность в узорах, красота их, тщательность выделывания каней куба не уступают мануфактуре цивилизованных наций». Ему вторит и другой: «Наши хлопчатобумажные ткани как предмет обмена не слишком желательны в этом районе».

Не менее интересны и работы резчиков по дереву. Они изготавливали и шкатулки, и гребни, и церемониальные ножи с крашением инкрустацией металлом или проволокой, кубки и т. п. Но всемирную славу заслужила галерея «ндоп» — невысоких скульптурок, изображавших правителей Куба: по их представлениям, в них после смерти последних жили их души. Первый такой «портрет» был сделан после смерти Шьяама. С той поры и до нашего столетия куба сделали 17 «ндоп». Как и бронза Бенина или маски догонов и бамбара, большинство их оказалось не у подлинных хозяев, а в музеях Европы. Лишь после достижения независимости Конго часть их была возвращена в Африку.

Изображение самого Шьяама хранится в Британском музее. Оно сделано из полированного красного дерева. Скрестив ноги, спокойно положив на колено правую руку, сидит на резной подставке величественный правитель Куба — самый почитаемый и любимый. Лицо его мудро и безмятежно. Как и требуется по канонам африканского искусства, его голова составляет третью часть всей более чем полуметровой скульптуры. Искусный мастер сосредоточил главное внимание на изображении лица. Тщательно проработаны его черты — широкий нос, спокойный рот, большие полуприкрытые глаза, дуги бровей. На обнаженном торсе подчеркнуты знаки богатства и царского достоинства

— браслеты, оплечья, ожерелье, узорчатый пояс, парадный колокольчик в левой руке. Особенно проработан головной убор — знак «королевской» власти. Это «экоти» — плетеная, облегающая голову шапочка, украшенная выступающим вперед плоским прямоугольником (сейчас подобные шапочки носят в Конго католические священники).

В Королевском музее Бельгии, в г. Тервюрене, находится «ндоп» Кот а Мбула, жившего в конце XVII столетия. На его лице следы беспокойства — ведь его время отмечено волнениями и смутами внутри страны. Как знать, может быть, именно поэтому правитель Куба изображен сидящим перед сигнальным барабаном, как будто он вот-вот его боем созовет на защиту старых завоеваний свою гвардию, а то и ополчение всех свободных мужчин куба. Его голова тоже украшена «экоти».

Мастера куба были искусными металлургами и кузнецами. Копья, кольца, булавки, ножи, рабочие части мотыг, браслеты и другие украшения делали их кузнецы. Сами правители страны должны были доказать свое умение в этом ремесле. Особенное восхищение вызывают парадные мечи с инкрустацией медью по железу. Издавна куба выделывали и многообразные многолопастные метательные ножи — «шонго», от этого слова происходит название основной группы данного народа — бушонго, к которой принадлежала и правящая династия. О Шьяама рассказывают, что он был первым правителем, запретившим употреблять в бою это страшное оружие. С тех пор «шонго» стали играть роль меновой стоимости, своеобразных денег.

Не меньшего искусства достигли они в плетении. Плетеные стаканы и корзины были столь плотны, что использовались для хранения жидкостей и сыпучих веществ. А из окрашенного тростника и волокон пальмы куба плели стены домов, настолько богато орнаментированные, что они представляли собой настоящие произведения искусства. Каждый дом отличался особым орнаментом и особым сочетанием цвета и узоров.

Можно с уверенностью сказать, что со времен Шьяама уже существовала достаточно твердая власть. Управление стало централизованным, были основаны суды. Административно-управленческий аппарат, сложившийся в это время, оказался столь жизнеспособным, что просуществовал почти без изменения до конца XIX в. В столице на основе известного всем африканским народам института возрастных классов были созданы постоянные воинские подразделения. Нерегулярный сбор дани заменяли налоговой системой, а при Мбоонга Леенге (1640—1650) впервые появились сервильные поселения, жители которых работали непосредственно на нужды двора.

В эти же годы окончательно сложилось и территориальное единство Куба. Интенсивное развитие земледелия, ремесел, процесс образования аппарата управления свидетельствует о появившихся отношениях господства и подчинения в среде куба. Войны, проводимые центральной властью после этого времени, в основном были вызваны необходимостью подавлять сопротивление подчиненных групп и отдельных деревень (т. е. это были полицейские акции) или отражать нападения, а не стремлением завоевывать новые земли. Основой же внешней политики на долгие десятилетия стала не война, а торговля: посредническая — медью и солью, в небольшой степени рабами, и монопольная — латунью. Куба заслужили славу основного торгового народа в этом регионе Африки.

МВААНТ ЯАВ НАВЕДЖИ (МУАТА ЯМВО НАВЕДЖИ)

Примерно в 1660—1675 гг. этот человек правил центрально-африканским раннегосударственным объединением Лунда. Первые десятилетия истории Лунда теряются в глубине веков и сохранились только в устной традиции этого народа — лунда. Один из первых европейцев, оставивших описание самых восточных владений лунда — Казембе, писал, что «балунда, или казембе, — единственный народ из живущих в глубине Африки, который может дать верное и полное описание своего народа». Первым правителем лунда, которого помнят все устные традиции, был Мваакв. По преданию, он был прямым потомком первого человека на земле. Его сын Нкоиде имел дочь Луеджи и

двух сыновей-близнецов Кингури и Чиньяма. Они были ленивы и жестоки, да к тому же и злобны, поэтому отец завещал управление своим народом не сыновьям, а дочери. Она стала всеми уважаемой и заботливой правительницей. Ангольский писатель Каштру Сороменью, который всю жизнь собирал и обрабатывал сказки и предания народов Анголы (а земли Лунда ныне входят в состав Анголы, Конго, Замбии), так рассказывает об этом: «А Луеджи-иа-Канти, Владычица Земли, как только солнце вставало на горизонте, над равниной, как и прежде, шла в сопровождении рабынь на поля, раскинувшиеся вдоль берега реки. Там она, как некогда и старая Коити, ее мать, проводила весь день, наблюдая за работами. Но прежде чем солнце заходило, Луеджи возвращалась в селение. И все видели, как она восседала на тропе из черного дерева, украшенном резьбой, изображающей разные сцены жизни человека. Сидя на этом троне, она принимала людей, просивших у нее совета, придумывала новые законы, сама спрашивала совета у старейшин, всегда учитывая мнение большинства. Поступая таким образом, она быстро завоевала расположение народа, более всего ценившего справедливость».

В ее правление в стране Лунда появился храбрый охотник мулуба по имени Чибинда Илунга. Он пришел с востока, из района Упемба. Став лагерем на берегах речки Касидиши, он начал торговлю с Лунда, меняя каучук на пальмовое вино. У него завязалась дружба с неким знатным мулунда Нчакал Макол, который и привел его ко двору правительницы. Предания рассказывают, что молодые люди полюбили друг друга и вскоре стали супругами. Став ее супругом, он получил и символический знак верховной власти — «священный браслет». Так сплелись династические линии лунда и луба. По мнению Л. Вансина, одного из исследователей истории этого региона Африки, в этом мифе отразился факт древнего завоевания земель лунда военными отрядами луба. Это подтверждается и тем, что многие титулы лунда взяты из языка килуба. Легенды связывают с луба и само название страны. Как записал Каштру Сороменью, в знак вечного мира Илунга и люди Луеджи посадили молодые деревья, и «с этого дня вся страна стала называться "Лунда", что значит "дружба"».

Владения Луеджи и ее мужа стали центром будущего государства Лунда. Братья ее — Кингури и Чиньяма — не признали нового правителя и мигрировали. Кингури ушел на запад — туда, где, как рассказывали знающие люди, можно встретить невиданных ранее людей с белой кожей, имеющих загадочное оружие. Переселившись на новые плодородные земли, он пал жертвой заговора, в результате которого власть получил его племянник Кассанже ка Имба. В это время правитель Ндонго, государства на территории современной Анголы, сражался против португальцев. На освободившихся землях образовалось новое государственное объединение, которым управляли потомки Касанже и Нгола Мбанди — правителей Ндонго. Современные исследователи считают, что первые контакты переселенцев с португальцами могли иметь место ранее 1575 г., а государство возникло в самом начале XVII в., когда губернатором Анголы был в 1602—1603 гг. Дон Мануэль Сервейра Перейра. Чиньяма отправился к югу и обосновался среди народов чокве и луэна. Это были первые миграции лунда. Позднее они широко расселились по Центральной Африке, создавая новые «вождества», сохранявшие связь с центром и платящие ему регулярную дань, — Май Мунене на берегах Кванго, Канонгеша, Шинде и Муснконтанда в междуречье Замбези и Луалабы, Казембе на территории современной провинции Шаба в Конго и на западе Замбии.

Центром же продолжали оставаться владения Луеджи. По одним версиям, брак Луеджи был не очень счастливым, у нее не было детей. Поэтому Чибинда Илунга взял вторую жену — Камонга Луаза. От этого союза родился сын — Мваант Лузеенг, который наследовал своему отцу. По другим вариантам легенды, Мваант Лузеенг был сыном самой Луеджи. Исторические предания рисуют его весьма умелым правителем. Во время его правления была заложена основа политической структуры «королевства» Лунда и появилась титулатура, сохранившаяся практически до наших дней. Его дело продолжил

его сын и наследник Мваант Лав Наведжи (Муата Ямво Наведжи). Это имя стало наследственным титулом для верховных правителей Лунда. В это время власть их распространилась на довольно большую территорию — от долины реки Нкалаани, которая считается колыбелью этого народа, до реки Касаи на западе и до истоков Лулуа на юге. Правление Мваант Лузеенг и Мваант Яв Наведжи было временем консолидации страны.

МУТЕСА ПЕРВЫЙ

Среди героев Африки достойное место в истории занимает кабака (наследственный верховный правитель) Буганды Мутеса I, правивший этой страной, располагавшейся на территории современной Уганды, в 1856—1884 гг.

Мутеса I жил в сложное для Африки время. Это был период, когда начинался колониальный раздел Африки, когда в глубинные районы континента проникали первые европейцы. Те самые, от которых в Европе узнали о внутренних африканских странах и их правителях.

Мутесе пришлось иметь дело с такими известными путешественниками и опытными дипломатами, как Джон Спик, Генри Стэнли, Эмин-паша, миссионерами. Каким же увидели Мутесу европейцы? Вот несколько его словесных портретов, принадлежащих их перу.

Дж. Спик и Дж. Грант, 1862 г.: «Симпатичный молодой человек, умный и живо интересующийся всем, что мы рассказывали».

Эмин-паша, 1876 г.: «Король — человек приятной наружности, энергичный, обаятельный. Он был красиво одет: в арабском платье, тюрбане, опоясанном золотой лентой, один конец которой свободно свисал».

В 1856 г. молодой принц по имени Мукаабья стал новым кабакой Буганды — большого и могущественного по местным масштабам государства на северо-восточном берегу озера Виктория. Он принимает имя Мутеса, что значит «государственный человек, тот кто дает мудрые советы».

Кабака построил новую столицу и одновременно приказал возвести тюрьму для своих братьев-соперников. Повсюду он назначил своих заместителей. Заместители в Буганде менялись часто, их назначения и смещения зависели исключительно от милости кабаки.

За государственными делами молодой кабака не забывал и про развлечения. Рослый, сильный и гибкий, он был прекрасным охотником. Ввел охоту на крупных животных при помощи копий и заставлял участвовать в ней, как и в практиковавшихся при дворе сражениях на палках, всех придворных, кроме самых старых. Он придумал и соревнования по стрельбе из лука, ранее не распространенные в Буганде, и велел выкопать при своем дворе плавательный бассейн — первый в Буганде.

Жизнь Буганды была построена таким образом, что главным источником пополнения ее богатств были войны, в которых захватывалось основное в Межозерье мерило богатства — скот. Один из первых военных походов армии Мутесы был предпринят против мятежных подданных, но его воины увлеклись грабежом стад соседей и проиграли сражение. Поражение войска привело Мутесу в ярость: по его приказу воины, проявившие трусость, были казнены.

Неудачи первых походов заставили Мутесу пойти на реорганизацию войска Буганды. Прежде оно представляло собой ополчение, каждый совершеннолетний мужчина был воином под началом своего гражданского администратора. Мутеса вводит пост *муджаси* — главнокомандующего армией и систему регулярных полков, во главе которых стояли полковники. Полковники получали земли в бугандийских провинциях. Однако в крупные военные походы по-прежнему поднимались все боеспособные

мужчины. Мутеса назначал полковниками своих пажей и придворных, а также из воинов, отличившихся в боях.

Мутесе принадлежит и заслуга создания флота каноэ на озере Виктория, которое местные народы называли *Укереве*. Это величайшее в Африке озеро связывало Буганду со многими соседями, и ее жители издавна умели делать лодки из дерева. Самые большие из них имели более 20 метров в длину, свыше двух метров в ширину и до полутора метров в глубину и вмещали до 150 человек. Мутеса впервые использовал такие лодки в военных целях — тогда в них сажали 30—40 гребцов и 80—120 воинов. Во главе флота каноэ был поставлен «адмирал» — *габунга*, занимавший при дворе Мутесы такое же важное положение, как и муджаси. Флот давал возможность Буганде контролировать все передвижения по озеру Виктория и совершать внезапные нападения на соседей, чьи земли лежали по его берегам. Благодаря флоту Буганда покорила и присоединила острова Сесе — группу мелких островов на озере, прилегавших к его северному берегу.

Сам Мутеса редко ходил в военные походы, но обязательно выслушивал отчеты о них. Отличившихся в боях он награждал, а проявившие трусость тут же приговаривались к смерти.

Мутеса постепенно заинтересовался исламом и даже «выписал» себе учителя-мусульманина с Занзибара. В итоге он не только освоил основные догматы ислама, но и выучил суахили и арабский и мог читать Коран. Более того, он сделался правоверным мусульманином, заставлял придворных приветствовать его на мусульманский манер и впоследствии в припадке религиозного экстаза казнил нескольких человек, отказавшихся принять ислам.

Но вскоре ему было суждено заинтересоваться другим миром — христианским.

19 февраля 1862 г. в его столицу прибыл первый европеец. Это был известный английский путешественник и исследователь Африки Дж. Х. Спик, искавший истоки Нила в 1860—1863 г. вместе с Дж. Грантом. Обойдя озеро, названное им в честь королевы Виктории, с юга и запада, он открыл вытекающую из него реку Виктория-Нил, считающуюся основным истоком Белого Нила.

Спик провел в Буганде около пяти месяцев, он подружился с матерью кабаки и часто встречался с самим Мутесой. Муте-са дал волю своей любознательности и много расспрашивал своего гостя. Кабаку интересовало, что такое Европа, какие есть там государства, как они устроены, каковы повадки тамошних королей, какие дома строят в Европе, как там одеваются, каковы там формы брака и многое другое. Беседы касались христианской религии, и есть сведения, что именно Спик посоветовал Мутесе пригласить в свою страну христианских миссионеров.

К началу 70-х годов Мутеса отходит от мусульманства и возвращается к вере в традиционных богов Буганды: всемогущего Катонду — создателя всего сущего, Мукасу — бога богатства и плодородия, Кибуку — бога войны.

Отношение Мутесы к религиям может быть понято в контексте мировых событий, затрагивавших судьбу Межозерья. Способствовать дальнейшему распространению ислама означало укреплять отношения с султаном Занзибара, вводить в Буганду навязываемое европейцами христианство — заручиться поддержкой европейских государств.

5 апреля 1875 г. Мутеса встретился с известным путешественником Генри Стэнли. С именем Стэнли связано начало распространения христианства в Буганде.

Стэнли был очарован кабакой и его страной: «Считаю Мутесу могущественным императором, оказывающим влияние на своих соседей. У Мутесы я видел более трех тысяч солдат, почти что полуцивилизованных. Около сотни его вождей можно соотнести с жителями Занзибара или Омана, они одеты в такие же богатые одежды и вооружены таким же образом. К своему удивлению, я наблюдал здесь такой же порядок и законность, как и в полуцивилизованных странах». Тут же он выражает свое твердое намерение по отношению к кабаке: «Я разрушу его веру в ислам и привью любовь к учению Иисуса из Назарета».

Стэнли считал, что миссионерская работа будет наиболее успешной среди цивилизованных африканцев, объединенных под сильной центральной властью, и поэтому Буганда является идеальной почвой для деятельности миссионеров. 15 ноября 1875 г. в «Дейли телеграф» было опубликовано его знаменитое воззвание, приглашающее миссионеров в Буганду.

Мутеса же предполагал, что если он провозгласит себя христианином, то ему будет обеспечена поддержка Британии, и согласился на предложение Стэнли о посылке в Буганду миссионеров.

Первые миссионеры из лондонского протестантского Церковного миссионерского общества 2 июля 1877г. предстали перед Мутесой, а 23 февраля 1879 г. в столицу Мутесы прибыли представители французского католического ордена Белых отцов. Миссионеры — католики и протестанты — начали борьбу за паству и прежде всего за влияние на кабаку.

Любимым развлечением Мутесы стали устраиваемые при дворе диспуты между католиками и протестантами, где каждая сторона пыталась доказать, что ее религия лучше. При этом сам Мутеса склонялся то в одну, то в другую сторону в зависимости от политической ситуации, но старался сохранить дружбу с представителями обеих миссий.

Играя на противоречиях между католиками и протестантами, Мутеса преследовал свои интересы. Он понимал, что, сколько бы миссионеры ни отрицали свою связь с официальными кругами своих стран, они все же являются представителями Британии и Франции. Но все же он не представлял себе — да и мог ли представить — всю мощь викторианской Великобритании. И еще он не понимал, что за хедивским Египтом стояла в то время та же Британия, для которой в 80-х годах вопрос заключался лишь в том, откуда завоевывать Междозерье — с севера или с юга.

Игра Мутесы с религиями имела для Буганды и внутривластные последствия: вокруг религий складывались сильные группировки бугандийской аристократии — «французская» (католики), «английская» (протестанты, мусульмане и те, которые придерживались традиционных верований). Последние открыто выражали свое недовольство новыми религиями, особенно европейскими. Испокон веков абсолютная власть кабаки в Буганде держалась на соперничестве группировок аристократии и умении кабаки использовать это соперничество в своих интересах.

В своей «игре с религиями» Мутеса помнил и о такой реальной угрозе, как колдуны. Например, в 1874 г. Мутеса казнил семерых служителей духа озера Уксреве. Эти колдуны терроризировали всю Уганду, контролируя озеро и реку Виктория-Нил. Такой террор был в Уганде обычным делом. Мутеса вошел в историю Буганды как кабака, сильно ослабивший как влияние служителей традиционных культов, так и всех сил, мешавших ему укрепить свою власть.

В последние годы жизни в зависимости от ситуации кабака Мутеса покровительствовал то одной, то другой религии. 23 декабря 1879 г. он объявил при дворе, что отныне его народ оставит ислам и религию белого человека и вернется к богам своих предков. Предлогом послужило якобы успешное лечение Мутесы традиционными врачами. Правда, одновременно Мутеса тайно извещает миссионеров-англичан, что боги баганда не хотят, чтобы миссионеры проповедовали в его стране по меньшей мере еще пять лет, а французам — что такое решение он принял под давлением сановников — приверженцев традиционных богов, и что дает разрешение на открытие второй миссионерской станции. Связано это, видимо, с тем, что католическая группировка из баганда была слабее протестантской.

Затем дважды, в июле 1880 и в сентябре 1881 г., он объявил государственной религией Буганды мусульманство. В 1882 г. в знак протеста против предпочтения протестантов католическая миссия временно покинула Буганду. А до этого в немилость попали протестанты: вновь прибывший в Буганду миссионер Ф. О'Флаерти неожиданно заявил, что он сумел бы завоевать эту страну с сотней вооруженных людей. Мусульмане тут выступили с протестом: поскольку у протестантов уже три сотни последователей,

вооруженных ружьями Ремингтона, то они представляют реальную угрозу. В результате накануне смерти Мутесы положение европейских миссионеров в стране стало критическим.

Однако это не мешало миссионерам восхищаться кабакой. Вот, например, записи в дневнике О'Флаерти, сделанные непосредственно после смерти Мутесы 10 октября 1884 г.: «В манере вести беседу — с достоинством, располагающий к себе, Мутесу не мог превзойти никто в мире: его аргументы были умны и тонки, мысль и понимание — быстры, он необычайно умело владел своим настроением и языком. Он всегда восхищался звучными и плавными ритмами арабской поэзии, вкус к которой я разделяю. Я оплакиваю своего верного друга и великодушного покровителя».

Умер Мутеса в результате приема лекарства, которое ему дали лекари-мусульмане с острова Занзибар. Так и не ясно, был ли он отравлен нарочно или нет. Хронист утверждает, что «лекарство убило Мутесу потому, что он не соблюдал условий его приема. Ему велено было не есть соли и ни на кого не сердиться».

Царствование Мутесы закончилось 10 октября 1884 г. Проществовав необычно, он и похоронен был не так, как его предки. Мутеса распорядился, чтобы его тело не бальзамировали, а сожгли. Но самое главное — Мутеса распорядился, чтобы его похороны не сопровождалась смертями других людей, как это было принято в Буганде. В результате после смерти Мутесы не было внутренней войны с ее убийствами, грабежами и кровопролитием. Такого до тех пор в Буганде после смерти кабаки никогда не случалось. Для Мутесы была построена специальная усыпальница, которая стоит и почитается в Буганде по сей день.

Мутеса Первый вошел в историю как правитель-реформатор, укрепивший свое государство и его военную силу, как африканец из внутренних районов, о котором знали в Европе и которым восхищались знавшие его европейцы. Умерев в дни, когда в Берлине на конференции по бассейну реки Конго готовился очередной этап раздела Африки, он успел выдвинуть и апробировать идеи, которые могли бы осложнить раздел континента. Например, Мутеса попытался использовать противоречия между европейскими державами и столкнуть их между собой. Он также сумел понять, что африканским народам перед лицом общего врага необходимо объединяться. Уже хотя бы поэтому он был действительно Мутесой — «дающим мудрые советы».

А. С. Балезин

МУХАМЕД ТУРЕ

На протяжении почти сорока лет этот человек правил в Сонгаи, крупнейшим государством Африки, существовавшим с середины XV до конца XVI в. и простиравшимся в годы наивысшего расцвета от берегов Атлантического океана до озера Чад. После падения Мали в этом районе не было сколько-нибудь значительных политических объединений. «Каждый на своем клочке земли считал себя государем», — писал хронист в «Истории Судана». Но на берегах Нигера, вокруг города Гао на землях народа сонгаи уже поднималась новая сила, вскоре ставшая главной в этом регионе. Территориальный рост Гао и превращение маленького «княжества» в огромную державу начались с правления в 1464 г. Али Бера Великого. Политическая ситуация благоприятствовала его честолюбивым замыслам. Купечество крупных городов — Том-букту, Дженне и других — нуждалось в сильном покровителе, который мог бы обеспечить безопасность дорог и торговли. Новый завоеватель практически не встретил серьезного сопротивления.

Хроники восхваляли его как великого воина, не знающего поражений, но в то же время говорили о нем, как о порочном тиране. Ведь он во многом продолжал оставаться по существу традиционным правителем, совершавшим после молитв в мечети обряды культа предков и плодородия. Долгое правление *сонни* (титул правителя. — Э. Л.) Али (27

лет) было заполнено походами. В результате он установил контроль как над районами золотодобычи, так и над караванными путями на север. Сложнее было привести к покорности торговые города, где мусульманская верхушка и купечество, хотя и жаждали сильной власти, но не хотели упускать из рук немалые прибыли. Поэтому местная знать организовывала заговоры, натравливала кочевников-туарегов и т. п. Но притязания последних на большую долю добычи привели к тому, что жители Томбукту сами призвали Али, а Дженне после ряда осад сдался на милость победителя.

Жизнь Али Бера прошла в походах, в походе нашла его и смерть в 1492 г. Его дело собирателя земель продолжил Мухамед Туре, бывший аскией (военачальником) в его войске. Он заслужил храбростью и воинским умением популярность и поддержку воинов и выступил против сына Али. В борьбе с ним он проявил как военные, так и дипломатические способности и сумел стать единоличным правителем (с 1493 г.).

За его долгое правление окончательно сформировалась громадная Сонгайская держава. Правда, ее точные границы установить, вероятно, невозможно. Причиной тому — и скудость источников, и неустойчивость центральной власти, и временные отпадения пограничных областей, населенных в основном кочевыми племенами. Недаром источники говорят, перечисляя разные области Сонгаи: «...и далее, насколько позволяла добрая воля кочевников».

Типичными были, например, отношения с туарегами. Вольнолюбивые и подвижные, они то признавали власть центрального правительства, то откочевывали или просто прекращали выплачивать регулярную дань как знак признания вассалитета. В конце концов они пошли на службу сонгайским правителям, составив мобильные отряды, которые посылались на соседей (например, в 1546 г. — на Марокко).

Однако главное направление деятельности Мухамеда Туре — не столько завоевание новых земель, сколько проведение внутренних реформ. Его можно считать «великим строителем державы». Прежде всего он создал необычную для африканских доколониальных государств административную систему, основанную не на родственных или этнических структурах, а на территориально-функциональном принципе. Правда, старые местные правители завоеванных сонгаями областей еще сохранялись, но рядом с ними существовали и «царские» сановники, и наместники крупных областей, которым они подчинялись. Как правило, ими становились военные деятели, получавшие эти должности в награду за воинские доблести. Особые «*мундио*» (правители-контролеры) были во всех торговых городах, племенах кочевников и т. д.

Впервые в практике африканских доколониальных государств, где существовали лишь ополчения, Мухамед Туре разделил подданных на «войско» и «народ». Прежде в случае необходимости на бой выходили все взрослые мужчины, бросая свои обычные занятия. Не было ни специального обучения, ни арсеналов, ни запасов продовольствия. Армию на марше сопровождал громоздкий обоз, что весьма затрудняло переходы. Теперь же появилось обученное и мобильное войско, а «народ» не прерывал традиционной хозяйственной деятельности, бесперебойно обеспечивая продовольствием и себя, и войско, и все государство. Кроме того, отстранялись от службы беднейшие, самые беспокойные и ненадежные слои населения.

Как и в Мали, в Сонгаи основой экономики и могущества государства оставалась монополия торговля золотом и солью. Однако Мухамед Туре обратил внимание и на внутреннее экономическое развитие страны. Значительно расширилась площадь сельскохозяйственных культур, в основном за счет создания особых сервильных поселений. Они создавались для работы пленников, которых снабжали землей и обязывали (как и свободных общинников) сдавать часть урожая. Они, как пишут хроники, «работали под наблюдением надсмотрщиков с барабанщиками и флейтистами, задававшими ритм труда... а урожай шел на прокормление воинов аскии». Таким образом была создана целая сеть поселков, принадлежавших двору.

Возникали и своеобразные «касты» — замкнутые группы людей, прикрепленных к одному занятию — кузнечному делу, другому ремеслу, службе при дворе. Как и другие восточные владыки, захваченных полоняников использовали и как строители: «Аския захватил... пятьсот строителей и четыреста увел в

Гао, дабы использовать их для себя... вместе со строительными орудиями. Брату же своему (а тот строил свою резиденцию наместника западных областей), Омару Кондыаго, он пожаловал оставшуюся сотню». Вспомним, что такими же методами в другом конце Земли отстраивал Самарканд хромой Тимур.

Одновременно происходило и формирование единого, относительно замкнутого верхушечного слоя, в котором значительное место занимала мусульманская знать. В первые годы своего правления Мухамед Туре даровал ей немалые привилегии, соглашался даже на относительную автономию городов. Хронист писал так: «Все это было в начале его деятельности ради согласия сердец его народа. Когда же власть его укрепилась и государство утвердилось, аския от всего этого отступил». Но к этому времени кадии, имамы, купцы-мусульмане уже вошли в господствующую верхушку, создав впервые в истории Западного Судана единый господствующий слой, сумевший объединить в своих руках руководство всеми сторонами общественно-хозяйственной, военно-политической, идеологической жизни.

Мухамед Туре старался показать себя правоверным мусульманином, продемонстрировав это хаджем в 1496—1498 гг., который имел и политический смысл. Он раздавал золото как обязательную милостыню, встречался с видными богословами и правоведами. Рассказы о нем изобилуют и фантастическими подробностями о пророчествах, встречах с джиннами и т. п.

По возвращении ему пришлось столкнуться с необходимостью оборонять рубежи страны от набегов соседей как с юга, так и с запада, откуда началось постепенное проникновение народа фульбе, завоевавшего в XVI в. средний Нигер и основавшего там свое государство.

Как мусульманин, Мухамед имел большой гарем и множество детей. Среди группы наследников созрел заговор, и в 1529 г. один из его сыновей, Муса, заставил отца отречься от власти и объявил себя правителем. Только в 1537 г. Мухамед Туре был возвращен из ссылки и вскоре умер. После его смерти наступил сложный период в истории Сонгаи, отягощенный смутами, усобицами, частой сменой власти.

Лишь время правления одного из его сыновей — Дауда было, пожалуй, относительно спокойным. Автор «Тарих аль-Фатташ» (см.) писал о нем: «Этот мир ему споспешествовал — он получил то, чего желал от власти и главенства, и к нему пришли обширные мирские богатства. Он следовал за своим отцом аскией Мухамедом, и братьями своими. Они посеяли для него, он же собрал урожай. Они выровняли землю, Дауд же пришел и на ней спал. И не было в стране... того, кто поднял бы руку, и нашел он их в день восшествия на престол покорными послушными рабами».

Что же касается других потомков Мухамеда, то им удавалось продержаться у власти то три, то полтора года, а то и несколько месяцев. Восставали наместники, волновались в сервильных поселениях невольники. Государство ослабело и не смогло оказать серьезного сопротивления новому грозному врагу с севера. Тогда здесь появилось марокканское войско под командованием Джудара, принявшего ислам испанца. Марокко уже давно стремилось захватить соляные копи Текказа, так как те, кто владел ими, владел и всеми выгодами торговли в Западной Африке. Сейчас же появился и повод для вмешательства в дела Сонгаи и для захвата вождельных копей. В 1589 г. бежавший в Марокко авантюрист объявил себя братом аския и обратился к султану за помощью. Как и полякам было безразлично, пришел ли к ним подлинный царевич Дмитрий или Гришка Отрепьев, так и марокканского султана не заботило истинное лицо беглеца. Важно, что этот предлог возник в нужное время в нужном месте. Так начался поход на Сонгаи. Несмотря на военное сопротивление, вторжение закончилось полной победой марокканцев в битве у

Гао. Ни отдельные сражения последнего аскии Исхака II, ни попытки найти компромисс на основе принятия марокканского подданства успеха не имели. Сонгаи перестало существовать. Ничего не изменила и попытка восстания в Томбукту в 1593 г. Главными причинами падения великой державы авторы хроник называют «заносчивость и бесстыдство знатных и возмущение рабов».

МУХАММАДУ РУМФА

Имя этого правителя Кано, одного из городов-государств народа хауса, в 1463—1499 гг. — одно из самых памятных. Именно к этим областям, населенным хауса, перешло политическое и торговое лидерство в саванной зоне Западной Африки после падения Сонгаи. История района воссоздается благодаря местным городским хроникам, написанным частью по-арабски, частью на хауса усовершенствованным арабским шрифтом *аджами*. Народ хауса не создал до XIX в. сколько-нибудь крупного единого политического объединения. История его сложилась своеобразно — сформировалась одна из немногих в доколониальной Африке зона городской цивилизации. Каждый из городов с окрестностями представлял собой самостоятельное единство, своеобразный город-государство. Это были торгово-ремесленные центры, причем иногда четко профилированные. Так, Кано славился тканями и красильщиками и назывался «царь индиго», самый южный, через рынки которого с юга шли невольники для продажи на север, — Зегзег — «царь рабов», а Гобир, имевший большие воинские отряды, — «царь войны», лежащие на перекрестии караванных путей Даура и Кацина, — «цари рынков»... Города по мере необходимости (в основном для сохранения контроля над торговлей или перед военной угрозой) вступали во временные объединения, причем вчерашний противник мог стать сегодня союзником, и наоборот. Лежащие на западе города нередко либо входили в состав Сонгаи, либо вместе с ним выступали против других хаусапских городов. В разные годы то один, то другой город выделялся и занимал ведущее положение. Наиболее остро проходило соперничество между Кано и Кациной.

Вероятно, с конца XIV в. в стране хауса появился ислам, который принесли торговцы диула. Как и везде в Африке, он впитал в себя и традиционные элементы верований, в частности культ деревьев. Мечети строились на привычных священных местах. «Хроника Кано», в частности, пишет: «*Сарки* (титул правителя. — Э. Л.) приказал всем городам в стране Кано соблюдать время молитвы. И они все так делали. Под священным деревом была построена мечеть, и в установленное время там пять раз совершались молитвы».

Во время правления Румфа Кано становится центром мусульманской учености, сюда приезжают *маламу* из Северной Африки, привозят книги, создают библиотеки и коранические школы, проводят научные диспуты. Для него известный богослов ал-Магили написал «Обязанности правителя» — трактат об искусстве управления страной. Румфа активно занимался строительством и укреплением города, проводил реформацию войска, контролировал торговлю, следил за поступлениями в казну (в том числе реквизируя имущество подданных), совершенствовал систему управления, в которой значительную роль стали играть невольники-евнухи, и т. д. В среде свободного ремесленного и земледельческого населения складывались своеобразные этнокастовые группы, когда за ними закреплялась производственная или даже военная специализация. Невольники же сохраняли свое неравноправное положение лишь одно-два поколения. Уже дети невольников получали земли в наследственное владение и не могли быть с них согнаны и проданы. Верхушка же общества накапливала немалые богатства, правители жили в разукрашенных дворцах, содержали многочисленные гаремы. Население города, по-видимому, насчитывало не менее 60 000 человек.

К этому правителю можно было бы отнести характеристику, которую «Хроника Кано» позднее дала одному из его преемников: «Придворные любили его, но простой

народ его ненавидел». Однако с недовольством народа Румфа и его соседи справлялись, и только на рубеже XVIII—XIX столетии оно выплеснулось в мощное восстание, охватившее громадные территории Западной Африки.

«Кано — это большая провинция, удаленная примерно на 500 миль к востоку от Нигера. Эту провинцию населяют многие народы, которые живут в деревнях и занимаются разведением баранов и коров, а другие обрабатывают землю. В этой провинции родится много зерна и риса, а также хлопка. В ней есть много необитаемых гор, покрытых лесом и имеющих источники. В этих лесах много диких апельсиновых и лимонных деревьев, плоды которых тем не менее по вкусу мало отличаются от культурных апельсинов и лимонов. Посреди этой провинции находится город, откуда она получила свое название. Он окружен стеной, построенной из столбов и глины. Жители города цивилизованны. Это ремесленники и богатые купцы».

Еще один важный хозяйственный культурный центр хауса и соперник Кано — Кацина, крупный торговый город, где находились отдельные кварталы ремесленников и торговцев из разных стран. Особенно славились кожевники, искусно выделывавшие тончайшую кожу и изделия из нее, пользовавшиеся большим спросом по всей Западной и Северной Африке. Роль города в караванной торговле и его богатство еще больше выросли после падения Сонгаи, до того монополизировавшего торговые связи региона с внешним миром. По некоторым оценкам, численность его населения приближалась к 100 000 человек. Один из путешественников, Г. Барт, писал: «Здесь достигла своей вершины та ступень цивилизации, которая определялась торговлей с арабами. Здесь развился и достиг необычайного богатства форм и утонченности произношения язык хауса». Помимо видных ученых и богословов из Египта и Ливии здесь работали и местные уроженцы, выразители самобытной хаусанской культуры, такие, как дан Марина и дан Масани. Полагают, что эти годы стали временем отхода от ученичества и создания собственных научных школ.

В середине XVI в. поднимается еще один город хауса — Заззау (Зария). Его подъем связан с именем правительницы Амины, которая «покорила их (города хауса. — Э. Л.) своим мечом и сделала их... своими данниками». Как видим, даже при господстве ислама в Африке возможно правление женщины. Это не случайно — институт соправительниц, носивших титул «мать» или «жена» царя, известен с глубокой древности. Еще римляне столкнулись с такой женщиной при походе на Мероз (в современной Республике Судан), в средневековые следы этого установления встречались во многих государственных образованиях Африки южнее Сахары. Но лишь у немногих народов оно сохранилось надолго. Так, в Центральной Африке такие женщины — «лукокеша» у лунда, «мапа-ньими» у куба — правили еще в конце XIX в., три великих женских правления были на Мадагаскаре, а у ганда в Межозерье «намасоле» и «лубуга» сохраняли свои титулы и власть до 60-х годов XX столетия. Нередко женщины возглавляли восстания и войны, как Анна Нзинга (см.) и ее сестры или Беатриче (см.).

ОСЕЙ ТУТУ

Предки ашанти и других народов языковой группы акан появились в лесной зоне и на побережье Гвинейского залива (на территории современной Республики Гана) около 1200 г. Древнейшим центром был город Боно-Мансу. Он возник в XV в. как очаг торговли золотом — недаром эта страна в бытность английской колонией (до 1956 г.) именовалась Золотой Берег. Еще и сейчас можно увидеть руины этого города в 180 км к северу от Кумаси, главного города ашанти.

В этой зоне на протяжении XVI—XVII вв. возник целый ряд небольших политических объединений (вождеств), связанных как мирными торговыми, так и военными, соперничающими отношениями. Ашанти, как и соседние народы, не имели собственной письменности, и их история до XVII в. сохранилась лишь в устной традиции

— исторических преданиях, передаваемых от поколения к поколению. Согласно им прародительницей народа была Ауру Поку, приведшая народ в места его нынешнего обитания. Первым легендарным правителем Кумаси был Кебиа Аманди в начале XVII в., а правителем конфедерации — Осей Туту, почитаемый и ныне. Именно с его именем связывают в конце XVII — начале XVIII в. создание единого политического союза, объединившего дотоле разрозненные и изолированные этнополитические организмы. В течение века ашанти боролись за укрепление центральной власти, постепенно захватывая земли соседей и увеличивая свою территорию. Главной целью этой политики было установление контроля над торговыми путями, соединявшими юг, побережье Гвинейского залива (а здесь уже появились европейцы — сначала португальцы, которых сменили голландцы, а затем англичане) и север — сахельскую зону Западной Африки. К концу XVIII в. под прямой властью либо под контролем конфедерации были объединены земли от нынешней Либерии до Республики Бенин, где в то время сильнейшим «государством» была Дагомея. Подъему значения Ашанти способствовало падение Сонгаи (см. статью «Мухамед Туре») под ударами марроканцев в конце XVII в. Окончательное оформление конфедерации произошло в правление Опоку Варе (прибл. 1720—1750). В границах, сложившихся к этому времени, конфедерация Ашанти просуществовала до 1820-х годов.

Наиболее знаменитый правитель этого союза — Осей Коджо (прибл. 1764—1777). Он был незаурядной личностью, выдающимся политическим деятелем, проводившим важные реформы. Главной задачей он считал усиление центральной власти и создание единой военной структуры. Во вновь подчиненные области он посылал своих эмиссаров из числа знати Кумаси — ядра конфедерации, которым вменялись в обязанность контроль над местными правителями, сбор дани и организация войска. Очень важным нововведением была его ставка на создание новой, служилой знати в противовес родовой. На административные посты (а было создано 146 новых) назначались в зависимости от компетентности и личных связей, а не от родовитости.

Его преемники продолжали его политику и внутри страны, и вне ее. Основной задачей внешней политики была борьба за выход к морю и установление прямых торговых контактов с европейцами, которые в обмен на золото и невольников снабжали своих партнеров-африканцев огнестрельным оружием, порохом и военным снаряжением. Ашанги вышли к побережью Гвинейского залива, обложили данью фанга, за что Осей Туту Кваме (1800—1823) получил прозвище Бонсу (Кит). Под властью Кумаси в это время было окопо 3 млн. человек. Внутренняя политика его была направлена на усиление личной власти и укрепление позиций новой знати, представители которой постепенно вытесняли с основных постов родовую знать.

Со времени Осея Туту и его преемников до самого последнего времени сохранялась административная структура конфедерации. Власть главы конфедерации асангедене не была единоличной. Все решения принимались после тщательного обсуждения Советом старейшин, в который входила и соправительница — *асантехема*. Возникнув сначала как чисто военный совет, он позднее стал решать и судебные дела, и вопросы, связанные с наследованием власти. Еще один совет, «Котоко» (дикообраз), с включением более мелких носителей титулов, выполнял административные функции. Помимо традиционного Совета Старейшин он создал *абан* — своеобразное правительство из трех ведомств — хозяйственного (с подразделением на финансовое и управлявшее ремесленниками), политического и административного, занимавшегося внутренним управлением страны. Появилась и своеобразная ассамблея, объединявшая правителей областей. Она созывалась нерегулярно. Но обсуждались и решались на ней такие важные вопросы, как, например, изменение характера дани. Дело в том, что в ряде европейских держав уже в начале XIX в. официально была запрещена работорговля, и такого количества невольников (а они составляли значительную часть дани местных областей центральной власти) уже не требовалось. Решено было увеличить долю золота. Появился и новый социальный слой — *адамфо* (букв. — «друг») — специальных лиц-

посредников из старейшин Кумаси, которые связывали местных правителей со столичным двором. Они помимо постоянного информирования о положении на местах отвечали за сбор дани, представляли *асантехене* на различных ритуалах (например, похоронах глав областей — *сшанов*), выполняли они и функции судьи, улаживая спорные вопросы наследования, и т. п.

Помимо дани с покоренных областей и «налогов» в натуральной форме с общинников залогом благосостояния и могущества верхушки общества был монопольный контроль над торговой деятельностью. Ашанти отправляли на север орехи кола, игравшие большую роль в жизни (они обладают тонизирующими свойствами) и ритуалах народов Западной Африки. Торговали они и слоновой костью, и сушеной рыбой, и невольниками, а главное — золотом. Золотой песок стал и основной мерой стоимости. Для взвешивания его использовались гирьки, бывшие настоящими произведениями литейного искусства. Они изображали птиц, зверей, сюжетные сценки, одновременно служившие иллюстрациями народной мудрости — пословиц, сказок, притч. Так, изображение четырех туканов, пьющих из одного источника, напоминало о необходимости мирной жизни с соседями. Две головы крокодила, выраставшие из одного материнского тела, утверждали право на самостоятельность и индивидуальность. Другой тип гирек представлял собой плоские куски металла, украшенные выступами, спиралями, завитками. На первый взгляд — это орнаментика, на деле же — оригинальная система записи цифр, разработанная ашанти.

Общество делилось на три главные устойчивые социальные группы — знать, свободные общинники и зависимые слои. В соответствии с этим регламентировалась вся жизнь человека. Принадлежностью к той или иной группе определялась одежда и украшения. Мужская верхняя несшитая одежда *кенте* — широкое полотнище ткани, закинутае через левое плечо, — шилась из ткани определенных цветов и со строго регламентированным рисунком. От положения в обществе зависели и размер жилища, и количество жен (здесь господствовала полигамия). Старая родо-племенная знать, связанная узами матрилинейной родовой иерархии, стала постепенно оттесняться новой, служилой *асомфо*, выдвинувшейся благодаря личным заслугам. Так, известно, что некий Аджей, один из богатейших и влиятельнейших *асомфо* в начале XIX в., в молодости был носильщиком в торговых караванах, а во второй половине этого же века это звание давалось даже европейцам. С вовлечением ашанти в активную торговлю с европейцами появилась еще одна новая категория знати — *сикафо* (богатые торговцы).

И в период создания конфедерации, и на всем протяжении ее существования (да и в наши дни) немалую роль играла, государственная идеология, базирующаяся на культе предков правителя и сакрализации его власти, символами которых были «королевские» регалии — «стул», хвост слона, меч. В зависимости от ранга они были простыми или серебряными (у заместителей *асантехене*). Атрибуты и символы верховной власти — золотой хвост слона «Сикамена», меч Босоммуру или Асанте Афсна, главная же регалия — золотой трон «Сикаджуа» в виде деревянной скамеечки, украшенной золотом, цепями и изображениями голов поверженных врагов. Одаривание «Сикаменой» означало признание равенства дарителя и того, кому дар предназначался. Показательно и символично, что в 1820 г. Осей Бонсу передал в дар английскому королю Георгу III хвост слона, сделанный из тонких золотых проволочек. Джуа — скамеечки-символы власти вождей разных рангов, в которых, по представлениям ашанти, после смерти владельца жила его душа, отличались от *аконнуа* простых ашанти богатством отделки, резьбы и аппликаций. Держали их всегда опрокинутыми, чтобы злые духи не могли на них сесть и завладеть душой человека, после смерти владельца их чернили сажей с яичным порошком и помещали в особый «*нконнуа фиесо*» («дом скамеечек»). Лишь во время праздников их вынимали, совершали жертвоприношения и обряды очищения. Золотой трон верховного правителя олицетворял собой благосостояние всего народа. Поэтому во время очередной

войны с англичанами в 1896 г. его спрятали, зарыв в землю. Когда же английский наместник Ходжсон в 1900 г. потребовал выдать ему золотой трон, это вызвало восстание.

С начала XIX в. активизировалась деятельность англичан, которые поддерживали противников асантехене и сепаратистов в Ашанти, заключая с ними отдельные договоры и ослабляя таким образом центральную власть. Весь XIX век прошел в борьбе с когда-то главным торговым партнером, а теперь основным противником — Великобританией. В результате нескольких англо-ашантийских войн, хотя и давших таких героев сопротивления, как Премпе I (1885—1895), но закончившихся поражением ашантийцев, конфедерация Ашанти потеряла независимость. Формально она была воссоздана в 1935 г. Династическая линия продолжается и поныне. Система вождей и традиционных правителей еще сохраняет некоторое значение в современной Гане.

ОСМАН ДАН ФОДИО

С именем этого человека связано крупнейшее социальное движение начала XIX в. в Западной Африке, часто называемое «джихадом» фульбе. На территории современной северной Нигерии, на землях хауса, сложилась непростая обстановка. Уже в XVI в. здесь обосновались многочисленные скотоводы-фульбе. Это кочевой народ, происхождение которого до сих пор вызывает споры исследователей. Его связывают с древним населением и Сахары, и Северо-Восточной Африки, и даже Ближнего Востока. Остановившись сначала на самом западе континента, они постепенно, начиная с рубежа XVI—XVII вв., расселились по всей Западной Африке вплоть до северного Камеруна. Они приняли ислам и долгое время считались самыми право верными мусульманами Западной Африки. Отдельные представители знати фульбе, ученые «маламы» служили при дворах крупных государств — Мали и Сонгаи. В процессе массового расселения фульбе основывали и свои собственные государства — Фута-Торо и Фута-Джаллон (на территории современных Сенегала и Гвинеи) и Масину (на землях современного Мали). Многочисленные кланы фульбе расселились и на землях хауса. Здесь, в городах Капо, Гобир и других, сложилась сложная дифференцированное общество. Имущественное и социальное неравенство дополнялось этническими и конфессиональными противоречиями. Скотоводы-фульбе переходили к оседлости, начинали заниматься земледелием, занимали якобы пустующие земли (на деле пустоши входили в технологический цикл переложного земледелия) и выводили их из сельскохозяйственного кругооборота, что вело к перенагрузке почвы и снижению плодородия, а следовательно, урожая.

Большинство населения области формально исповедовало ислам, но на деле значительная часть жителей страны продолжала следовать традиционным культам, лишь слегка прикрытым исламской обрядностью. В среде мусульман также росла напряженность. Духовенство и образованные хауса (маламы) мало заботились о благочестивых деяниях, основное внимание уделяя мирским (главным образом, торговым) заботам. Маламы из среды фульбе считали себя более благочестивыми, больше связанными с сельской средой, где жизнь была более сложной, они были ближе к простому люду, его заботам и чаяниям. Неудивительно, что их призывы к «очищению», возвращению к истокам ислама, быстро нашли отклик у населения, которое было задавлено непосильными налогами (например, *сарки* — правитель города Гобир ввел даже налог на забор). Общее недовольство вылилось в восстание, во главе которого встал Осман дан Фодио. Внешне религиозное, по сути своей оно было социальным.

Осман дан Фодио родился в 1754 г. в семье коранического учителя и образованной знатной женщины (что нечасто в исламской среде), это подтверждается и его именем — «дан Фодио» означает «сын образованного человека». С детства он постигал основы богословия и арабской культуры, немало странствовал, ища достойных учителей, совершил хадж, а с 1774—1775 гг. начал заниматься преподаванием и просветительством.

Он решительно осуждал доисламские обычаи и традиции, создал общину «истинных» мусульман, к которой присоединилось много недовольных положением в Гобире.

Это вызывало беспокойство правящей верхушки. Находившийся в то время у власти Бава на рубеже 1788—1789 гг. вызвал его во время важного мусульманского праздника Ид аль-Кабира, замышляя его убить. Однако Осман прибыл с многочисленными сторонниками (его сопровождало около 1000 человек). Он произвел столь сильное впечатление своей ученостью, что был задержан местным духовенством и признан достойным заниматься деятельностью проповедника. Но его интересовали и мирские заботы. Он добился для своих сторонников отмены налогов, которые посчитал «незаконными», освобождения всех заключенных. Это была первая, духовная победа будущего руководителя восстания.

Активная проповедническая деятельность дополнялась научной и литературной. Среди произведений, им написанных, были и такие, в которых он прямо настаивал на необходимости выступления правоверных мусульман. В них выдвигались социальные требования, хотя и прикрытые флером религии. Так, местные правители (а не все жители страны) обвинялись не только в сохранении языческих обрядов и введении «нешариатских» налогов и наказаний, но и во взяточничестве, принудительном наборе в армию, получении подарков за назначение на должность, коррупции.

Непосредственным толчком к началу движения считаются антиисламские шаги нового сарки Нафата, который запретил обращать молодежь в ислам, вести проповедническую деятельность, требовал возвращения новообращенных к «вере отцов». Началом же считается 21 февраля 1804 г., когда произошло открытое столкновение Османа дан Фодио, освободившего из-под стражи своих сторонников, и конницы Гобира, получившей от сарки приказ арестовать его за это. Атаку удалось отбить. К Осману стекались сторонники — и хауса, и фульбе, недовольные порядками в стране. Его избрали *амир аль-муминны* — официальным главой мусульманской общины.

А в июне 1804 г. произошло первое сражение, в котором повстанцы заставили бежать конницу правившего в то время в Гобире Юнфы. После этого успеха восстание стало шириться, к нему присоединились многие сельские общины и жители Замфары и других городов, бывших давними врагами и соперниками Гобира. После нескольких неудач, к 1805 г. ряды восставших пополнились за счет новых сторонников на западе владений хауса. Они, захватив Кебби, закрепились в г. Гванду, ставшем их основной базой. В том же году к восставшим присоединились жители восточных районов.

В местечке Магали на встречу с Османом дан Фодио прибыли религиозные лидеры из 15 городов, включая крупнейшие из них (Кано и Кацина), как хаусанские, так и за пределами земель хауса (Борну, Нупе, Илорин). Все они принесли присягу и возглавили движение в своих городах. Восстание охватило большие территории. Руководящую роль в них стали играть религиозные лидеры — фульбе. Но массы восставших объединяли не только фульбе, но и хауса, и представителей других этносов. Хауса, бедняки-горожане нередко впускали восставших в города, как это было, например, в Кано. Основное острие «джихада», как его именовали участники движения, было направлено против богатого купечества и знати. В 1804 г. под натиском восставших пала Зария, в 1805 г. — Кацина, в 1807 г. — Кано. К 1808 г. была захвачена Алькалава (столица Гобира), часть жителей бежали из города, остальные были обращены в ислам.

На землях, рсказавшихся в руках победителей, сложился единый политический организм — халифат Сокото. В 1809—1810 гг. Осман дан Фодио создал новую административную структуру. Он попытался осуществить программу, которая была им определена еще в 1806 г. в трактате «Байан вуджуб аль-хиджра ала л ибади». Она предусматривала принцип сменяемости правителей, их выборность, коллективное управление. Терпимость, справедливость, милосердие объявлялись основными задачами власти. И духовная, и политическая власть оставались в руках Османа дан Фодио, но ненадолго. Вскоре он полностью сосредоточился на религиозных занятиях, а управление

передал своим родственникам. Он вел уединенный образ жизни, занимаясь литературным трудом, идеологически обосновывая и оправдывая восстание. Еще при жизни, а тем более после смерти в 1817 г. его почитали как «заступника правоверных», сравнивая его деятельность с деяниями пророка Мухамеда.

А его владения к 1812 г. были разделены на западную и восточную части, где воцарились его сын Мухамед Белло и его брат Абдуллах. Хотя могуществу старой хаусанской знати был положен конец, идеального государства, основанного на равенстве, не получилось. На смену ей пришла новая группа служилой знати, главным образом военачальники, назначаемые из Сокото, она не меньше прежней стремилась к власти и богатству, а отнюдь не к справедливости, провозглашенной когда-то Османом дан Фодио. Сохранялась прежняя система должностей и земельных пожалований. Была усложнена налоговая система. Значительно усилилось влияние мусульманских судей, включенных в верхушечный слой знати. Усиление и власть эмиров. Начала складываться замкнутая сословно-кастовая система, в которой нефульбское население объявлялось «хабе» (неверными) и испытывало дополнительный гнет. Строго соблюдалась барщина, началось закабаление простых общинников. Многие исследователи считают, что в государстве Сокото стал складываться феодальный строй.

НДЖОЙЯ

Этот последний независимый султан раннегосударственного объединения Бамум в современном Камеруне был незаурядной личностью. Он был еще мальчиком, когда в 1888 г. умер его отец Нзангу. Первые два года его мать была регентшей, а с 15 лет он начал править страной самостоятельно. Он получил в наследство страну с древней историей. Первым ее *мфу* (верховным правителем) был Нчаре, объединивший в начале XVII в. в своих руках власть как над всеми группами бамум, переселившихся в это время с севера, так и местными племенами. Нчаре создал сравнительно прочное объединение завоеванных территорий. Формирование Бамум завершилось в конце XVIII в. в правление Мбусомбво. Были заложены основы формирования организационной структуры, начался раздел земель между главными линиями — особенности экономической и политической жизни бамум сохранились до начала XX в. Тогда же возникла и столица — Фум-бан. Эта резиденция была типичным «протогородом». Внешне она, как и резиденции многих других правителей раннегосударственных объединений в Центральной Африке, мало (разве что размерами) отличалась от других поселений. Однако функционально это было уже иное образование. Это прежде всего управленческий центр, средоточие власти — политической, судебной, фискальной. Население столицы составляли обладатели высших административных должностей, многочисленные придворные, челядь, ремесленники, обслуживавшие двор, рабская гвардия, несущая охранную службу. Все жители Фумбана были свободны от налогов. Для обеспечения двора продовольствием существовали особые «дворцовые» земли. Остальные жители столицы покупали продукты на рынке. Так административный центр становился и торговым.

Власть *мфу* носила сакральный характер, что типично для правителей доколониальной Африки. Считалось, что после смерти его душа воплощается в маски. В управлении государством принимала участие и мать *мфу*. Действия же его контролировал совет знати. В столицу в распоряжение главы государства стекались налоги со всех земель. В XVIII—XIX вв. (о более ранних периодах истории социальных отношений в Бамум судить трудно из-за отсутствия достоверных источников) складывались раннефеодальные отношения, начиналось постепенное закабаление свободных общинников, выделялась и наследственная аристократия. Рабовладение же существовало только как уклад.

За XVIII—XIX вв. сложилась целостная экономика, основанная прежде всего на прямой эксплуатации завоеванных земель, но с добавлением торговых отношений —

процветала торговля солью, жемчугом, медью, хлопком. Наибольшего могущества Бамум достиг во время правления Мбуамбуа (примерно середина XIX в.). Этот правитель значительно расширил территорию государства, а завоевание и присоединение новых земель изменили экономику. Началось накопление богатств в руках суверена, увеличилась раздача земель, и упрочились позиции знати, появилась возможность организовать сервильные поселения, где поля возделывали пленники, развивались ремесла, а следственно и торговля. В политическом плане это время характеризовалось конфликтом родовой знати и «новых людей», который привел к междоусобной борьбе. Лишь воцарение Нгувуо, одного из высших сановников правителя, принесло успокоение. Лишь к концу XIX в. была восстановлена старая династия. Правитель, восстановивший ее, опирался на провинциальную власть и «новую элиту».

Расцвета государство добилось во время правления Нджойя. В это время значительного развития достигли ремесла, особенно ткачество и обработка металлов. Нджойя пытался использовать инженерный опыт европейцев — в эти годы уже начались активные контакты с торговцами и путешественниками. Еще ранее значительная часть бамум была исламизирована. На рубеже XIX—XX вв. начали работу немецкие миссионеры. Продолжали развиваться и местные традиционные культы. Нджойя попытался создать особую религию, заимствующую элементы всех конфессий, однако успеха эта его инициатива не имела. А в 1896 г. он разработал собственную систему письменности. Она не была единственной в Африке. У многих народов континента бытовали различные системы передачи информации — мнемонические средства, своеобразный «барабанный язык», зарождалось и пиктографическое письмо. После появления ислама широко применялся арабский алфавит для записей на местных языках (у хауса, суахили и других народов). Но лишь некоторые создали свои системы письменности. Среди них только эфиопское письмо дожило до наших дней практически без изменений. Сложившиеся на западе континента (на территории современных Сьерра-Леоне и Либерии) слоговые системы народов ваи и менде были широко распространены в обществах — им учили детишек, на нем вели и переписку, использовали в деловых отношениях. Эта письменность исчезла уже к середине XIX в. Письмо, разработанное Нджойей, неоднократно перерабатывалось, упрощалось, сокращалось число знаков. Сначала это был набор 510 символично-пиктографических знаков, затем он сократился до 83 слогов и 10 цифр. Появились даже фонетические знаки. Были созданы школы по обучению этому письму. Записывались «История обычаев и законов Бамум», легенды, указы, «Королевский этикет», книга фармакологических наставлений, переводы фрагментов Библии и т. д.

В 1902 г. Бамум вошел в германские владения, государство утратило самостоятельность, не получила дальнейшего развития и письменность бамум. Нджойя стал, как и многие другие традиционные правители Африки южнее Сахары, чиновником колониального аппарата. После поражения Германии в Первой мировой часть Камеруна отошла Франции. В 1923 г. Нджойя был низложен, в 1931 г. изгнан в Яунде, где и умер в 1933 г. Память о нем жива до сей поры, и помнят его скорее как незаурядную личность, интеллектуала, создателя оригинальной письменности. В современном Камеруне, в его дворце в Фумбане создан музей, тщательно собирающий и памятники этой письменности. Существует даже идея возродить ее, создать печатный станок и маленькую типографию, печатающую фольклорные тексты.

НЗИНГА А НКУВУ

Этот *мани-конго* (верховный правитель) средневекового государства Конго был первым, принявшим христианство и заложившим основы долготетних связей своего государства и Португалии. Хронист Лука Ваддинг писал о плавании Диогу Кана в 1482 г.: «Кан достиг огромной реки Саирис (название Конго она получила по имени народа

баконго, создавшего свое государство. — Э. Л.) и поднимался по реке против течения и видел чернокожих язычников-эфиопов добродушного нрава и поведения, которых он, одарив безделушками, заманил на свой корабль, куда они пришли в самом веселом настроении. Они держались уверенно и без страха, Кан обращался с ними хорошо и, изъясняясь с ними жестами, сумел узнать, что ими правит очень могущественный царь, столица которого расположена выше по реке, в глубине страны. Кан отправил к царю несколько португальцев с подарками, наказав им собрать сведения о стране и людях, и привез с собой в Португалию четырех эфиопов, которых он задержал с их согласия, причем свято обещал им, что они возвратятся домой целыми и невредимыми».

Не случайно встреченные ими местные жители «держались уверенно и без страха» — они были из государства, существовавшего уже не одно десятилетие. Страна переживала в это время период мира и покоя. Процветали ремесла — кузнечное дело, ткачество (заезжие европейцы сравнивали местные ткани с дамаском, бархатом, парчой), гончарное дело, плетение, добыча и обработка металлов и т. п. Урожаи обеспечивали запасы на несколько лет, процветала торговля, возникла и единая меновая стоимость — раковины «нзимбу», на сбор которых существовала государственная монополия.

Новых пришельцев конголезцы встретили как равных и как возможных торговых партнеров и союзников. В 1485 г. вторая экспедиция Диогу Кана отправила к правящему тогда Нзинга а Нкуву послов, а потом, в 1487—1488 гг., прибыло и второе посольство (первых послов мани-конго, обласкав, оставил при дворе). Мани-конго с интересом выслушал рассказы о далекой стране и ее могущественном небесном покровителе и рассудил, что союз с ней был бы весьма выгоден. Хронист рассказывает: «...под незримым влиянием небесного озарения он открыл наконец Кану, когда тот собирался в отъезд, свое желание воспринять святохристианское учение и распространять его среди своего народа. Кроме того, португальскому государю были посланы ответные подарки, а также благородные отроки, вверенные попечению Закуты (Касуты), одного из тех людей, которые уже побывали в Португалии, с просьбой наставить их в истинной вере и как можно скорее прислать обратно с несколькими священниками, кои должны были обратить в христианство весь народ». Просили также прислать мастеров — каменщиков и плотников. Послы из далекой африканской страны, по слухам очень богатой серебром, были обласканы при дворе, крещены, причем крестными отцом и матерью Касуты были сам король Жуан II и королева.

Просьба мани-конго была уважена, и в составе третьей экспедиции Диогу Кана приехали и ремесленники, и миссионеры с церковной утварью. В марте 1491 г. она прибыла в порт Мпин-до провинции Сойо. Здесь была построена первая церковь и крещены мани-сойо (правитель провинции) и его сын. «И чтобы увековечить этот день, — писал Руй ди Пина, современник событий, — в память первой мессы... король приказал отныне и впредь под угрозой смертной казни отмечать этот день как большой праздник».

Отсюда миссионеры отправились в столицу страны, где их торжественно встретили. Мастера-португальцы заложили храм во имя святого Сальвадора. По этому храму столица и получила свое название — город Сан-Сальвадор. В день торжественной закладки был крещен мани-конго Нзинга а Нкуву, получивший имя в честь короля Португалии Жоау, затем группа знати, первая жена верховного правителя и Мвемба Нзинга, наследник, будущий мани-конго Аффонсу I.

Христианство далеко не сразу укрепилось в стране. Нередки были выступления против новой религии, а Жоау I даже отрекся от нее и вернулся к традиционным верованиям. Противники были и среди простого народа, и среди большой группы знати, которую возглавил один из сыновей правителя, Мпанзу а Нзима ма Китима. Противостояние вылилось в настоящую войну между традиционалистами и новыми христианами, поддерживающими наследника. Оно закончилось победой последнего. В Конго христианство стало надолго, до конца существования государства, господствующей религией.

Сын Афонсу I, крещенный Энрике, был включен в группу молодых людей, которые были посланы на обучение в Португалию. Рассказывают, что большинство с трудом привыкало к новому окружению, непривычному климату, незнакомой стране и быту. Энрике, напротив, ревностно занимался изучением латыни и теологии в монастыре святого Иоанна Крестителя.

По совету тогдашнего короля Португалии Мануэля I (1495—1521) христианский правитель Конго направил посольство к римскому папе Юлию II. Юного Энрике, которому было тогда 19 лет, включили в состав посольства, которое отправилось в Рим вместе с португальским посольством из Лиссабона. Однако, когда они прибыли 12 марта 1514 г. в Рим, стало известно, что Юлий II, которому были адресованы послания, умер несколькими днями раньше. Молодой Энрике был представлен новому папе Льву X как человек знающий, ревностный христианин, способный занять должность епископа для работы в Конго. Беседа с претендентом вполне удовлетворила главу церкви, однако потребовалось время, чтобы тот мог закончить образование в Португалии.

В 1520 г. Энрике был рукоположен в священники и вскоре получил сан епископа, год спустя он выехал в Конго. Его работа по христианизации помогала мани-конго укрепить престиж и силу центральной власти. Однако она продолжалась недолго — в 1526 г. молодой епископ умер от неизвестной болезни. Современные историки пишут о нем с большим уважением и считают, что «его жизнь — свидетельство существования слоя образованных африканцев, деятельность которых расцвела в золотые годы государства Конго»...

Однако уже в правление Афонсу I (1506—1543) стало ясно, что принятие новой веры и допущение в страну миссионеров, которые становились и советниками правителя, имеет и оборотную сторону. Торговля превратилась в работорговлю. Вначале сам мани-конго разрешил заниматься ею, рассчитывая, что при его контроле она даст ему дополнительный источник обогащения и, главное, возможность получения огнестрельного оружия. Однако работорговля развивалась столь бурно, что он оказался не в состоянии хоть как-то ее контролировать. Страна превратилась в громадный невольничий рынок, а попытки Афонсу воздействовать на работорговцев через правительство Португалии вели лишь к возникновению заговоров против него.

В народе работорговля связывалась с христианством, и поэтому движения против работорговли и верхушки общества, принимавшей в торговле невольниками активное участие, проходили под знаменем традиционных верований. Немало таких «мятежных вассалов» было усмирено воинами мани-конго. Участие португальских миссионеров и советников короля в работорговле разрасталось, особенно после создания плантационного хозяйства в Бразилии. Афонсу пришлось обращаться за помощью к королю Португалии, сообщая, что «уроженцев страны, сыновей земли, и сыновей нашей знати и вассалов, и наших родственников уводят как воров и людей с дурной репутацией». Попытки воздействовать на работорговцев через власти Португалии привели к нескольким заговорам, во время одного из которых в 1540 г. в мани-конго стреляли, когда он выходил из храма после службы.

Более успешно боролся с работорговлей его преемник Диогу (1545—1561) — под давлением народа он выслал из страны всех португальцев. После смерти Диогу им удалось поставить во главе Конго своего марионетку Афонсу II и вернуться в страну, но ненадолго. В правление Бернарду (1561—1567) недовольство португальцами вспыхнуло снова. Только нашествие воинственных племен жага с востока вынудило правителей обратиться за помощью к королю Португалии и пойти с ним на соглашение.

Страна вышла из войн ослабленной. Алвару I (1568—1587) пытался найти защиту у папского престола, отправляя в Рим письмо за письмом с просьбой прислать новых священников вместо запятнавших себя работорговлей, но успеха не добился. Таковую же попытку, и столь же безрезультатно, делает Алвару II (1587—1614). Тем временем Португалия меняет тактику — отказавшись от прежней политики, заключающейся в

стремлении руководить действиями правителей Конго через священников и советников, она переходит к прямому захвату страны. В 1622 г. португальские войска вторглись в страну, но потерпели поражение от войск мани-конго Педру, поддержанных народным движением. В поисках союзников против португальцев правители Конго заключили договор с голландцами, захватившими в то время Луанду, бывшую резиденцией португальского губернатора Анголы. Война этих союзников с португальцами и вставшим на их сторону правителем области Сойо — Даниала да Сильва велась несколько лет и закончилась поражением. Страна была опустошена и разграблена, усугубил бедствия налет саранчи. Франческо Романо писал в 1648 г.: «Старцы из этого народа, вспоминая о... счастливых временах, имеют привычку говорить: "Конго уже больше не Конго"».

Тем временем голландцы были изгнаны из Луанды, позиции португальцев укрепились, и Гарсиа II, бывший в то время мани-конго, был вынужден установить с ними более тесные отношения. Было отправлено посольство в Луанду, и после двухлетних тяжелых переговоров был заключен невыгодный для государства договор. Во-первых, согласно ему, испанцам, голландцам и подданным королевы Анны Нзинги (см.) запрещалось находиться на территории Конго. Во-вторых, любые отношения с Римом можно было вести только через Лиссабон — португальские власти хорошо помнили о жалобах правителей Конго прямо папе. В-третьих, король Конго и португальские власти в Анголе должны были оказывать друг другу «взаимную помощь в войне». В-четвертых, король Конго обязывался послать заложников в Луанду и выплатить большую пеню рабами (900 человек), слоновой костью и дорогими тканями. А самое главное, земли, где добывались раковины («монета», которой оплачивались все товары и услуги, в том числе жалование португальцам на службе правительства), переходили под власть португальцев, которые получили также право постоянно держать свой флот в устье Конго.

Центрбежные тенденции в политике правителей провинций, которые использовали народное недовольство мани-конго, пошедшими на союз с португальцами, в 1665 г. вылились в настоящую войну. В нее вмешались португальцы, и в битве при Амбуйле 29 октября 1665 г. войска Конго были разбиты. Эти события послужили толчком к распаду государства.

РУГАНЗУ I

Руганзу I, один из первых достоверных *мвами* — правителей Руанды (все упоминающиеся до этого в генеалогических списках — полулегендарные лица) в конце XV в. Считают, что Руанда, близкое ей Бурунди и более северная Буганда и другие — наследники древнего раннегосударственного образования Китара, сложившегося в этом регионе Африки, известном как Межозерье, еще в XIII—XIV вв.

Руанда и Бурунди имеют много общего в своих исторических судьбах. Они в числе немногих традиционных обществ, сохранявших самостоятельную государственность и почти не измененные границы практически до наших дней. Им свойственна была очень редкая социальная структура, включавшая своеобразные, довольно замкнутые этносоциальные страты, которые иногда даже называют кастами: высшую — тутси, ниже — хуту, самую низкую — тва. Они сложились еще в XV—XVII вв. и, во-первых, дали новую пищу «хамитской теории», во-вторых, заложили основы сложного политического противоречивого развития обществ, вылившегося в 70-90-е годы XX вв. в кровопролитные столкновения, доходившие до геноцида.

Основой для создания «хамитской теории», как и для многих других, послужило долгое время господствующее убеждение в неспособности самостоятельного развития африканских пародов. Их история и культура рассматривались как последо-натальное восприятие пассивными африканцами-негроидами внешних культурных влияний. В этой системе взглядов появление на континенте европейских колонизаторов воспринималось лишь как естественная очередная волна переселенцев с более высокой культурой.

Предлагались разные версии объяснения появления ставших известными на рубеже XIX—XX вв. памятников культуры. Немецкий африканист Л. Фробениус, например, видел в Африке зоны культуры индийского происхождения (в Северо-Восточной Африке) и остатки культуры атлантов (на юге современной Нигерии, в Ифе и Бенине). Памятники наскальной живописи на юге Африки приписывались народам Средиземноморья, руины Зимбабве — финикийцам и древним иудеям, мероитское искусство — древним египтянам, городская культура Западной Африки и восточного побережья Индийского океана — арабам и т. д.

В наиболее концентрированном виде идеи о культурной пассивности негроидных пародов, их неспособности к самостоятельному развитию получили выражение в так называемой «хамитской теории». Термины «хамиты», «хамитские» языки (от имени Хама, одного из сыновей библейского праведника Ноя) впервые были введены в научный оборот египтологом Р. Лепсиусом еще в XIX в. К африканистике его применил немецкий лингвист К. Мейнхоф в 1912 г. Он определил хамитов не только как носителей языкового единства, но и как некий единый антропологический и культурный тип. Языки, культура, общественные институты негроидных народов Африки объявлялись производными от языков, культуры, общественных институтов более светлогокожих и более развитых кочевников-хамитов.

Сторонниками «хамитской теории» были многие африканисты. Наибольший расцвет ее падает на межвоенные годы XX в. (1918—1939). Впоследствии исследования многих ученых — этнографов, антропологов, лингвистов — показали не только самостоятельность происхождения культуры африканских народов, но и убедительно доказали, что не существовало единой «хамитской» общности языков, расового типа и культуры. Эта искусственно созданная, расистская по существу теория была подвергнута резкой критике видных африканистов, среди которых наибольший вклад в ее развенчание внес крупнейший российский африканист Д. А. Ольдерогге. Однако отголоски ее можно встретить и поныне, особенно когда речь идет о значительно отличающихся от соседних народов фульбе или о сложных обществах Руанды и Бурунди, где сосуществовали темнокожие земледельцы и более светлые скотоводы. Одна из работ французского исследователя Руанды, увидевшая свет во второй половине прошлого столетия, прямо называлась «Хамитское государство в центре Африки».

Действительно, история этого региона довольно сложна. Первые насельники этих земель — пигмеи «тва», которые вели охотничье-собираческое хозяйство. На протяжении I тысячелетия н. э. в районы Межозерья переселялись чернокожие земледельцы-банту (см. Введение) — *хуту*. Они освоили плодородные земли. Создали сначала вождества, возглавлявшиеся сакральными вождями, происходящими от *бахинза* — легендарных предков-создателей мира, охраняющих от болезней и других бедствий, дарящих плодоносные дожди и богатые урожаи. Видимо, они и создали первое раннегосударственное объединение Китара. А с XIV—XV вв. началось постепенное продвижение, небольшими группами и несколькими волнами, новых пришельцев. С севера шли со своими большими стадами скотоводы-кочевники *тутси*. Они внешне значительно отличались от чернокожих негроидов. Тутси были выше (до 1,8—2 м — они считаются самым высоким народом Африки), их кожа гораздо светлее, у них более вытянутые тела, более узкие губы, по преимуществу высокие узкие носы.

Этногенетические мифы рассказывают об их божественном, небесном происхождении. Согласно им Мутутси и Ньям-пунда, брат и сестра создателя мира Кигва, случайно упав на землю, породили этот народ, принесли ему огонь, железо и скот, научили главным ремеслам. Их сын стал первым «*мвами*» (буквально — «глаз, которым Бог смотрит на свой парод»). Символом власти и государства стал *калинга* — большой священный барабан.

Видимо, застав уже организованное общество, тутси заняли в нем верхушечное место. Верховная власть сосредоточилась в руках их династической линии. Они стали

единственными собственниками скота и распорядителями всех земель. Тутси сформировали своеобразное рыцарство, их делом стали управление, воинское искусство (в том числе и сражения на верховых быках) и поэзия, богатые образцы которой сохранились до наших дней. Эта группа сохраняла строгую изолированность и замкнутость, запрет на браки вне ее. Столь же замкнутой стала и группа хуту, — земледельцев, которых с тутси связывала сложная система «убухаке», своеобразная клиентела. Хуту не имели права занимать какие-либо должности в государстве, возделывали землю, получали на выпас стада крупного рогатого скота (в качестве платы служил бычок) и несли личную и военную службу в пользу собственника скота, занимались ремеслами и торговлей. Наконец, низшую группу общества составляли тва, занимавшиеся охотой и собирательством. Они жили довольно изолированно, лишь небольшая группа служила при дворе в качестве танцоров и шутов. Закрытость этих групп, четкое распределение хозяйственных и общественных обязанностей и жесткая привязка к ним и дала повод иногда называть эти группы кастами.

Власть *мвами* базировалась на идеологическом обосновании его небесного происхождения. Она, однако, не была единоличной и деспотичной. Ее значительно ограничивал совет военных вождей и *биру* — жрецов и хранителей традиций. Немалую роль играла и его мать-соправительница. Для всех начинаний было необходимо их совместное решение. Они и рассматривались как единое существо.

С именем Руганзи I связывают завершение периода переселения тутси и установления стабильности, организованного политического союза. В Руанде сложилась своеобразная традиция цикличности истории правлений. Каждый из последовательно правивших мвами получал тронное имя, связанное с политикой, которую он должен был проводить. Преемники Руганзи в соответствии с этим выступали: один — как победитель внешних врагов, другой — как покоритель бунтующих окраин, третий — как идеал мирного, спокойного правления и т. п. Пожалуй, самым значительным был Кигери 4-й, правивший в конце XIX в., «герой и победитель», при котором завершилось оформление границ, сохранившихся до наших дней практически без изменений.

Подобное же внутреннее устройство сложилось и в Бурунди. С середины XVI в., к которой историческая традиция относит оформление раннегосударственного образования, до 1966 г., падения династии и установления республики, сменилось пять циклов по четыре правителя, как и в Руанде, носивших определенные символические имена, олицетворявшие ту или иную государственную политику. Некоторые имена звучат очень поэтично. Например, спокойные, мирные времена связывались с мвами Мутага («яркий полуденный солнечный свет»), а смутный период восстаний рабов, естественных катаклизмов (неурожаев, болезней, дождей и т. п.) и последующего ослабления власти и подчинения германским колонизаторам в 1908 г. — с именем Мвези («луна»), что символизировало слабость и неверность.

СУНДИАТА

Первый значительный правитель государства Мали в Западной Африке умер примерно в 1250 г. «Царство Маллил» (Мелле, Мали) торговало золотом, солью, рабами, получая взамен оружие, утварь, ткани, и было хорошо известно практически всем арабским авторам того времени. А на Каталанском атласе 1375 г. мы видим даже изображение правителя Мали на троне, к которому приближается торговец на верблюде.

Еще во второй половине XI в., когда древняя Гана пала под ударами Альморавидов (см.), на бывших ее землях возник ряд самостоятельных княжеств, среди которых выделилось Сосо во главе с Сумаоро Канте. Он осуществлял сюзеренитет и над будущим Мали. Там же, среди соперничающих кланов, выделился клан Кейта (ныне очень распространенная фамилия среди политических деятелей Мали). Именно в нем появился на свет Сундиата, первый славный *манса* (верховный правитель) всего Мали. Его

личность окружена легендами. Он стал героем эпоса, в котором можно увидеть характерные для этого фольклорного жанра сказочные мотивы и магические подробности — рассказ о его матери, полуженщине-полубуйволице, о длительной болезни ног и чудесном исцелении в 17 лет (вспомним, например, сюжет об Илье Муромце). Неуязвимым волшебником предстает в этом эпосе и его противник Сумаоро, которого якобы невозможно поразить никаким оружием, кроме стрелы из шпоры белого петуха.

Вот как звучит зачин эпоса о Сундиате, записанного от сказителя Мамаду Куяте в 60-е годы XX в. в Мали: «Мне известны имена всех правителей, которые сменяли друг друга на троне мандинго. Я знаю, каким образом люди разделились на племена, ибо отец мой передал мне все свои знания. Я знаю, почему такой-то зовется Камара, такой-то — Кейта, а другие — Сидики или Траоре. Каждое имя имеет свой смысл, тайное значение. Я рассказывал царям историю их предков, чтобы жизнь старших служила им примером, ибо мир стар, а будущее рождается в прошедшем. Мой рассказ верен и свободен от всякой лжи. Это рассказ моего отца, рассказ отца моего отца. Я передам вам рассказ моего отца таким, каким услышал его, ибо царским гриотам (сказителям. — Э. Л.) чужда ложь...»

Историкам удалось уже выделить реальные события из эпических сказаний и показать подлинные события. Сундиата был сыном правителя. Но после его смерти по решению совета старейшин его преемником стал не Сундиата, а его сводный брат. Боясь мести нового правителя, мать Суидиаты с детьми была вынуждена бежать. Между тем новый правитель не смог противостоять соседнему Сосо, и страна попала в зависимость. Сундиате же удалось объединить главные кланы жителей Мали, и после нескольких сражений, в 1235 г. состоялась решительная битва при Кирине (около современного Куликоро), закончившаяся бегством раненого Сумаоро и решительной победой Суидиаты.

Сундиата стал первым правителем объединенного Мали. Он не только расширил его территорию, но и создал на новых землях поселки полоняников, назначая наместниками своих бывших военачальников. Они собирали дань с покоренных земель и отправляли в столицу — основанный в конце XIII в. Ниани, оставшийся ею до 1545 г.

Суидиата (по одним данным он умер в 1250 г., по другим — в 1255 г. от случайной стрелы на охоте) оставил процветающее государство с сильным войском. Его преемники продолжали начатую им завоевательную политику. Главные цели ее — установление контроля над золотоносными областями Бамбука в верховьях Сенегала и Нигера и над главными торговыми центрами региона — городами Томбукту, Дженне и Гао. Еще в X—XII вв. Дженне активно торговал медью и солью в обмен на зерно (в том числе суходольный рис), а позднее, как и Томбукту, — золотом и солью. К концу XIII в., несмотря на частую смену правителей, эти области были окончательно покорены и завершился территориальный рост государства — от Гао до побережья Атлантического океана, от Валаты в Сахаре до тропических лесов, прилегающих к Гвинейскому заливу.

Правители его уже давно приняли ислам, совершали паломничество в Мекку. Особенно внушительное впечатление произвел хадж Капку Мусы в 1324 г. Пышность его поразила весь Ближний Восток. Его караван сопровождали более 8000 воинов и столько же рабов, он вез 100 тюков золота, гарем, запасы продовольствия. Хронисты рассказывают, что Муса так щедро раздавал подарки, что в Каире золото даже упало в цене. Чувствуя себя главой сильного государства, он вел себя очень независимо, отказался поцеловать землю перед султаном Египта, вел на равных переговоры с Марокко и Египтом, привез с собой множество ученых, каменщиков и других ремесленников.

Общественный строй Мали базировался на труде свободных общинников. Многочисленные же войны породили множество пленников. Часть из них была посажена на землю и напоминала европейских колоннов. Другая сформировала военные части, особенно гвардию правителя. В Мали сложился особый слой привилегированных невольников — «рабская аристократия». Многие должности при дворе (командиры конницы, наместники, советники) занимали люди, не имевшие корней в могущественных местных кланах и прямо зависевшие от воли правителя. Со временем они стали

значительной силой. Они не создали своих династий, подобно мамлюкам Египта, но активно вмешивались в государственные дела. Нередко они свергали неугодных правителей и ставили своих марионеток. Зафиксирован и случай воцарения (в конце XIII в.) бывшего невольника-вольноотпущенника.

Очень прочными стали торговые и культурные связи с Северной Африкой и Ближним Востоком. Однако ориентация только на внешнюю торговлю, отсутствие заинтересованности в создании внутреннего экономического единства стали основными причинами падения могущественного государства, которое держалось лишь на военной силе центрального правительства. Усиление же центробежных тенденций, укрепление рабской «царской» гвардии, рост волнений зависимого населения ослабляло Мали, которое уже не могло противостоять ни набегам соседей, ни внутренним восстаниям. В XVI—XVII вв. начинается окончательный упадок. На развалинах когда-то могущественной страны остались мелкие княжества, а вскоре и они были поглощены новой политической силой — Сонгаи.

«ТАРИХ АЛЬ-ФАТТАШ»

*И жемчужный, дивный, конечно, означен
Будет город сияющих крыш, Томбукту,
Над которым и коршун кричит, озадачен,
Видя в сердце пустыни мимозы в цвету.
Видя девушек смуглых и гибких, как лозы,
Чье дыханье пьяней бальзаминовых смол,
И фонтаны в садах. И кровавые розы,
Что венчают вождей поэтических школ.
Н. Гумилев.*

«Тарих аль-Фатташ» («История искателя сообщений о странах, армиях и знатнейших людях») — так называется хроника, написанная по-арабски Махмудом Кати, крупным сановником Сонгаи. Вместе с «Тарих ас-Судан» («История страны черных») Абдарахмана ас-Сади она до сей поры остается непревзойденным источником по политической, социальной, культурной истории этого государства. Не случайно именно в Томбукту, старом торговом городе, появились эти хроники. В XV—XVII вв. это был признанный (наряду с городами Дженне и Гао) центр учености в Западной Африке, выдерживавший сравнение со многими очагами мусульманской культуры.

Уже с XI в., а, возможно и раньше, в городах Западной Африки появились мусульмане. Прежде всего это были торговцы, но с караванами нередко шли и проповедники. А у тех, иногда остававшихся в местных поселениях, появлялись и ученики. Известно, что, например, еще во времена расцвета Мали в его столице Ниани более 35 лет прожил некий ученый богослов из Египта. Много имамов и кадиев появилось во времена правления мансы Мусы (XIV в.), который поощрял ученых людей. Немало знатоков Корана он пригласил, будучи в хадже. Не всегда их прибытие было успешным. Так, один из них с горечью убедился, что «суданские», т. е. местные, факихи превосходят его ученостью, и был вынужден доучиваться в Фесе.

Позднее чернокожие студенты появились в прославленных учебных заведениях Кайруана, Мекки, Каира (особенно в аль-Азхаре). Здесь учились представители народов малинке, сонгаи, хауса, канури, канембу. А затем и в самой Западной Африке появились и коранические школы, и учебные заведения более высокого ранга, которые некоторые исследователи называют «университетами». Так, в Томбукту того времени было 150—180 школ Корана. Обучение было платным — от 5 до 10 раковин-каури за урок. Высшие школы возникли в городах Дженне и Томбукту при главных мечетях, где преподавали как местные, так и магрибинские ученые, в Кано, где существовала богословско-юридическая

школа. Другой город хауса, Кацина, не мог похвастаться такой школой, но вокруг местного правителя, человека весьма образованного, собирались хаусанские и сонгайские грамотеи. Ученики сюда прибывали из всех областей Западной Африки. Все преподавание велось на арабском языке. При мечетях были библиотеки, как и у имамов, преподавателей, просто любознательных людей. Об одном из правителей Сонгаи, аскии Дауде, хроники рассказывают, что он устроил при дворе книгохранилище и держал при себе переписчиков, которые для него переписывали книги. Известно, что еще манса Муса во время своего хаджа подарил каирскому правителю трактат, который по его заказу был написан местными знатоками.

Набор предметов и методика обучения были стандартными, общими для всего мусульманского мира и, вероятно, сравнимыми со средневековыми университетами Европы. Главным был «тривиум» — грамматика, логика, риторика, где место Библии занимал Коран, а место латыни — арабский язык. Есть сведения, что этот обязательный набор дополнялся мусульманским правом. Здесь были известны все популярные в мусульманском мире труды по истории, географии, грамматике, юриспруденции.

По окончании медресе выдавался «диплом», который давал право занять должность имама, кадия или преподавателя арабского языка. Такие талибы (араб., букв. «ищущие» — имеются в виду ищущие знаний) шли потом по всему Западному Судану. Хотя в деревенском окружении мало кто видел книги, в городах грамотность была обычным явлением. Лев Африканский (см.) писал о Гао: «Там продается также много рукописных книг, каковыг привозят из Варварии, и от них получают больше дохода, нежели от прочих товаров».

Многие исследователи считают, что Томбукту того времени, конечно, не мог тягаться с Каиром или Багдадом, но не уступал городам Марокко. Здесь сложились целые династии ученых. В «Истории Судана» содержится жизнеописание около полусотни виднейших местных законоведов (факихов). Один из известнейших — автор «Тарих аль-Фатташ» Махмуд Кати. Этот человек из народа сонинке родился в 1468 г. в знатной семье. Он получил образование, лучшее из возможных. Еще в молодости он стал одним из чиновников и придворных аскии Мухамеда Туре (см.) и оставался на высоких постах и при многих его преемниках. Неудивительно, что познания его были обширны. В 1519 г. он создал первые разделы хроники, содержавшие жизнеописание аскии. Он составил и множество заметок, используя которые и привлекая другие сведения, работу его продолжали его родственники — его сын и внук. А закончил его Ибн аль-Мухтар Гомбеле, представитель уже четвертого поколения, тесно связанный с семейством Кати.

Еще один хронист этого времени — Абдарахман ас-Сади, автор «Тарих ас-Судан» («История о стране черных»). Он родился в 1596 г. в том же Томбукту. Родившись в знатной семье, он и сам занял немаловажный пост — до 1637 г. он был имамом крупнейшей мечети. Эту важную должность он совмещал с дипломатической службой. Его служебная деятельность давала возможность быть в самой гуще событий. Это и позволило ему дать картину политической жизни страны, пользуясь и собственными наблюдениями и документами, несомненно, проходившими через его руки, но, увы, не дошедшими до современных исследователей. Хотя при жизни ас-Сади времена наивысшего могущества Сонгаи были позади, он с гордостью писал о славном прошлом, не только о великих государях, но и о культурной жизни, о знаменитых мусульманских ученых Дженне и своего родного Томбукту. Недаром первый европейский издатель его текста писал в 1900 г.: «Этот народ, которому пытались отказать во всякой инициативе в деле прогресса, имел собственную культуру, не навязанную ему народом другой расы. Хроника соединяет со всеобщей историей человечества целую группу народов, которые до сего времени были от этой истории почти совершенно отстранены».

Эти хроники рассказывают не только о Сонгаи, но и о его предшественниках — Мали и Гане, о судьбах региона после падения Сонгаи, показывают уровень культуры этого времени. Очень важно отметить, что речь в них идет не только о правителях и

факихах (хотя, конечно, в первую очередь, о них), но и о людях, труд которых обеспечивал им жизнь и делал подлинную историю, — земледельцах, ремесленниках, зависимых дю-дях разных категорий.

Одна из самых знаменитых династий — потомки Мухамеда Акита в Сонгаи — Махмуд бин Омар и три его сына почти сто лет занимала в Томбукту должности кади, среди их родственников были кадии, имамы, ученые-богословы. К тому же роду принадлежал и Ахмад Баба, один из самых плодовитых авторов региона, годы его жизни — примерно 1556-1627 гг. Еще мальчиком он начал учиться у знаменитых мурабитов-«святых», среди которых наибольшее влияние на него оказал его дядя. Закончил он свое образование в Томбукту, при мечети Санкорей, после чего посвятил себя научным занятиям. Он продолжал работать и в марокканском плену, куда был увезен в 1593 г. Он написал 20-томную историю Западного Судана, немало сочинений по философии, богословию, грамматике, юриспруденции, литературе — всего более 50 научных трудов. Ахмад Баба пользовался заслуженной известностью не только в Судане, но и в Северной Африке, и в Египте. После 20-летнего пребывания в Марокко он вернулся в Томбукту, где трудился до конца жизни.

Память о нем бережно сохраняют в современной Африке, и когда в 50—60-е годы XX в. для подготовки «Всеобщей истории Африки» под эгидой ЮНЕСКО был создан Центр по сбору и изучению арабоязычных рукописных материалов, он получил имя Ахмада Баба.

В середине XV в. мусульманская школа Томбукту пережила тяжелые дни. В период борьбы сонни Али за создание великого Сонгаи богословы Санкорей проклинали Гоа, его столицу, как город язычников и еретиков, и самого Али, слывшего «Великим колдуном». При приближении войска многие в страхе перед местью бежали из города. Захватив город, сонни Али казнил некоторых, но, позднее, однако, наступило примирение. Беглецы вернулись домой, а сонни Али, понимая, что они могут быть опорой власти, забыл о проклятии и даже покровительствовал книжникам. В те годы он якобы говорил: «Если бы не ученые, жизнь не была бы ни сладка, ни приятна».

Еще более тяжелое для Томбукту время настало в конце XVI в. В 1591 г. Сонгаи пало под ударами марокканских войск. Предводитель их, Джудар-паша, спустя два года решил порадовать султана Марокко, известного покровителя наук, и, собрав всех наиболее знаменитых ученых Сонгаи, отправил их в Марракеш. Не все выдержали путь через Сахару, не все выжили в плену. Лишь немногие, как Ахмад Баба, вернулись в конце жизни на родину, однако уровень местной образованности уже безнадежно упал. С упадком Сонгаи центр исламской культуры переместился к востоку, в страны хауса и Канем-Борну на берегах озера Чад.

ТИШУ-ТИП

Вся доколониальная Африка была пересечена торговыми путями, еще мало изученными африканистами. Из областей, богатых золотом, медью, железом, солью, товары расходились не только по всему континенту, но и отправлялись за пределы материка. Недаром Гану, Мали, Сонгаи в Западной Африке называли «странами золота». Через арабов этот металл поступал и в Европу, и до наплыва «испанского золота» из Нового Света Африка была главным поставщиком этого металла. Еще долго 21-шиллинговая монета Великобритании носила название «гиней» (от Дженне и Гвиней). А из Северо-Восточной и глубин Восточной Африки на рынки Востока шли медь и железо, слоновая кость и рог носорога (используемый в средневековой фармацевтике), благовония и экзотические звери. Индийские, китайские, сирийские товары, фарфор, ткани и предметы роскоши украшали резиденции правителей государств Западной Африки, Эфиопии, суахильских городов и Мономотапы.

Жители же разных районов континента торговали солью и орехами кола (они обладают тонизирующими свойствами и к тому же являются обязательным элементом любого ритуала), сушеной рыбой и зерном, кожаными изделиями и керамикой... Существовали и постоянные рынки, и временные — работавшие по одному дню вокруг крупных поселений. Так складывалась, например, четырехдневная рыночная неделя у народов Гвинейского побережья. Рынки были местом не только торговли, но и дружеских встреч и обмена информацией. Особая атмосфера африканского рынка сохранялась и накануне колониального раздела континента. Вот как его описывал Д. Ливингстон (см.): «Какое оживленное зрелище, этот рынок!.. Продавцы рыбы носятся по рынку с глиняной посудой, полной улиток, или мелкой рыбы, или молоденьких конченных *Claris capensis*, нанизанных на прутики, или разных приправ, они стараются обменять эту снедь на корни маниока, которые вымачивали три дня в воде, а затем высушивали, на картофель, овощи или зерно, бананы, муку или пальмовое масло, на кур, соль или перец. Все стремятся изо всех сил обменять нишу и всю расхваливают свои товары или ругают чужие. Пот каплями катится по их лицам, громко кукарекуют петухи, даже когда висят через плечо головой вниз, визжат поросята. Куски железа, вытянутые с концов, обмениваются на материю из пальмы муабе. У продавцов под тарой, в которой хранится товар, небольшая плетеная воронка, но этой воронке товар спускают вниз, если не хотят, чтобы его видели. Торгуют честно, а если возникает недоразумение, то его легко улаживают, они обращаются за поддержкой друг к другу и обладают от природы развитым чувством справедливости.

Среди 3000 посетителей рынка есть пришедшие за 20—25 миль. Мужчины, как правило, щеголяют в ярко раскрашенных ламба в виде коротких складчатых юбок, трудятся больше женщины. Горшечники похлопывают по своему глиняному товару, заставляя посуду звенеть, чтобы показать, что в ней — ни трещинки... Любопытно наблюдать за жизнью рынка. Это настоящий спектакль. Поражают выразительность, с какой произносятся всевозможные реплики, убежденность, вкладываемая в заверения истинности своих слов, в подтверждение которых в свидетели призывается, по-видимому, все сущее над нами, вокруг нас и под нами — и затем полное изумление и уничтожающее презрение к тем, кто пренебрегает предлагаемыми товарами. Но они ничуть не огорчаются, если покупатели отворачиваются от них... Я не понимаю слов, быстро сыплющихся с языка продавцов, но жесты так выразительны, что перевода не требуется».

Отдельные области связывали караванные дороги. Торговые походы могли затянуться на несколько недель, и чтобы скрасить длительные переходы, с собой брали легкие музыкальные инструменты — барабанчики, щипковые «зимба», флейты, небольшие маримаба, напоминающие ксилофоны. Если в Западной и Северо-Восточной Африке товары грузились на верблюдов, то в Восточной и Центральной, где громадные области поражены мухой цеце — переносчицей «сонной болезни» (особенно опасной для домашнего скота), их тяжесть ложилась на плечи носильщиков. И позднее, когда здесь появились европейские путешественники, а затем и колониальные чиновники, приходилось использовать человека для переноски товаров и иных грузов. Даже небольшие речные суда в районе порогов переносились в разобранном виде вручную. Трудный путь скрашивали песни. Вот как звучала одна из них (перевод с суахили А. А. Жукова), «Караван идет в Уньямвези»:

*Идем мы туда с хозяином нашим.
Бережно несем мы поклажу,
И хозяин очень доволен нами —
Мы несем тюки осторожно,
Наземь их бережно опускаем,
Вот прошли мы уже Уньямвези,
А сейчас идем дальше в Табору,*

Уж потом возвратимся в Момбасу.

В этой торговле немалое участие принимали и арабы. Торговали они и рабами. Арабская работорговля в Африке имеет длительную историю. Рабов из Западной Африки они продавали в страны Северной, в Халифат, а затем Османскую империю. Из Восточной Африки и Эфиопии — на Ближний и Средний Восток, даже в Китай и на острова Юго-Восточной Азии. Общее название для них было «хабаш», или «хабши», если привозили их из Северо-Восточной Африки, и «зинджи» — если из Восточной. Они были воинами и слугами, реже — торговцами и крестьянами. Пожалуй, значительная часть зинджей-земледельцев жила только на юге современного Ирака, где они подняли восстание и даже создали собственное управление (в 869—883 гг.). Некоторые из них сумели выдвинуться, несмотря на свое зависимое положение. В начале VIII в. при дворе императора Китая в Кантоне находился африканец-советник. В Западном Йемене чернокожие служители— придворные совершили переворот и полтора века сохраняли власть в своих руках. Немало знаменитых военачальников появилось в Индии. Чернокожие правители отдельных областей были не редкостью. Рух-уд-дин, например, правил Бенгалией в 1487—1493 гг. А в начале XVII в. прославился «хабши» Малик Анбар, славный военачальник и «африканский король» Джанджира в районе Гуджарата.

С XVI столетия в Восточной Африке появились португальцы, резко поднялась цена на рабов, работорговля получила большой размах в связи с освоением островов Индийского океана и появлением на них плантаций. Однако европейская работорговля в Индийском океане не шла ни в какое сравнение в атлантической. Но арабская — процветала и получила дополнительный стимул, когда в 1806 г. в Омане на трон вошел Сеид Сайд, включил в свой султанат остров Занзибар и впоследствии сделал его своей штаб-квартирой. На этом и соседних островах появились плантации гвоздики, требующие рабочих рук, да и немалые выгоды приносила продажа невольников дальше на восток. Если раньше торговля ограничивалась прибрежными районами, то в XIX в. началось быстрое проникновение в глубь материка. Занзибар стал крупнейшим рынком рабов и ведущей силой в регионе. Недаром появилась поговорка: «Когда на Занзибаре играют, вся Африка пляшет». Новые торговцы использовали старые торговые пути, по которым когда-то везли медь, малахит, железо, слоновую кость. В XIX в. эти товары окончательно вытеснились рабами. Потребность в них еще более возросла с сокращением работорговли через Северную Африку, где уже господствовали европейцы из стран, принявших законы о запрещении работорговли.

Основные пути шли к владениям Казембе, за озеро Танганьика, и к озеру Ньяса. В глубине континента, на территории современных Танзании и Демократической Республики Конго, работорговцы основывали свои опорные пункты, такие укрепленные «зероба», где мужчины-торговцы жили по два-три года, снабжали их продовольствием. Главным из них надолго стал Табора (основанный ок. 1830 г.) на землях ньямвези, откуда дороги шли на север — в Буганду и на юго-запад, вокруг озера Танганьика.

Состав работорговцев был достаточно пестрым. Были среди них и арабы, и суахили, и люди смешанного происхождения, и индийцы (так, договор Г. М. Стенли с такими торговцами подписан и арабо-суахилийцем, и индийцем). Наиболее известный и удачливый из них — Хамед ибн Мухамед эль-Мурджеби по прозвищу Типпу-Тип. Именно под этим именем он стал известен в Европе — ведь ни один путешественник, военный или колониальный чиновник, в этих краях не мог не встретиться с ним. Осталось очень много описаний таких встреч в записках европейцев. Он родился в семье Мухамеда ибн Джума эль-Мурджеби, арабского торговца слоновой костью и рабами. Был женат на дочери правителя Таборы из народа ньямвези (от матери Типпу Тип унаследовал черный цвет кожи и негроидные черты). По их обычаю, женщины правящей семьи (как жены, так и дочери) играли значительную роль в обществе. «А власть главной жены в Уньямвези такая же, как самого правителя», — напишет впоследствии Типпу-Тип, вспоминая свое

детство. Благодаря этой женщине и Мухамед ибн Джума, а затем его сын заняли ведущее место среди знати области. Хамед ибн Мухамед продолжил дело отца. Он начал со сбора и добычи слоновой кости, но вскоре большую часть его товаров стали составлять рабы. Его караваны проникали далеко на запад, огибая с юга озеро Танганьика. Он не ограничивался только торговлей, понемногу забирая в свои руки власть над местными вождями. В области Маньема на реке Конго он создал свою постоянную ставку и получил от султана Занзибара титул *вали* — правителя этой области. Именно в этом качестве он и заключал договоры с европейцами — Г. М. Стенли и Вебстером. Сохранились тексты этих договоров. Но еще интереснее, что Типпу-Тип прославился не только как торговец и сановник, но и как писатель. Будучи литературно одаренным, умным человеком, достаточно образованным, он на склоне лет записал историю своей жизни. «Автобиография» Типпу-Типа, написанная на языке суахили, до сих пор остается и интересным чтением, и очень важным источником для воссоздания истории этого региона.

Из глубины континента закупленные Типпу-Типом и другими торговцами рабы поступали в Килву на берегу океана и на Занзибар. После обеспечения рабочими руками гвоздичных плантаций на островах (в том числе на Мадагаскаре) остальных отправляли в города побережья, а затем в Маскат, столицу Омана, откуда переправляли в страны Ближнего и Среднего Востока. Для Омана эта торговля была, по существу, основой экономики, и, по некоторым данным, через его рынки во второй половине XIX в. проходило до 13 000 африканских невольников ежегодно.

Договоры Англии с султаном Омана в 1822 и 1845 гг., а затем после отделения Занзибара — с султаном последнего в 1873 г. предусматривали запрет вывоза невольников с материка. Однако ни эти договоры, ни крупные штрафы владельцев судов, на которых были обнаружены невольники, не остановили работорговлю, приносящую крупную и быструю прибыль. Центральная и Восточная Африка потеряла в XIX в. более полутора миллионов вывезенных в рабство и несчетное количество погибших или оставшихся в рабстве на материке. Долгое существование арабской работорговли в этих районах стало дополнительным предлогом для борьбы европейских держав за контроль над торговлей и для дальнейших колониальных захватов.

ЧАНГАМИРЕ ДОМБО

Между реками Лимпопо и Замбези возвышаются массивные сооружения, остающиеся загадкой и поныне. Они представляют собой руины, круговые или эллиптические в плане. Их насчитывают около 200 на территории Мозамбика, ЮАР, Малави и Зимбабве (здесь сосредоточено большинство из них). Мир узнал о них в конце XIX в. Европейцы, увидевшие первыми эти громадные сооружения, и мысли не могли допустить о том, что их построили африканцы, — в те годы считалось, что жители Африки неспособны к самостоятельному развитию и созданию каких бы то ни было культурных ценностей. Поэтому сразу же возникли самые разнообразные теории о посещении этих районов чужеземцами, оставившими таким образом о себе память. Самой распространенной была версия о том, что именно здесь находилась легендарная страна Офир, откуда библейский царь Соломон черпал свои сказочные сокровища. Недаром один из самых популярных романов Хаггарда, действие которого происходит на юге Африки, называется «Копи царя Соломона».

Последующее археологическое изучение (Кейтон-Томпсон и другими) убедительно показало, что построены они были в VIII—XVI вв. местными жителями, подданными «царства Мо-номотапы» (народом шона) и их соседями. Самый большой комплекс с высокой конической башней называется «Зимба оче» («Большой дворец»), в интерпретации европейцев — «Зимбабве». Отсюда и пошло название современной республики Зимбабве. Правда, еще в середине XX в. не все могли поверить в местное

происхождение этой культуры, и в соответствии с модой того времени она приписывалась пришельцам из космоса, якобы посетившим Землю в X—V тысячелетиях до н. э.

В 1498 г. корабли Васко да Гама обогнули Африку и вошли в Индийский океан. Уже в 1501 г. португальцы основали форт Мозамбик и начали постепенное проникновение в глубь материка. Их влекли туда рассказы о сказочных богатствах. В основе их лежачи не только легенды о копиях царя Соломона, но и подлинные данные. И поныне так называемый Медный пояс содержит все возможные полезные ископаемые. А рудники здесь разрабатывались не одно тысячелетие. Правда, ни уран, ни кобальт, ни другие редкие металлы не интересовали людей того времени. Но активно велись разработки золота, меди, железа. Жители этих районов снабжали ими не только всю Центральную Африку, но и вывозили на берег Индийского океана, а оттуда эти товары поступали в арабские страны и Индию.

Арабские торговцы хорошо знали этот берег (под именем Софала) и Аль-Идриси писал о нем в XII в. в «Развлечении истомленного в странствиях по областям», написанном по поручению Роджера, «короля обеих Сицилии»: «...Софала, в которой расположено два похожих на деревни города, окруженных маленькими деревнями и кочевым, как арабы, населением.

Что касается двух городов, то это Джантами и Дандама. Оба они маленькие, похожи на большие деревни. Жителей в них немного, и они малокультурны, у них нет ничего, чем они могли бы торговать и что могло бы давать им средства к жизни, кроме железа. Дело в том, что в стране Софала, в горах, есть рудники с большими запасами железа. Жители островов аз-Забадж и др. (Ява и проч. — Э. Л.) разбросанных вокруг них островов приезжают к жителям Софалы, вывозят от них железо в остальные страны Индии и на ее острова и продают его там за хорошую цену. Поэтому железо является самой главной статьей дохода и основным товаром, [идушим в] страны Индии. И хотя железо есть и на островах, и в рудниках Индии, в стране Софала его больше, оно лучше и мягче. Индийцы хорошо изготавливают составы из смеси [различных] снадобий, с которыми они сплавляют мягкое железо, получающее после этого, по названию Индии, наименование индийского...

В стране Софала повсюду есть золото, с которым по качеству, обилию и величине самородков не может сравниться никакое другое. Несмотря на это, жители Софалы предпочитают золоту медь и украшения делают из меди».

Португальцы отправили несколько экспедиций, в составе которых были специалисты по горнорудному делу. Собрав на месте сведения о рудниках, один из них писал в Мадрид (бывший в то время столицей объединенных Испании и Португалии): «Ваше Величество может иметь от них больше дохода, чем от всех Индий, принадлежащих Кастилии», — и предлагал переселить туда 1000 женатых мужчин с семьями. Португальцам удалось заручиться поддержкой правящего тогда верховного правителя (*мономотаны*).

Хотя он и дал разрешение на разработку рудников португальцами, народ не позволил это сделать. Португальцы с недоумением и возмущением описывают нежелание местных жителей допустить их к работам и рассказывают о разной тактике в связи с этим. Они жалуются на то, что один из вождей «приказал спрятать все съестные припасы и уходить из всех краалей (круговые в плане селения. — Э. Л.), где должны были пройти наши люди, а также засыпать все колодцы», на то, что «ни один кафр (общее название африканцев, заимствованное у арабов, от «кафир» — неверный. — Э. Л.) не осмеливался указать точное местонахождение рудников», на то, что приводили к ложным рудникам или в заранее расставленные засады и т. д. Иногда это пассивное сопротивление перерастало в ожесточенные столкновения, как это было в 1592 г., когда португальцы столкнулись с упорной борьбой племени мазимба на берегах Замбези. Это движение распространилось потом до самого побережья океана, захватило Килву, а затем и другие прибрежные города.

Самый сложный период и доя Мономотапы, и для португальских гарнизонов — начало XVII в. В это время во главе государства стоял Гатси Русере, почти полностью зависящий от поддержки иноземцев. Ему пришлось впасть в прямую зависимость после того, как начиная с 1597—1599 гг. отряды португальцев неоднократно приходили ему на помощь при подавлении мятежей в ряде провинций страны. В ответ мономотапа даровал португальцам ряд привилегий — и разработку рудников, и право беспрепятственно пересекать земли и носить оружие (что раньше было запрещено). Но это не только не спасло положение, но и активизировало сопротивление местных правителей провинций, направленное и против центральной власти, и против иноземцев. Многие заявляли, что не хотят признавать правителя, служащего интересам не своей страны, в пришельцев. Последовал целый ряд восстаний, некоторые из которых, как в 1607 г., охватывали почти всю страну. За оказание помощи в подавлении их мономотапа подписал 1 августа 1607 г. договор, согласно которому все рудники золота, меди, железа и олова передавались королю Испании и Португалии. Многие исследователи видели в этом факте окончательную капитуляцию. Однако некоторые авторы, например, российский ученый А. М. Хазанов, полагают, что Гатси Русере этим соглашением, проявил дипломатический талант, выиграл время для подготовки серьезного вооруженного сопротивления (вспомним, кстати, споры об оценке взаимоотношений Александра Невского и Золотой Орды).

И с 1609 г. Гатси Русере уже был в состоянии перейти к открытой борьбе. Поводом стал отказ платить ему «куруа» — определенную сумму за право добывать золото. Он начал с того, что приказал отнять у купцов и воинов все товары, ткани и всю добычу. Началась длительная война, в которой обе стороны использовали огнестрельное оружие — кремневые ружья, мушкеты и пушки.

Политику Гатси Русере продолжил и его преемник Капран-зинс, вставший во главе государства в 1627 г. Борьба шла с переменным успехом, но в 1628 г. Капранзине был разбит, а в мае 1629 г. низложен. Он был отправлен в Гоа, где находилась резиденция генерал-губернатора и административный центр португальских колониальных владений, и стал там, после крещения викарием собора святой Варвары. А его место занял Мануза, который, как писал современник и участник этих событий монах Луиш, «был поставлен у власти португальцами от имени и как вассал их короля, принял и гарантировал все условия, которые португальцы сочли подходящими во славу Евангелия и короны Португалии». Он был крещен и получил имя Филипп. Были окончательно изгнаны главные соперники португальцев — мусульманские купцы, вынашивались планы завоза колонистов с семьями и расширения миссионерской деятельности.

После смерти Манузы в 1652 г. верховным правителем страны стал его сын, крещенный под именем Домингуш; он был послушным ставленником португальцев. Сохранилось «Свидетельство», подписанное им: «Мы повелели монаху Джованни де Мело крестить нас и нашу супругу-королеву. Монах Сальвадор из Розари был нашим крестным отцом и нарек нас именем Домингуш... а королеву — именем дона Луиза. Затем мы приказали креститься двум знатнейшим лицам нашего королевства».

Но антипортугальское движение нарастало и достигло своего апогея в конце XVII в. Эти события связаны с именем Чан-гамире Домбо, заслуженно пользующегося славой народного героя-освободителя. Выходец из династии вождей народа розви, он стал вассалом мономотапы. Но его не устраивало подчиненное положение, все более расширяющееся влияние, а затем практически и прямое господство португальцев. Те чувствовали себя полновластными хозяевами на землях Мономотапы, не только грабили природные богатства страны, но и активно занимались грабежом населения и работорговлей. Как известно, и сам мономотапа говорил, что иноземцы «причиняют огромный вред... убивая одних, раня других, воруя их сыновей и дочерей, а также коров из их стад». Выразителем негодования против произвола и насилия португальцев и стал Чангамире Домбо. Завоевав соседствующее с ним владение Бутуа, он повел вооруженную

борьбу против центральной власти и иноземцев. В этом он нашел широкую народную поддержку. В борьбе он проявил и доблесть, и незаурядный военный талант.

Первая битва в 1684 г. у Маунгве продолжалась целый день. Португальцы заперлись в форте, и осаждающим не удавалось его захватить. Тогда Чангамире Домбо применил новое, ранее неизвестное в практике здешних войн тактическое решение. Он приказал ночью на значительном расстоянии друг от друга разжечь костры. Так создавалась видимость многочисленного войска и прибытия новых крупных сил. Осажденные, испугавшись, бежали. Силы Чангамире Домбо росли — все новые и новые воины и целые племена приходили в его стан. Вскоре вся северная часть современного Зимбабве оказалась под его контролем.

Пришедший к власти новый момотапа Ньякамбиरो пошел на союз с Чангамире Домбо. Их соединенные силы уже не только атаковали португальские отряды, но и захватывали укрепленные форты, такие, как главные оплоты португальцев в глубине страны Сена и Тете. Португальцы были изгнаны из всех земель каранга (этнического ядра народа шона) и были вынуждены бежать на побережье, в форт Мозамбик, считая, что «эта крепость — единственный якорь спасения».

Даже смерть Чангамире Домбо в 1695 г. не изменила положения. Португальцы были изгнаны за пределы Момотапы, а эти земли потеряны для короны навсегда. В португальской колониальной империи остался только Мозамбик. Однако грабежи, а затем многочисленные войны привели к падению могущества Момотапы. Центральная власть уже не могла удержать власть над множеством почувствовавших самостоятельность вождей. Былая «империя» оказалась раздробленной. Под властью момотапы остался лишь небольшой район к западу от Тете, а власть его стала лишь номинальной.

ЧЖЕН ХЭ

Казалось бы, почему в книгу об африканцах попал рассказ о китайце? А дело в том, что в XV в. у африканских берегов Индийского океана неоднократно появлялась китайская эскадра, а Малинди, суахилийский город, обменивался посольствами и дарами с Китаем. В 1415 г. жители одного из прибрежных поселений — Килвы, торгового города к югу от Занзибара, собрались в порт, привлеченные странным зрелищем. К берегу приближались невиданные прежде корабли. Привычными здесь были «дау» (дхоу) — арабские однопалубные судна с одним парусом. Сейчас же африканцы увидели большие (до 40—80 м) корабли с многопалубной кормой, тремя мачтами, набором парусов из плетеных циновок. Да и люди на кораблях непривычного вида — невысокие, узкоглазые, с желтой кожей. Это привел китайскую эскадру в Восточную Африку прославленный мореход Чжен Хэ, императорский евнух. Выходец из мусульманской семьи на юге Китая, он, попав в плен к «северному» императору династии Мин, объединившему весь Китай, со временем показал себя способным воином и дипломатом. Он получил даже титул «тайцзянь» — «высшего евнуха», и ему была поручена организация дальних заморских экспедиций. Они были частью внешней политики «Сына Неба». Китайские императоры считали себя повелителями Вселенной и демонстрировали свою власть отправлением «послов по всем сторонам света», как писала «История династии Мин». Надо сказать, что, хотя китайцев воочию увидели в Африке впервые, о них знали очень давно, как давно были знакомы и с товарами «страны серов», как называли Китай народы Северо-Восточной Африки.

Немало доказательств тому уже собрано историками разных стран. Это и письменные свидетельства, и археологические данные. История торговли Африки с Китаем идет с античности. О китайском шелке, привозимом в Северо-Восточную Африку и известном как «паутина страны серов», рассказывает Гелиодор в «Эфиопике». У византийского историка Прокопия Кесарийского находим сведения о том, что император Юстиниан побуждал государство Аксум взять в свои руки торговлю китайским шелком.

Птолемеевский Египет знал китайские товары — шелковую пряжу, ткани, одежду, китайские пряности. А в Китае появились страусы, топазы с островов Красного моря, из Эфиопии, изумруды из северного Судана и т. п. Обломки фарфоровой посуды археологи находят повсеместно в Восточной Африке. Один из английских археологов утверждал, что история этого региона «написана на китайском фарфоре». Его, в частности, употребляли для украшения интерьеров домов, общественных сооружений, даже гробниц. Как показали раскопки в Геди, китайский фарфор был обычной посудой зажиточных слоев. Его находки на восточно-африканском побережье (на острове Манда) датируются 520—620 гг. н. э. Фарфор обнаружен не только в прибрежных городах, но и в глубине континента — в Большом Зимбабве, в Читопе-Хилл и др. Помимо фарфора обнаружено большое количество китайских монет. Первые по времени относятся к VII в. (династия Тан). По мнению многих археологов, можно говорить о складывании в VIII в. постоянных связей Восточной Африки с Гуанчжоу.

Немало сведений об Африке было и в Китае. В народной поэзии XII—VI вв. до н. э., в энциклопедии «Эр Я» (II в. до н. э.) упоминается загадочный зверь «линь-единорог», которого исследователи идентифицируют с жирафом. Рисунки жирафа с погонщиком появились в китайских миниатюрах. В конце II в. до н. э. в Китае появились фокусники из египетской Александрии. Наиболее широко известны сведения, полученные, возможно, через мусульманских купцов, в «Заметках о посещенных странах» Ду Хуаня (VIII в. н. э.); по мнению исследователя В. Вельгуса, речь идет о Восточном Судане и Сомали. По-видимому, именно отсюда сведения об Африке попали в «Новую историю Тан» и другие китайские хроники. Появились они и в энциклопедии «Пространственные заметки из леса вещей и событий». Сохранились копии географических карт XIV в., на одной из которых можно увидеть 35 африканских географических названий — городов, рек, островов, государств. В Китае появились африканская слоновая кость, выделяющаяся своей белизной и твердостью, живые диковинные звери, рог носорога, используемый в китайской медицине, чернокожие рабы «кунь лунь». В одной из пещер Южного Китая на сохранившихся фресках мы и сейчас можем увидеть изображение чернокожего.

В начале XV в. в Восточной Африке появились и сами китайские купцы (вероятнее всего, до этого времени товары в Африку и из нее доставляли посредники-арабы) и начали устанавливаться официальные отношения. В 1415 г. в Китай прибыло посольство из Малинди (на территории современной Кении) с дарами, затем — от правителей Могалишо, Джуба, Брава (в современном Сомали). Такие же посольства имели место в 1420 и 1423 гг. Флотилия знаменитого флотоводца Чжен Хэ бросала якорь у африканского побережья Индийского океана. Они привезли фарфоровую посуду, серебро, одежду, получая в обмен благовония, диких животных. Еще раз подобные плавания были предприняты в 1421—1423 гг., а последние, под руководством Чжен Хэ и Хун Бао, — около 1430 г. В это время в Китае после смерти в 1424 году императора Чжу Ди, вдохновителя и покровителя заморских плаваний, победила группировка знати, ориентирующаяся на прекращение связей с дальними странами. Правители его отказались от дорогостоящих экспедиций, устремив свое внимание на сушу. Чжен Хэ умер в Нанкине в 1435 г., и даже могила его не сохранилась. Все отчеты и судовые журналы были во второй половине XV в. уничтожены. Единственный сохранившийся отчет об одной из экспедиций Чжен Хэ, составленный во время плаваний, приводится в работе Чжу Юнь-Мина (на рубеже XV—XVI вв.) «Записки о слышанном». Есть и «Мореходные карты Чжен Хэ». Эти записки вдохновили Ли Мао-дэна, жившего в конце XVI в., на написание романа «Плавания Чжен Хэ по Западному (т. с. Индийскому) океану».

ШВЕЙНФУРТ, ГЕОРГ

Георг Швейнфурт родился в 1836 г. в Риге, в семье немецкого состоятельного винооторговца. С детства он проявлял любовь к ботанике и вообще к естествознанию. Его

усидчивость, даже педантизм, черта, которая в быту казалась мелочностью, в будущем, когда он занялся наукой, сослужила ему немалую службу. К 1862 г. он, закончив обучение в Гейдельберге, Мюнхене и Берлине, получил ученую степень и право преподавания ботаники. Его коньком стала растительность нильского района. Естественно, что он охотно отправился в экспедицию в Египет и Судан в 1864—1866 гг. Он подготовил экспедицию со свойственной ему скрупулезностью, и она была столь успешной, что ему были выданы средства из фонда Гумбольдта для новых исследований на западных притоках Нила. Он вновь оказался в Африке в 1868 г., этому не помешала даже болезнь селезенки — последствие тяжелой малярии.

Его потрясли картины работорговли, невольным свидетелем которой он стал. «Итак, обгоревшие человеческие кости — вот приметы, которые оставляет на своем пути работорговля по всей Африке, — с горечью писал он. — Я видел Африку, и она до сих пор у меня перед глазами такая, какая она есть, — гигантское здание рабства, а не такой, какой она должна быть, — огромный район совместного свободного труда над общими задачами человечества. В конечной победе доброго дела, как и в будущем черной части человеческого рода, я никогда не усомнюсь».

Он был не только естествоиспытателем, но и внимательным наблюдателем жизни местных народов — луо, бонго, азанде, мангбету. Но самые значительные его сообщения — о пигмеях акка. Его книга «В сердце Африки» — крупный вклад в этнографию и африканистику — продолжает оставаться уникальной.

Рассказы о существовании маленьких людей где-то в глубинах Африки считались в Европе красивым вымыслом древних. Известно было, что Гай Плиний Старший писал, что «по некоторым сообщениям нильские болота являются родиной карликов». Читали у Гомера в «Илиаде» о битве карликов с журавлями.

*Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются с говором, с криком, как птицы —
Крик таков журавлей раздаётся под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.*

Рихард Хенниг считал, что эти сообщения могли быть справедливыми, если до греков доходили рассказы о «нильских болотах», в верховьях этой реки, где зимуют журавли и где действительно живут пигмеи-охотники. Слышали также, что еще около 2300 года до н. э. некий египтянин Хирхуф сообщал, что привез с Верхнего Нила для двюра фараона «карлика для божественных танцев». Однако все эти рассказы воспринимались как забавные сказки.

И вот в 1870 г. Георг Швейнфурт с изумлением встретил подтверждение этих казавшихся фантастическим вымыслом утверждений: «Мне оставалось только уставиться во все глаза на реальное, живое воплощение легенды, бытовавшей тысячелетия, зарисовать его и расспросить». Так узнали о существовании народа, который на протяжении многих столетий был расселен практически по всей Тропической Африке. Позднее они были отеснены в глубины экваториального леса высокорослыми негроидными народами (см. Введение). Основные занятия пигмеев — охота для мужчин и собирательство для женщин. Немалая часть пигмеев в Конго, Камеруне, Уганде и ныне ведет традиционный образ жизни. Искусные охотники прекрасно знают как свой лес, так и повадки животных. Они отваживаются охотиться даже на таких крупных животных, как слоны. По мерс-сбора дикорастущих растений на охотничьей территории и исчезновения дичи они покидают старые стоянки и вынуждены, таким образом, вести кочевой образ жизни. В зависимости от богатства или бедности территории совместно кочуют от 2 до 6

семей. Самый старший и самый мудрый признается старейшиной. Охотничья добыча делится между всеми членами группы, больные и слабые обеспечиваются всем необходимым. Частной собственности пигмеи не знают.

В тесном единстве с природой, в сложных условиях влажного и густого экваториального леса, пигмеи выработали экологические принципы, сохраняющие природную среду. Именно они определяли и их моральные нормы. В число наиболее осуждаемых проступков у пигмеев входили загрязнение проточной воды, рубка крупных деревьев, неоправданное убийство животных без нужды в мясной пище, поедание яиц, которые рассматривались как «зародыши жизни». Из поединка с природой, как писал один из исследователей Р. Бутце, пигмеи вышли победителями. Они ощущают себя в гармонии с природой и эту гармоничность выражают в музыке, песнях, сказках, танцах. Вот как поэтична песня, которую мать поет новорожденному: «Мое сердце поет от радости, мое сердце порхает, напевая, под деревьями нашего леса. Наш лес — наш дом и наша мать. В сети поймала я маленькую, крохотную птичку, и мое сердце тоже попало в сети, в сети с маленькой моей птичкой».

Затерянные в глубине леса, пигмеи тем не менее не изолированы полностью от внешних связей. В течение многовекового соседства с высокорослыми соседями у пигмеев сложились своеобразные формы сосуществования. Они издавна занимались обменом охотничьей добычи на сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия — глиняные горшки, калebasы, а главное, наконечники стрел и копий. Чаще всего это был не равноправный обмен, а своеобразная форма серважа. В политических объединениях соседей (баконго, баньяруанда, мангбету) местные правители использовали охотничью ловкость, знание местности, военное искусство пигмеев для разведки. В средневековом Конго отряды пигмеев (прекрасно ориентирующихся на местности и умеющих бесшумно подкрадываться к врагу) нередко решали исход сражений. Пигмеи в Руанде жили при дворах правителей, где складывались целые династии придворных танцоров и воинов.

Г. Швейнфурт совершил еще несколько путешествий в Африку. В 1873—1874 гг. он работал в Ливийской пустыне, в период с 1876 по 1889 г. несколько раз побывал на побережье Красного моря и острове Сокотра, в 1891—1893 гг. неоднократно посещал Эритрею. Но все эти новые поездки не смогли затмить славы его первого путешествия в Судан. До самой смерти его в 1925 г. его не оставляла слава открывателя пигмеев.

ШЕЙХ АНТА ДИОП

Шейх Анта Диоп (1923—1986)— известный сенегальский ученый, один из первых африканских историков и социологов. После окончания Парижского университета долгое время работал в Дакаре, во Французском институте Черной Африки (ИФАН) — ныне Фундаментальный институт Черной Африки. Был одним из основателей в 1968 г., а затем директором Лаборатории радиоуглеродной датировки Дакарского университета.

Его воззрения на историю Африки, идущие вразрез с господствующим тогда европоцентризмом, оказали громадное влияние на формирование африканских историков второй половины XX в. Начиная свою научную работу в годы подъема национально-освободительного движения. Безусловно, это было одним из важнейших стимулов для разработки его теории. Другой стимул — археологические открытия в Африке, заставившие энтузиастов говорить о континенте как о прародине человечества. Наконец, несомненно, что большое влияние оказала на него литературно-политическая концепция «пе-гритюда», разработанная сенегальским поэтом и политиком Леопольдом Седаром Сенгором и поэтом с Мартиники Эме Сезером. Эта теория возникла в Париже, в кружке африканских студентов из разных колоний, вокруг журнала «Презанс африкен». Апологеты ее противопоставляли «дряхлой Европе» дух «молодой Африки», подчеркивая ценность традиционной культуры, эмоциональность, поэтичность, гармоничность

«африканского характера» в противовес сухому, рациональному, конфликтному европейскому, утверждая единство негроафриканской цивилизации.

С 1955 г. в течение нескольких лет он выпускает четыре крупных труда. Важнейший и программный — «Негрские нации и культуры», оказавший громадное влияние на развитие исторической науки во всех странах континента. Уже с первых лет знакомства европейцев с культурой африканских (прежде всего западноафриканских) народов южнее Сахары был замечен ряд черт, перекликающихся с некоторыми особенностями культуры древнего Египта. Культуру, язык и религию Мероэ (на территории современной Республики Судан) вообще долгое время рассматривали лишь как вариант древнеегипетской, тем более что и географически они были соседями. Но и в более отдаленных областях обнаруживалось значительное сходство — женские прически, культы животных, ритуальная символика (например, образ змеи, кусающей свой хвост, как символ вечности, круговорота жизни и смерти), у некоторых народов мумифицировались и бальзамировались трупы умерших правителей, характер «царской» власти и т. п.

Шейх Анта Диоп в своей книге предложил разгадку этого сходства, обосновывая ее «глубоким сродством с негроафриканской психологией», — древнеегипетская цивилизация, по его мнению, была «негрской без всякого внешнего вклада». А затем, полагал он, расселение древних египтян по всему континенту привело к появлению новых культур и государств сначала в Западной Африке, а потом и в других регионах континента. «Египетская античность принадлежит Африке, как греко-римская — Европе», — утверждал он. Именно эту мысль он развивал и во всей своей дальнейшей научной деятельности, считая негроафриканскую цивилизацию самой древней, породившей все остальные.

Эти идеи были в то время с восторгом подхвачены молодыми африканскими историками, осознававшими как свой долг необходимость борьбы с господствующим тогда европоцентристским подходом к истории Африки, объяснявшим все культурные достижения африканцев европейским или иным внешним влиянием. Распространению и живучести этих идей способствовала и политическая обстановка — ведь это были годы активной борьбы за независимость колониальных государств, и то, что уже хорошо известны были находки археологами предков «хомо сапиенс» в Восточной Африке. Со времени выхода работ Шейх Анта Диопа формулировка «Африка — колыбель человечества» воспринималась не только как доказательство места антропогенеза, но и утверждение о том, что вся современная цивилизация как наследница античности и древнеегипетской культуры имеет африканские корни.

Еще одна работа его, также ставшая программной, — «Культурное единство африканцев». В истории культуры он выделял два противостоящих друг другу круга. Южный культурный круг, который объединял районы Ближнего Востока, и земли, лежавшие южнее Средиземного моря, и в котором, как он полагал, главенствующую роль играла Африка, характеризовался матриархальными отношениями, обуславливавшими гармонию и единство. Отсутствие противоречий, гармоничное развитие привело к господству в этом круге социального мира и сохранению важнейших особенностей обществ этого круга в течение всей длительной истории человечества. Таким образом, многие черты, сохранившиеся в африканских обществах с глубокой древности, по его мнению, не свидетельства «отсталости», как часто утверждали европейские ученые, а следствие особой гармоничности развития. Этому культурному кругу как бы противостоял другой, северный, объединявший европейские народы. Северный круг основывался на патриархате, и его основной чертой было насилие. По мнению Шейх Анта Диопа, именно южный культурный круг господствовал в древности и именно ему суждено было стать основой всей будущей мировой цивилизации. Что же касается развития культуры и цивилизации в других районах мира, то, полагал он, оно определялось борьбой этих двух основных культурных кругов.

К этим идеям очень близки разработки Джибрил Тамсир Нианя в работе «Динамизм очагов африканской культуры». Он также утверждал, что Африка представляет собой колыбель человечества, что негроиды некогда заселяли и Европу, в частности, он считает, что кроманьонский человек имел ярко выраженные негроидные черты. Основным же центром зарождения африканской культуры, из которой выросла вся современная мировая цивилизация, он считал Сахару. Отсюда, по мнению автора, распространение культуры шло несколькими путями. Первый шел по Нилу и породил египетскую цивилизацию, второй — на Аравийский полуостров и создал арабскую культуру, третий — через Сахару на Иберийский полуостров. Заселенный в древности негроидами, четвертый — к югу, где возникла руандийская культура, пятый вел из Сахары к Атлантике и создал государства народов йоруба и баконго. Позднее африканцы создали и новые очаги культуры в Новом Свете — негролатинский (Антилы и Южная Америка) и негроанглосаксонский (Северная Америка). «Африка, мать человечества,— патетически восклицал он, — всегда остается плодотворной, всегда подвижной, она дает миру ту человеческую теплоту, ту улыбку, без которой жизнь — лишь долгий путь на Голгофу».

Один из самых последовательных сторонников идей Шейх Анта Диопа — конголезский историк, египтолог по образованию, Теофиль Обенга. Уже в одной из своих первых статей «Африка в античности» он проводит мысль о том, что в каменном веке негроиды были расселены далеко за пределами материка. Более того, по его мнению, негрская раса занимала преобладающее место в населении древнего мира и играла важнейшую и определяющую роль в развитии культуры и цивилизации не только Африки, но и Европы и Азии. «Негры были единственными хозяевами мира в отдаленные эпохи, занимая не только Африку, их родину, но весь юг Европы до Данубы (Дуная) и большую часть Азии», — утверждал он. Одним из важнейших доказательств этого он считал наскальную живопись в странах юга Европы, стилистически близкую сахарской. Эти же идеи он развивал и в более поздних работах, видя доказательства тому в структуре власти, таких обычаях, как сакрализация правителя, мумификация умерших королей и т. п. В Макоко, например (на территории современной Народной Республики Конго), он усматривал доказательства тесной связи местной культуры с древнеегипетской. Эта связь, по его мнению, проявляется и в других аспектах — пластике, религиозных воззрениях (культ предков), космогонии, политической и административной организации, матрилинейной системе родства и т. п. Он полагал, что политический и социальный строй Древнего царства (4-й и 5-й династий) послужил прообразом для политического и социального развития всей Африки в XIV в. и позднее. Явное сходство, вытекающее из единства происхождения, он видел и в языках древнего Египта и остальной Африки. Как и Шейх Анта Диоп, он главной особенностью африканского мира, отличающего его от европейского, считает исключение «всякого дуализма между человеком и природой, равно как и между людьми». А одна из последних работ его даже носит название «Фараоны были по происхождению африканцами».

Эти крайние взгляды, основанные не столько на тщательном изучении конкретного фактического материала, сколько на эмоциональной оценке, разделяются далеко не всеми историками-африканистами. Более трезвый анализ показывает несколько иную ситуацию. Так, известный историк Ж. Ки-Зербо из Буркина Фасо, один из патриархов местной африканистики, не отрицает, что в культуре Египта и Черной Африки можно отметить немало сходных черт. Однако «не следует сразу делать вывод, что все эти культурные черты были заимствованы в Египте, это скорее означает, что существовала общая палеоафриканская основа с центром в Сахаре и что в течение тысячелетий развились серьезные различия между Черной Африкой и долиной Нила». Общее же мнение серьезных историков выразил М. А. Коростовцев: «Это продолжительное совместное существование черных и белых африканцев имело своим результатом возникновение общего для тех и других культурного субстрата, из которого впоследствии развились уже

самостоятельными путями в зависимости от исторических судеб культуры древнего Египта и народов южнее Сахары. Этот культурный субстрат является, конечно, чисто африканским, и выросшие из него культуры являются точно такими же. Иначе говоря, у африканцев черных и белых одни и те же истоки культуры».

Однако круг сторонников идей Шейх Анта Диопа хоть и не очень широкий, все же существует. Так, в начале 80-х годов появилась работа камерунского ученого Бетоте Дика-Аква нья Бонамбела. Он исходит из утверждения о единстве всего древнего мира и его негроафриканской природе, включая Восточное Средиземноморье вплоть до Индии. История Африки и ее государственных образований, по его мнению, просто процесс расселения населения из северо-восточной зоны этого мира и перенесение все тех же древних политических и культурных ценностей. При этом цивилизации Черной Африки сумели сохранить и развить то, что египтяне потеряли. Он полагал, что только со времени завоевания Камбизом в середине I тысячелетия до и. э. можно рассматривать Египет как часть Древнего Востока, а не Африки. «Упадок Египта фараонов, — считает Бетоте Дика-Аква нья Бонамбела, — начался с потери негрской гегемонии в тогдашнем мире и изоляции его от Африки».

Вновь к обсуждению этой проблемы обратились авторы вышедшего в Оксфорде в 1986 г. сборника «Великие африканские мыслители», значительная часть которого посвящена Шейх Анта Диопу. А в 1991 г., на X международной конференции по эфиопским исследованиям в Аддис-Абебе Тсегаи Гебре Медхин выступил с несколько модифицированной идеей негро-африканской сущности древнеегипетской цивилизации, считая последнюю вышедшей из Эфиопии.

Однако большинство историков (в том числе и африканские) скептически относятся к подобным крайним точкам зрения. С критикой их выступали и французские (Ж. Сюре-Каналь), и русские (Л. Е. Куббель, М. А. Коростовцев, Б. Б. Пиотровский), и африканские (Ж. Ки-Зербо, Хама Бубу) исследователи. Новая волна африканских ученых даже утверждала, что поддержка идей Шейх Анта Диопа не что иное, как «защита вчерашнего дня». И сам основатель идей родства и преемственности культур Древнего Египта и Черной Африки в последние годы жизни относился к ним более осторожно. Не отказываясь от прежних убеждений полностью, он соглашался с необходимостью более глубокого и серьезного изучения проблемы. Эту же точку зрения и надежду на новые методы исследования выразили и авторы «Всеобщей истории Африки», издающейся под эгидой ЮНЕСКО.

ЭВЕКА

В первые десятилетия XX в. русские люди читали у Н. Гумилева.

*Я тебе, о мой Нигер, готовлю другую
Небывалую карту, отраду для глаз,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нежный атлас.
Снизу слева кровавые лягут рубины —
Это край металлических странных богов.
Кто зарыл их в угрюмых ущельях Бенины
Меж слоновьих клыков и людских черепов?*

Первым оба — верховным правителем Бенина (на территории современной Нигерии), согласно устным историческим хроникам, считался Эвека, который жил, видимо, в XIII в. Ему и его ближайшим преемникам приписывается организация четкой системы управления, единой иерархии знати, широкого городского строительства, введения новых типов оружия — луков и мечей, появление в стране лошади и создание

конной гвардии. Раскопки древнего Бенина показали, что это был большой, хорошо укрепленный город со стенами выше 16 м и оборонительным рвом около 2 м глубиной. Подсчеты археологов говорят, что только для сооружения этих укреплений нужно было не менее 5 000 человек.

В XIV—XV вв. правители Бенина вели активные войны, обложили данью 201 поселение, проложили хорошие дороги. Война и взимание дани с соседей были тогда, как и в древней Руси, главными источниками богатства. Сложился обычай дважды в год совершать военные походы с этой целью. Немалую долю добычи при этом составляли пленники. Достаточно подробно об этом периоде, когда Бенин был самым мощным политическим образованием в этом регионе, рассказывают европейцы — уже в 1484 г. здесь побывал первый из них — португалец Пашеку Перейра.

Временем наибольшего могущества страны и расцвета ее неповторимого искусства были XVI—XVII вв. Европейцы, уже установившие связи с этой далекой страной, с удивлением и восторгом писали о пышности двора, богатстве знати, монопольной власти правителей, называли Бенин «Великим». В городе жило тогда более 15 000 человек. Он, по описаниям голландцев, состоял из тридцати больших прямых и широких улиц, на которых дома с навесами и балюстрадами стояли под сенью бананов и пальм. Особенно поражала голландцев любовь местных жителей к чистоте, благодаря чему их «дома... отполированы и блестят, как зеркальные стекла».

Как в каждом средневековом городе, жители расселялись поквартально согласно своим занятиям. А они были многочисленны и разнообразны. Ткачи, придворные ювелиры и резчики по дереву и слоновой кости, литейщики, кожевники, гончары, плетельщики образовывали корпорации, селившиеся совместно. В Бенине их было около 40, в том числе еще царские лекари, музыканты, сказители, охотники, скотники, дворцовые слуги, «чиновники» фискальной службы. Нередко традиционное расселение сохранялось до наших дней. Так, еще в 1988 г. бронзолитейщики жили компактно в одном квартале и, «согласно неписаному закону гильдии, лить бронзу можно только на улице Игун». Эти ремесленные объединения, довольно замкнутые, строились по принципу кровнородственных связей.

Архитектурной доминантой, географическим и идеологическим центром города был дворец правителя. Сохранились гравюры с его изображением, бронзовая модель, описания нескольких европейцев, первыми увидевшими его в средние века (сам дворец был разрушен англичанами в 1897 г.). Голландский купец С. Бломерт рассказывал: «Он, пожалуй, так велик, как город Гарлем, и обнесен вокруг особой стеной (кроме той, что защищает город с одной стороны). Дворец состоит из множества великолепных домов и прекрасных длинных четырехугольных галерей почти такой же величины, как биржа в Амстердаме... Кровля этих галерей покоится на деревянных столбах, сверху донизу обитых медью, с изображением военных подвигов и битв... Большинство этих королевских домов покрыто пальмовыми листьями наподобие четырехугольных досок. Каждая крыша украшена островерхой башенкой, на которой стоит литая из меди птица с распростертыми крыльями, очень искусно с натуры изображенная».

Другой голландец, ван Ниендаль, подробно описал внутреннее устройство дворца, с несколькими галереями и внутренними дворами. Первая галерея была окружена 58 деревянными столбами-подпорками высотой в 11—12 футов (ок. 4 м). Во внутренние покои нужно было идти через ворота в высокой глиняной стене. Их было три, над средними была сооружена башня 60—70 футов (22—24 м) высотой, с верха которой спускалась бронзовая змея. Большой внутренний четырехугольный двор вел ко второй галерее, а за ней новым двором — к третьей. И первая, и вторая галереи были обиты пластинами с рельефами, рассказывавшими об истории народа и правителя, войнах, победах, праздниках (которые были важной частью государственной политики, обеспечивающей плодородие и благополучие народа), а вдоль третьей стояли изображения воинов, охотников, торговцев. За белым занавесом располагалось главное

святилище, где хранились бронзовые головы — вместилища душ умерших предков *обы*. Только потом, за третьим внутренним двором, шла последняя, четвертая галерея, ведущая к самым жилым покоем.

Власть правителя носила черты «священного царя-жреца». Он воспринимался как великий волшебник, целитель, могучий, храбрый и прозорливый воин. После священных ритуалов он якобы наделялся сверхъестественной силой, становился символом здоровья и благополучия всего народа, был медиатором-посредником между бенинцами и божествами, от одного из которых — бога грома и молнии Шанго — они вели свое происхождение. Степень сакрализации его была чрезвычайно высока, церемонии, с ней связанные, поражали пышностью и размахом. Власть его казалась неограниченной, однако на деле строго регламентировалась обычаем и советом знати, а оба обладал прежде всего ритуальной властью. Не раз бенинским правителям приходилось отстаивать свою власть, иногда подкупом, а то и с оружием в руках.

После смерти правителя, как полагали бенинцы, его душа пребывала в особом хранилище — специально отлитой из бронзы голове. Голова вообще почиталась как вместилище желаний, чувств, взглядов, удачи, судьбы (всего, что составляет собственно человека) и являлась объектом поклонения. Отлитые из сложного сплава, традиционно называемого бронзой, такие головы, как и другие ритуальные предметы (двойные колокольца, сосуды, ритуальные мечи, украшения и т. п.), составляют славу бенинского искусства и долгое время порождали ожесточенные споры исследователей. Первым из них (а в Европе эти предметы стали известны в конце XIX — начале XX столетия) трудно было поверить, что их творцами были африканцы. Их авторами объявляли и португальцев, и неясно откуда пришедших «хамитов», и даже потомков жителей Атлантиды. На деле они созданы местными жителями и продолжают традиции более раннего искусства культуры терракоты Нок (I тысячелетие до н. э.) и Ифе (X— XI вв.). Они выполнялись в технике «потерянного воска». Для этого делалась глиняная основа, затем ее обмазывали воском, на котором прорабатывались все детали будущего изделия, а поверх она покрывалась еще одним слоем глины, в котором оставляли отверстия. Через верхнее заливали расплавленный металл, который занимал место растопленного воска, вытекающего через нижнее отверстие.

Это искусство было придворным, сакральным, сложился определенный канон изображения. Это были не портреты реальных лиц, а символы. Изображения носили регалии власти — многочисленные низки коралловых бус на шее, особые головные уборы с высокими «ушками» (такие регалии сохранились у традиционных правителей Бенина и в наши дни). На верхушке такой шапочки делалось углубление, где закреплялся резной слоновый бивень. Сохранялись такие бронзовые головы, вместе с другими ритуальными предметами, в особых алтарях. В той же технике изготавливали и пластины-барельефы, украшавшие стены дворца.

В 1897 г. англичане в ходе колониальных захватов, несмотря на ожесточенное сопротивление, покорили Бенин, столица была сожжена и разграблена, дворец разрушен, и бесценные произведения национального искусства разворованы солдатами. Так почти все они оказались в Европе, пополнив частые коллекции, а затем и музеи, став предметом гордости имевших их. По обмену с музеями мира некоторые из них попали и в нашу страну — в Кунсткамеру Санкт-Петербурга и Музей антропологии МГУ. И здесь открылась еще одна загадка. Когда более внимательно присмотрелись к барельефам, то увидели, что их можно «читать», как пиктограммы. «Стены дворцов бенинских царей, — писал крупнейший российский африканист Д. А. Ольдерогге, — были украшены примерно так, как стены древнеегипетских дворцов и храмов, изображения на стенах которых имели совершенно ясную последовательность и были связаны единством содержания». Он же изучил резьбу на слоновых бивнях, укреплявшихся на бронзовых головах и ободках, на которых эти головы держались. Их покрывали ряды фигурок царя, вельмож, европейцев и т. п. Прежде эти изображения расценивались как просто узоры,

теперь же стало ясно, что это пиктограмма — своеобразная «запись» поминального обряда по умершему правителю. Иногда заметны не подробные «картинки», а отдельные предметы или символы (например, парадный топорик или меч вместо изображения правителя либо вместо женщины с погремушкой в руке — одна рука с погремушкой). Д. А. Ольдерогге насчитал 12 таких символов и предположил, что это шаг к выработке иероглифического письма.

ЭЗАНА

Более 30 лет назад, в 1969 г., экспедиция Эфиопского института археологии обнаружила новый памятник — надпись Эзаны, самого знаменитого правителя древнеэфиопского государства Аксум. Это было не первое открытие — подобные надписи стали известны с середины XIX в., а в начале XX столетия появились научные публикации Немецкой Аксумской экспедиции. Как и у многих владык древнего Востока, они носят хвalebный характер, рассказывают о походах, победах, достижениях. Из них вырисовывается картина процветающей страны, жители которой занимались земледелием, скотоводством, ткачеством и торговлей, добычей и обработкой металлов, строили храмы и поклонялись многим божествам. Прочные связи были у них с жителями Аравии, Восточной Римской империи, Египта, даже Индии и Китая. Окрестные народы побаивались их и выплачивали дань. Рабы были не столь важны для победителей — число убитых всегда превышало число взятых в плен.

Эти данные дополняются рассказами античных авторов и материалами археологических раскопок. Последние говорят о том, что еще в I тысячелетии здесь, на севере современной Эфиопии и Эритреи, жили искусные ремесленники и земледельцы, раскинулись оолышие города, величественные храмы. Они не сохранились до наших дней. Но и сейчас еще можно видеть некоторые памятники того времени, вызывающие и поныне споры своим загадочным назначением и происхождением, — так называемые «обелиски» или «стелы». В Аксуме они стоят на большой платформе, а одна из самых знаменитых была вывезена итальянцами и находится в Риме. Всего насчитывается более 150 стел. Они очень разные — высотой от 3 до 33,5 м (правда, последняя упала и раскололась). Часть из них — из гладкого камня, на других — солярные и астральные знаки. А несколько представляют собой как бы модель узких и высоких многоэтажных зданий со стилизованными окнами, крышей, дверями, архитектурными деталями настоящих дворцов... Немецкий путешественник Солт писал во второй половине XIX в.: «Это высокохудожественное и весьма величественное произведение искусства, изготовленное из цельного гранитного блока и насчитывающее все 60 футов (21 м) в высоту, произвело на меня почти помимо моей воли такое же впечатление, как и тогда, когда я увидел его впервые, и я чувствовал себя еще более, чем прежде, склонным восхищаться совершенным мастерством и изобретательностью, проявленными при выполнении столь громадной работы. Со времени моего прежнего посещения монумента я имел возможность сравнить его со многими египетскими, греческими и римскими сооружениями. И это сравнение подтверждает мою оценку памятника как самого восхитительного и совершенного сооружения подобного рода». К тому времени уже не сохранились обнаруженные археологами позднее памятники I тысячелетия до н. э., говорившие о культурных связях с Южной Аравией. Они были довольно тесными — имели место переселения, эфиопская система письма несомненно связана генетически с древнесабейской...

Со II в. Аксум хорошо известен всем, чьи пути шли по Красному морю. Правители его обеспечивали плавание по нему, боролись с пиратами, торговали с Египтом, Аравией, Индией, Китаем, посылали в эти страны и своих купцов, которые иногда основывали там свои поселения, как, например, на Цейлоне или в Южной Индии.

Среди многих правителей древнего Аксума наибольшей славой пользовался Эзана, правивший в IV в. Ему приписывалось множество великих деяний, хотя, скорее всего, они были совершены разными правителями (в источниковедении хорошо известен феномен «стяжения», концентрации вокруг одного исторического персонажа событий, длившихся на самом деле десятилетиями). Так, именно в его время была проведена «огласовка» (введение значков для гласных) письменности, которой в Эфиопии пользуются до сих пор. К этому времени сформировалась территориальная целостность Аксума. Окончательно определилась его ведущая политическая роль в этом регионе. С его именем нередко связывают введение чеканки золотых и серебряных монет, хотя известны и более ранние. Наконец, его считают героем христианизации страны. Действительно, в период его правления здесь возникли первые христианские общины монофиситов (признающих единую — божественную природу Христа) и началась активная деятельность проповедников. Но сначала это были лишь немногочисленные общины купцов-иноземцев, затем к ним присоединились их слуги, а затем и представители знати. Однако хотя впоследствии христианство стало государственной религией, оно никогда не было единственной, и для всех императоров страны борьба с язычниками и мусульманами и христианизация подданных были важными задачами внутренней политики.

Аксум был связан с Южной Аравией не только легендой о Соломоновой династии (от библейского царя Соломона и царицы Савской, владения которой были на юге полуострова). Южные районы — Химьяр и Саба (на территории современного Йемена) подчинялись ему, правда, часто отпадая от главной территории. Но только в VI в. они отпали окончательно. Это время известно как период эфиопо-химьяритских войн. В это время в ближневосточном регионе соперничали христианство и иудаизм. Прежде христианские южноаравийские области при правлении Зу-Нуvasа стали иудаистскими, христиане стали подвергаться гонениям, иногда весьма жестоким. Это явилось поводом для посылки карательных экспедиций Аксума. Войны затянулись на несколько лет (это неудивительно, если вспомнить о муссонах, дующих по полгода в одном направлении, — поэтому поддержка со стороны африканского берега была затруднена). Зу-Нуvas потерпел поражение. Казалось, юг Аравии навсегда, вернулся под власть Аксума. Но случилось нечто непредвиденное. Абрыха, военачальник одного из аксумских гарнизонов, оставленных в Химьяре, бывший раб, ставший вольноотпущенником, заявил о своей независимости от центральной власти. Возможно, это одно из первых свидетельств социального протеста. Его обуревали грандиозные планы. Один из них — завоевание всего полуострова. С этой целью в 570 г. он отправил отряд боевых слонов на Мекку. Поход не удался, однако этот год, в который родился Мухаммад, будущий Пророк, остался в памяти как «год слона». С этого времени Аксум окончательно лишился своих заморских владений.

А вскоре осложнилась политическая обстановка во всем этом регионе. Аксум и его старая союзница Византия, издавна контролировавшая торговый путь из Красного моря в океан, столкнулись с растущим влиянием Персии, которой удалось завоевать «дорогу благовоний». Аксум лишился, таким образом, не только заморских владений, но и больших прибылей. Положение усугубилось с возникновением ислама и его активной военно-территориальной экспансии. Уже на стыке VII—VIII вв. мусульмане захватили прибрежные острова, а затем и порты. Знаменитый порт Адулис был разгромлен, а Красное море надолго стало «арабским озером».

Аксум же потерял выход к морю. Упадок продолжился. Уже с VI в. золотые и серебряные монеты уступили место более дешевой бронзе, а с VIII в. археологи уже не находят никаких монет. Под давлением внешней угрозы, при потере доходов от торговли центральная власть слабела, начали вспыхивать волнения. Все вместе взятое привело к падению Аксума как крупного политического объединения. В последующем политический центр переместился к югу, но Аксум остался символом истоков эфиопской

цивилизации и центром коронационных торжеств многих будущих императоров Эфиопии.

ЮСУФ БИН ХАСАН

Когда в 1498 г. корабли Васко да Гама вошли в Индийский океан, он уже давно был ареной оживленных международных связей. Индийские, китайские, арабские купцы хорошо знали пути из своих портов в города Восточной Африки. Недаром и самого знаменитого флотоводца из Малинди на берегу современной Кении в индийский порт Каликут провел местный лоцман, впоследствии горько пожалевший об этом.

Немало доказательств этих связей собрали историки разных стран — здесь и письменные свидетельства как чужеземцев, так и местных хроник, археологические находки, стили ремесленных изделий, есть и лингвистические «следы» (особенно в языке суахили). Античные источники рассказывают, что купцы везли ткани, посуду, пряности, «сакхари» (тростниковый сахар), индийские жемчужины. В Индию ездили паломники, желающие познакомиться с индийскими религиозно-философскими учениями, прослеживаются связи христианства с буддизмом и индуизмом. Со времен античности ведет свое начало и торговля с Китаем. Шелк — «паутина страны серов» — был известен в древности в Северо-Восточной Африке, а в Китае появлялись страусы, топазы с островов Красного моря, изумруды из Судана и т. д.

Античные сведения продолжают рассказы средневековых авторов. В это время торговые пути смещаются на юг, на побережье современных Кении и Танзании. Так, аль-Идриси (XII в.) пишет, что из Малинди железо идет в Индию, «где оно продается за большие деньги, ибо пользуется большим спросом и составляет предмет многочисленных торговых сделок». Немало сведений о торговле и обмене посольствами сохранилось в китайских средневековых документах. Флотилия Чжен Хэ побывала в начале XV в. у берегов Восточной Африки.

Сведения письменных источников подтверждает и археология. Кушанские монеты в Эфиопии, печать и остраконы с письмом брахми и т. д. говорят о связях с Индией. А известный английский африканист М. Уилер говорил даже, что история Восточной Африки написана на китайском фарфоре — так много осколков его обнаружено в самых разных районах этого региона.

Однако ко времени появления португальцев единственный боеспособный флот — китайский — уже ушел из Индийского океана. Легкие, главным образом торговые, суда арабов, более приспособленные для каботажного плавания, не могли создать для них серьезной угрозы. Тем не менее португальцы застали здесь процветающие города, жившие торговлей с Востоком. Барбоша писал в 1501 г., что жители Малинди живут в каменных домах, «среди них есть и черные, и белые. Все они великие менялы, торгуют тканями, слоновой костью и жемчугом... В это райское место каждый год приходит великое множество кораблей, груженных товарами».

Суахилийцы так описывали эти города в «утенди» — средневековых поэтических рассказах.

*В золоченые дома
Никогда не входит тьма,
Как служанка, жизнь сама
Их заботой окружила.
В доме жемчуг и фарфор,
И хрусталь ласкает взор,
Всюду выстелен ковер,
Где нога бы ни ступила.
А взгляни на кладку стен —*

Всюду тисс или эбен —
 Остальное прах и тлен —
 Здесь забота уложила.
 Свет на время забытья
 Приглушает кисея.
 Воздух дымная струя
 Ароматом напоила.
 Смех в гареме день-деньской,
 Разговоры на мужской
 Половине, а в людской
 Мрак рассеялся постылый.
 Угощенье за столом,
 Умощенье перед сном,
 И под пенье за окном
 Легкий танец девы милой.
 На подушках — бахрома,
 И тиснение, и тесьма,
 Их искусная весьма
 Мастера рука расшила.

Долгое время создание их приписывали пришельцам-арабам. На деле они (и это подтверждается археологическими данными) уже существовали задолго до появления здесь арабских торговцев. Пришельцы, безусловно, оказали большое влияние на жизнь жителей. Многие из них приняли ислам, заимствовали арабскую лексику, но при этом остались африканцами, сохранив до наших дней традиционную культуру.

Португальцы закрепились на побережье. Вначале они использовали города побережья как пункты для пополнения запасов воды и продовольствия на пути в Индию, где в Гоа сложился центр португальской колониальной империи. Однако вскоре они увидели богатые возможности торговли. В городах сосредоточивались товары, привезенные как с востока, так и из внутренних областей. Запасы золота, серебра, слоновой кости были столь велики, по рассказам очевидцев, что их невозможно было сразу вывезти. По всему побережью, от Мозамбика на юге и до Момбасы и Малипдн на севере, португальцы разместили свои гарнизоны.

Безоглядный грабеж приводил ко всевозрастающему сопротивлению населения, временами перераставшему в крупные восстания. В XVI в. только в Момбасе их прошло несколько — в 1505, 1528, 1589 гг., последнее — в 1592 г. было жестоко подавлено: город был практически разрушен, в нем построен форт Жезус (сохранившийся до наших дней), где остался португальский гарнизон. Здесь же была основана таможня, взимавшая пошлины в пользу португальцев со всех судов, входивших в гавань, и со всех товаров, идущих как с моря, так и из внутренних областей.

Недовольство копилось и в среде простого люда, и в купеческой верхушке, и среди знати Малинди и Момбасы. Султаны Малинди требовали большей доли в доходах от торговли и официального признания их не подданными, а союзниками Португалии. Выразителем этих требований стал султан Малинди Хасан бин Ахмед. Вызванный в 1614 г. в резиденцию вице-короля «обеих Индий» (так назывались португальские владения в Азии и Африке) в Гоа, он отказался покинуть континент, бежал из Малинди в глубь страны, был настигнут и убит по приказу португальских властей.

В 1623 г. из Гоа вернулся его сын Юсуф ибн Хасан. Он в детстве был крещен под именем Жерониму Чингулия, учился у монахов-августинцев, даже служил во флоте португальцев. В Гоа он женился на португалке. По возвращении в Африку португальцы поставили его во главе Момбасы. Однако он вскоре разочаровался в культуре европейцев, близко увидев их алчность, корысть, презрение к местным жителям. Эти чувства

обострили память о насильственной смерти отца. Узнав об этом от надежных соглядатаев, португальские власти решили отправить его в Гоа, чтобы выдать инквизиции как вероотступника — ведь он отрекся от прежних друзей и покровителей и вновь начал исполнять мусульманские обычаи. Но Юсуф бин Хасан сумел их опередить и 15 августа 1631 г. поднял народ на антипортугальское восстание. В свидетельстве очевидца записано: «Король (так португальцы именовали султана. — Э. Л.) послал сказать коменданту крепости Педру Лейтапу де Гамбоа, что желает нанести ему визит. Он пришел, и комендант в соответствии с приказом Его Величества вручил ему ключи от крепости... Король схватил нож и напал на старого и невинного капитана и, не дав ему времени опомниться, перерезал ему горло. Странники короля ворвались в ворота крепости и убили всех находившихся в ней португальцев». Триста его сторонников перебили гарнизон города.

Он обратился ко всем городам побережья с призывом присоединиться к движению. Хотя и не все, но откликнулись на его призыв, особенно жители Пембы и Малинди, а также соседние племена. Его «очень уважали туземцы» — признавали современники-португальцы. Успешному ходу восстания помогло то, что к этому времени власть португальцев в акватории Индийского океана ослабла, они уже были изгнаны из оманских и иранских владений Персидского залива.

Юсуф бин Хасаи объявил движение «джихадом», священной войной мусульман, но, как писал российский исследователь А. М. Хазанов, «религиозная форма борьбы наполнялась совершенно определенным социально-политическим содержанием. Это подтверждается, в частности, тем, что под знаменем "джихада" выступили многие немусульманские и даже исповедующие христианство африканские вожди».

На подавление восстания был послан флот из 18 судов и армия из 800 солдат-португальцев. Высадка в январе 1632 г. и попытка захватить город, который защищали 200 воинов Юсуфа бин Хасаи и 200 — миджекенда (племени, пришедшего на помощь горожанам), окончились неудачей. Понеся большие потери, флот был вынужден снять осаду и уйти, так как к тому же приближался сезон муссонов.

Юсуф бин Хасан, реально оценивая резервы противника, понимал безуспешность дальнейшей войны и, использовав брошенные португальцами корабли, решил 16 мая 1632 г. отправиться за помощью в Мекку или Турцию. В других частях побережья движение продолжалось. Так, только в 1636 г. удалось подавить восстание на Пембе. А в 1638 г. погиб и Юсуф бин Хасан во время пиратского нападения на его корабль у входа в Красное море.

Момбаса потеряла даже видимость независимости, но спокойнее португальцам не стало. Хронисты писали: «С приходом каждого северо-восточного муссона гарнизон с беспокойством смотрел в сторону Мекки». И на Пембе еще неоднократно восставал народ с оружием в руках. Особенно крупными были восстания 1646г., когда непрерывно шли сражения «32 дня и 32 ночи», а через несколько лет — еще в течение двух месяцев. А в 1686 г. с Пембы были вынуждены бежать все португальцы и даже местная правительница-христианка — их ставленница.

Другим центром сопротивления стал город Пате (в 1637, 1660, 1678, 1686 гг.). Нахабанская династия этого города с большим или меньшим успехом объединяла и другие города, а в 1650 г. восстаниями было охвачено почти все побережье. В союзе с суахийцами выступил султан Омана, и в 1637 г. Момбаса несколько месяцев была в руках его воинов. На протяжении нескольких десятилетий еще вспыхивали такие очаги сопротивления, то достигавшие временного успеха, то жестоко подавляемые, как в 1694 г. на Пембе.

Оманский флот из семи судов с тремя тысячами воинов в 1697 г. подошел к Момбасе, и после трех лет осады арабы захватили город и порт. Одновременно войсками султана Омана были захвачены Килва и Пемба (на территории современной Танзании). Пришедшая на помощь португальская эскадра бесславно вернулась в Гоа. Так

закончилась эра господства португальцев на суахилийском побережье. Лишь ненадолго, в 1727— 1729 гг., им удалось вернуть Момбасу, но новое восстание местных жителей изгнало их уже окончательно.

Подробнее о времени, когда жили и действовали герои этой книги, можно почитать в монографиях:

- [*Балезин А. С. У великих африканских озер.*](#) М., 1989.
Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1980.
Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. М., 2000.
История стран Азии и Африки в средние века. Т. I—II. М., 1987.
[*Кобищанов Ю. М. Аксум.*](#) М., 1980.
Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. М., 1986.
[*Куббель Л. Е. Страна золота.*](#) М., 1970 (I изд.), 1990 (II изд.).
Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории великой саванны. М., 1978.
[*Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость в XVI—XVII вв.*](#) М., 1982.
Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII— XVI вв. М., 1982.
Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII в. М., 1990.